

ПЕРВЫЕ ДВА ИЗДАНИЯ ВЫШЛИ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГРУППЫ
Исполн. Комисси по учред.

МОСКОВСКАГО ГОРОДСКОГО МУЗЕЯ
НАГЛЯДН. УЧЕБНЫХЪ ПОСОБІЙ.

КНИГА ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ

ДЛЯ НАЧАЛЬНЫХЪ ШКОЛЬ.

СОСТАВИЛИ:

О. Вейхельтъ, М. Н. Коваленскій, В. А. Петру-
шевскій и В. Я. Улановъ.

ИЗДАНИЕ ПЯТОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ.

ИЗДАНИЕ Т-ВА «МІРЪ».*

Москва, Знаменка, 9.

Цѣна 2 р.

Предисловіе къ 1-му изданію.

Расширеніе программъ начальной школы вызываетъ потребность въ книгѣ по русской исторіи, которая дала бы доступный и занимательный матеріалъ для начальной школы.

Эта назрѣвшая потребность побудила насъ приступить къ созданію такой книги.

Сознаніе трудности предпринятаго дѣла заставило насъ не довѣрять только своимъ силамъ, а всячески исходить изъ указаній педагогическаго опыта лицъ, посвятившихъ себя преподаванію въ начальной школѣ.

При установленіи объема и содержанія книги мы имѣли въ виду какъ указанія специальной литературы по этому вопросу, такъ и существующія или предлагаемыя программы преподаванія въ городскихъ и земскихъ начальныхъ школахъ.

Въ книгѣ своей мы давали, главнымъ образомъ, картинки бытовой, культурной жизни русскаго народа, стараясь подыскать для ея изложенія живую, красочную, конкретную форму, какъ болѣе доступную пониманію учащихся въ начальной школѣ, и въ этомъ отношеніи шли навстрѣчу извѣстному постановленію съѣзда учителей городскихъ училищъ по Полож. 1872 г.; при чемъ на ряду съ написаніемъ оригинальныхъ статей, составители пользовались красочнымъ матеріаломъ разсказовъ и повѣстей Карновича и Солодовникова, значительно перерабатывая ихъ съ цѣлью приспособленія къ пониманію нашего маленькаго читателя.

Окончательную отдѣлку свою книга наша получила въ исторической подкомиссіи при Московскомъ городскомъ музеѣ наглядныхъ пособій, что дало намъ возможность воспользоваться цѣнными критическими указаніями посѣщавшихъ подкомиссію учащихся въ московскихъ городскихъ школахъ какъ въ отношеніи содержанія, такъ и формы каждой статьи; при этомъ нѣкоторыя части книги были прочтаны учащимися въ московскихъ городскихъ школахъ и составители имѣли удовольствіе отчасти лично убѣдиться въ томъ, что даже болѣе трудная, съ ихъ точки зрѣнія, статья были восприняты учащимися безъ особаго напряженія.

Давая сравнительно обширный матеріалъ для начальной школы, составители руководились мыслью, что часть этого матеріала будетъ изучена въ видѣ обычнаго урока, другая часть послужитъ матеріаломъ для прочтенія съ учителемъ въ классѣ, третья—прочтется учащимися внѣ класса самостоятельно.

Въ этихъ видахъ составители старались дать отдѣльнымъ статьямъ или отдѣламъ ихъ законченный видъ, чтобы они представляли изъ себя по возможности самостоятельное, независимое отъ предшествующихъ и послѣдующихъ отдѣловъ чтеніе; въ то же время всему этому матеріалу приданъ характеръ систематическаго курса элементовъ русской исторіи.

Мы предпочитаемъ, что предлагаемая нами книга годится и для первыхъ классовъ средней школы.

МОСКВА.

Т-во „Печать С. П. Яковлева“, Петровка, Садовнич. пер., д. Т-ла, № 9.

1913.

Предисловіе ко 2-му изданію.

Во второмъ изданіи настоящей книги составители старались по мѣрѣ силъ воспользоваться всѣми указаніями, сдѣланными по поводу перваго изданія критикой. Въ этихъ видахъ сдѣланы въ книгѣ значительныя перемѣны, введены новыя статьи: Кіевъ при Ярославѣ, статьи о Петрѣ Великомъ, о его пресмнникахъ, объ эпохѣ Екатерины II; переработаны заново статьи по смутѣ, и особенно по XIX вѣку, — о судѣ, о военной службѣ, и т. д.; заново написанъ и отдѣлъ, посвященный Государственной Думѣ. Приложены усилія и къ исправленію отдѣльныхъ ошибокъ, указанныхъ критикой или замѣченныхъ составителями въ первомъ изданіи. Выпуская книгу въ свѣтъ въ этомъ исправленномъ и дополненномъ видѣ, составители остаются, однако, вѣрными общимъ началамъ, положеннымъ въ основу книги въ первомъ ея изданіи.

Предисловіе къ 3-му изданію.

„Книга по русской исторіи“ была пасынкомъ въ школѣ стараго строя. Она не только не была „допущена“ и „одобрена“, но специальнымъ распоряженіемъ изъята изъ употребленія въ школахъ.

Тѣмъ не менѣе книга выдержала два изданія. Это даетъ основаніе составителямъ ея, при выпускѣ третьяго изданія, ограничиться самыми элементарными измѣненіями въ текстѣ книги и расширить введеніемъ новыхъ статей только тѣ отдѣлы, которые въ первыхъ двухъ изданіяхъ, по цензурнымъ условіямъ, были слишкомъ сжаты или вовсе замалчивали извѣстные важныя моменты русской исторіи.

Въ настоящемъ изданіи вводятся слѣдующія новыя статьи:

1. Отношеніе современниковъ къ Петру I.
2. Крѣпостница на престолѣ (Анна Иоанновна).
3. Цѣлый новый отдѣлъ: „Время Николая I“, состоящій изъ статей: (Декабристы, б) Чиновники Николая I (судъ, полиція, въ министерствахъ).

4. Ограниченіе самодержавія въ Россіи.

Кромѣ того измѣнена статья: „Какъ жили помѣщики?“ введеніемъ болѣе красочнаго матеріала, расширена статья: „Какъ жили крѣпостные?“

Измѣненіями этими составители имѣли въ виду какъ пополнить невольныя пробѣлы прошлыхъ изданій, такъ и дать матеріалъ для чтенія взрослымъ, приступающимъ къ первоначальному ознакомленію съ русской исторіей.

Введя новыя статьи, составители въ общемъ придерживались тѣхъ же приемовъ доступнаго изложенія, которыми они руководствовались при составленіи книги, согласно указаніямъ „Исторической Группы Моск. Городскаго Музея Наглядныхъ Пособій“, гдѣ была проработана настоящая книга въ первыхъ двухъ ея изданіяхъ.

Отрицательной особенностью третьяго изданія является совершенное отсутствіе рисунковъ въ текстѣ книги. Этотъ дефектъ объясняется утратой старыхъ клише; восстановленіе же новыхъ клише замедлило бы выходъ книги, а главное удорожило бы ее до непосильной для начальной школы цѣны.

Составители.

Древнѣйшія времена.

* Какъ живутъ люди теперь.

Мы хорошо знаемъ, какъ живутъ люди въ наше время. Они живутъ въ домахъ, носятъ платье, сшитое изъ тканей, работаютъ орудіями, сдѣланными изъ металла, варятъ себѣ пищу на огнѣ. Отнемъ же освѣщаютъ и согреваются себѣ жилища. Одни живутъ въ деревняхъ, въ небольшихъ деревянныхъ избахъ; другіе живутъ въ городахъ, въ деревянныхъ и каменныхъ домахъ.

Городская жизнь не похожа на деревенскую. Дома въ городахъ строятся во много этажей, въ три и четыре, въ пять и шесть и больше. Жители городовъ носятъ сапоги и шляпы, пиджаки и жилеты, торгуютъ въ лавкахъ и магазинахъ, работаютъ на фабрикахъ и заводахъ. Такъ живутъ городскіе люди.

Нынешнимъ людямъ, особенно городскимъ, приходится много ѣздить. Для этого служатъ имъ желѣзныя дороги. Отъ города до города кажутся по рельсамъ ряды вагоновъ, и везетъ ихъ не лошадь, а паровозъ — машина, движимая паромъ. Въ городахъ и по улицамъ ходятъ вагоны, трамваи; ихъ движетъ уже не паръ, а электричество.

Всюду есть теперь грамотные люди, умѣющіе читать и писать. Для нихъ пишутся книги, издаются газеты. Изъ книгъ можно узнать много новаго, многому научиться. Въ газетахъ печатаютъ каждый день извѣстія, приеланные изъ разныхъ мѣстъ по почтѣ, желѣзной дорогѣ или по телеграфу и телефону. Жители городовъ всегда могутъ знать, что дѣлается во всемъ свѣтѣ, — въ Петербургѣ и Лондонѣ, въ Японіи и Америкѣ.

Если случится гдѣ убійство или кража, за обиженныхъ есть кому вступиться. Разыскавъ виновнаго, его приведутъ въ судъ, къ судьямъ. Судьи станутъ его судить и накажутъ тюрьмой, ссылкой, каторгой. Если нападутъ враги, придутъ войной иноземцы, — противъ нихъ пойдутъ войска, двинутся полки, пушки, броненосцы. Чтобы было на что держать солдатъ и судей, пушки и броненосцы, — устроена казна. Въ казну собираютъ деньги, подати съ народа.

Такъ живутъ люди теперь у насъ и въ другихъ странахъ.

Какъ жили люди въ старину.

Такъ живутъ люди теперь. Но совсѣмъ не такъ жили люди въ прежнія времена. Было время, когда не было ни городовъ, ни домовъ. Только это было много вѣкомъ назадъ.

Тогда все въ этихъ мѣстахъ было совсѣмъ другое. И солнце палило жарче, и растенія и животныя были здѣсь совсѣмъ не тѣ, что теперь. Такія растенія и животныя бывають теперь только въ жаркихъ странахъ. Въмѣсто березъ, липъ и елокъ, тутъ росли пальмы, цѣлые пальмовые лѣса. Въмѣсто волковъ и зайцевъ, можно было встрѣтить льва, гіену или страуса. Въ вѣтвяхъ деревьевъ прыгали и качались не бѣлки, а обезьяны. Людямъ можно было не думать о теплѣ, не строить теплыхъ жилищъ, не пить теплыхъ одеждъ. Жили они въ пещерахъ, въ ямахъ или просто въ лѣсу и почевали на кучѣ листьевъ. Ходили совсѣмъ безъ одежды или надѣвали одинъ поясъ, связанный изъ листьевъ. Такъ жили древнѣйшіе люди на землѣ.

Позднѣе все это измѣнилось. Жить стало холоднѣе; земля покрылась толстымъ слоемъ льда, который не таялъ даже лѣтомъ, — какъ теперь на дальнемъ сѣверѣ. Тамъ, гдѣ не было льда, росли тощія мхи и низкіе кусты. Бродили звѣри, одѣтые толстой шкурой: медвѣди, мамонты, сѣверные олени и др. Мамонты теперь вымерли, не живутъ нигдѣ; но тогда ихъ было еще очень много. Это были огромные звѣри, похожіе на слона, только еще больше его, лохматые, съ длинной шерстью. Какъ у слона, у нихъ были клыки и хоботъ. Людямъ также пришлось пить себѣ теплыя одежды, строить настоящіе жилища. Домовъ строить они не умѣли, а строили простые шалаши. Въмѣсто платьевъ надѣвали шкуру, содранную со звѣря. Такими были первыя жилища и одежды.

Люди каменнаго вѣка.

Въ тѣ времена люди не знали еще металловъ, ни мѣди, ни желѣза и не могли дѣлать изъ нихъ никакихъ орудій. На охоту они ходили съ палкой, рогатиной или камнемъ. Камень старались обдѣлать, заострить; для этого ударили по нему другимъ камнемъ. Потомъ, заостривъ кое-какъ камень, привязывали его лыкомъ къ палкѣ, — и получали каменный топоръ или мотыку, копьѣ или стрѣлу. Стрѣлой стрѣляли изъ лука, сдѣланнаго изъ куска дерева. Изъ камня дѣлали и ножи и скребки; ножами рѣзали себѣ пищу; скребками очищали содранную со звѣря шкуру. Главныя орудія люди того времени дѣлали изъ камня. Камень былъ для нихъ то же, что для насъ желѣзо. Ихъ поэтому и прозвали людьми каменнаго вѣка.

Съ такимъ оружіемъ ходили они на звѣря, добывали себѣ пищу и одежду. Охотились на медвѣдей, оленей, мамонтовъ и другихъ звѣрей, какіе водились тогда въ Европѣ. Питались мясомъ звѣрей, убитыхъ на охотѣ. Кое-гдѣ питались и человеческимъ мясомъ, — мясомъ плѣнниковъ, взятыхъ на войнѣ. Среди нашихъ предковъ были, значить, и людоеды.

Какъ ни плохо жили тогда люди, — они уже умѣли украшать свои жилища, свое оружіе и самихъ себя. Для украшения, чтобы поправиться другъ другу, они надѣвали ожерелья, сдѣланныя изъ звѣриныхъ зубовъ просверленныхъ и напизанныхъ на нитку. Покрывали узорами собственное тѣло, какъ это дѣлають дикари въ Австраліи. Узоры на кожѣ выцарапывали заостренной косточкой и потомъ покрывали краской. Украшали и рукоятки своихъ орудій и стѣны своихъ пещеръ. Рисовали звѣрей, какихъ встрѣчали въ лѣсу и въ полѣ. Сохранились рисунки оленей, медвѣдей, мамонтовъ. Это было уже начало живописи.

Все это стоило людямъ большихъ трудовъ. Силъ одного человѣка не могло хватить. Приходилось соединяться, жить и работать сообща. Въмѣстѣ ходили на охоту, особенно на такихъ звѣрей, какъ мамонтъ. Въмѣстѣ выходили и на прага, когда надо было нападать или защищаться. Въмѣстѣ трудились надъ выдѣлкой каменныхъ орудій. Всѣ ютились въ одной пе-

щери или въ нѣсколькихъ, стоящихъ рядомъ. Но такіе поселки были не велики, и жило въ нихъ немного народа: какой-нибудь десятокъ, другой. Жители такого поселка должны были сами и воевать, и судить, и наказывать виновныхъ.

И о смерти думали тогда иначе, чѣмъ думаютъ теперь. Люди каменнаго вѣка считали, что на томъ свѣтѣ человекъ живетъ такъ же, какъ и на этомъ свѣтѣ, и нуждается во всемъ, что бываетъ нужно живымъ людямъ. Поэтому они клали съ покойникомъ въ могилу его оружіе, украшенія, пищу и тому подобное.

Такъ жили люди каменнаго вѣка. Это были еще настоящіе дикари. Но они умѣли уже готовить оружіе и орудія для работы и для охоты. Умѣли строить себѣ жилища и изъ шкуръ дѣлали одежды. А главное—они умѣли добывать огонь. Они добывали его трениемъ дерева о дерево,—палки, напримеръ, о бревно. Огонь давалъ имъ тепло и свѣтъ. Они могли варить пищу и ѣсть не одно сырое мясо; могли разводить костеръ, чтобы отогнать звѣрей. Но добывать огонь было не легко, и его старались не тушить: подлаживали въ костеръ новые дрова и слѣдили, чтобы огонь не погасъ. Считали огонь чѣмъ-то священнымъ и берегли его, какъ сокровище.

Какъ постепенно мѣнялась жизнь людей.

Такъ люди научились уже строить себѣ жилища, дѣлать одежды, готовить орудія, добывать огонь. До всего этого люди дошли своимъ умомъ. Но на этомъ они не остановились. Они продолжали устраивать, улучшать свою жизнь. Постепенно они научились еще многому.

Прежде всего научились они шлифовать и сверлить камень. Шлифовали его на точильномъ камнѣ, сглаживая на немъ всѣ неровности. Для сверленія былъ особый снарядъ. На камень ставили стоймя палку съ надѣтымъ на нее тяжелымъ кругомъ, колесомъ. Верхній конецъ палки обматывали длинной веревкой, привязанной къ концамъ лука, какъ тетива. Потомъ брали въ руки лукъ и тянули его книзу. Отъ этого веревка разматывалась, а палка вертѣлась и нажимала на камень. Подъ палку сыпали сырой песокъ. Такимъ образомъ удавалось провертывать дыру въ камнѣ.

Умѣнье шлифовать и сверлить камень было для людей

очень важно. Теперь можно было дѣлать топоры, болѣе гладкіе, острые и удобные, съ отверстиями въ серединѣ; ихъ можно было насаживать на рукоятку. Улучшались также и всѣ другія орудія. Вся жизнь становилась совсѣмъ иною.

Одежды и жилища мѣнялись также. Одежды шили себѣ изъ льняныхъ тканей. Для жилья строили настоящія избышки. Если жили близко къ водѣ, у рѣки или озера, то вбивали въ дно сваи и на нихъ ставили избышки. Вода защищала ихъ отъ хищныхъ звѣрей и отъ сосѣдей. На берегъ можно было ходить по мосту или переплывать къ выдолбленной колодѣ: это были первыя лодки.

Въ то же время люди научились готовить посуду. Они обмазывали глиной плетенныя корзинки, и ставили ихъ на огонь сушиться. На огнѣ глина становилась твердой, а прутья сгорали; такъ получались горшки и кувшины, — первая глиняная посуда нашихъ предковъ.

Тогда же люди приручили къ себѣ животныхъ, стали пахать землю на быкахъ и лошадей, брать у коровъ и овецъ молоко и шерсть. Питались теперь не однимъ мясомъ, плодами и кореньями: сѣяли хлѣбныя растенія, ѣли кашницу изъ зеренъ, размолотыхъ между двухъ камней. Питались также молокомъ, масломъ и т. п.

Еще позднеѣ люди познакомились съ металлами. Это были сначала мѣдь и олово, потомъ уже желѣзо. Изъ мѣди стали лить топоры, ножи, наконечники стрѣлъ и копій и всевозможныя украшенія и уборы. Но мѣдь легко гнулась и для оружія и орудій не годилась. Стали прибавлять въ нее олово; плавилъ ихъ вмѣстѣ и получали болѣе твердую бронзу. Но и бронзовые орудія гнулись. Поэтому, когда нашли желѣзную руду, всѣ орудія и оружіе стали ковать изъ желѣза, а изъ бронзы дѣлали только кольца, браслеты и другія украшенія. Желѣзо, чугунъ, сталь и до сихъ поръ идутъ на выдѣлку всякихъ машинъ, ружей, пушекъ и т. д. Изъ бронзы и теперь дѣлаютъ лампы и подвѣшники.

Такъ постепенно, въ теченіе вѣковъ, мѣнялась жизнь людей. Понемногу, при помощи своего ума, труда, усилій, наши предки создали все то, чѣмъ мы теперь пользуемся въ жизни. Они научились побѣждать природу и заставили ее служить

амь; запрягли воду и вѣтеръ, паръ и электричество, а въ самое послѣднее время научились и летать по воздуху. Много вѣковъ нужно было, чтобы все это такъ измѣнилось.

Откуда мы все знаемъ.

Все это было очень давно. Въ тѣ времена люди не знали грамоты, и сама азбука не была еще изобрѣтена людьми. Никто не могъ записать, какъ жили тогда наши предки. Изъ книгъ и писаній мы ничего не узнаемъ объ ихъ жизни.

Но это можно узнать иначе. Въ разныхъ мѣстахъ сохранились остатки жилья нашихъ предковъ. Найдены, напримѣръ, пещеры, гдѣ когда-то жилъ человѣкъ. Пещеры эти давно занесло пескомъ и иломъ, но ученые раскопали ихъ и нашли груды костей, звѣринныхъ и людскихъ, нашли каменные и костяные орудія, черепки глиняной посуды и тому подобныя предметы. Въ другихъ мѣстахъ раскопаны такія же груды не въ пещерахъ, а въ лѣсахъ и посреди полей; здѣсь, очевидно, было человѣческое жилье, стояли шалаши нашихъ предковъ.

Въ некоторыхъ мѣстахъ, на рѣкахъ и озерахъ, оказались на днѣ, въ пескѣ и илѣ, обугленные обломки свай. Среди нихъ въ водѣ—множество орудій, костей, черепковъ, найдены обрывки кожи и тканей, куски рыболовныхъ сѣтей, косточки плодовъ и ягодъ и хлѣбныя зерна. Здѣсь тоже, стало быть, жили когда-то люди.

Раскопаны не одни жилища. Раскопано множество могилъ. Надъ могилами насыпаны иногда высокіе курганы. Въ этихъ могилахъ сохранились кости покойниковъ. Тутъ же найдено много всего, что клали съ покойникомъ въ могилу: оружіе и одежды, уборы и украшенія, остатки пищи въ глиняныхъ сосудахъ.

Во всѣхъ этихъ мѣстахъ сохранилось также много костей животныхъ, жившихъ въ Европѣ въ то время и съ тѣхъ поръ вымершихъ или ушедшихъ въ другія страны. Такъ, въ пылѣишей Франціи, Англии и Россіи попадаются кости мамонтовъ, носороговъ, львовъ, гіенъ. Мамонты вымерли со всѣмъ: носороги, львы, гіены водятся теперь только въ жаркихъ странахъ. Кости мамонта были найдены и въ самой Москвѣ.

Можно еще иначе узнать о томъ, какъ жили въ старину наши предки. Это были настоящіе дикари. А дикари и сейчасъ еще живутъ въ разныхъ странахъ. Много живетъ ихъ въ Америкѣ и Австраліи и на островахъ Тихаго океана. Есть дикари и въ Россіи, на сѣверѣ, у Ледовитаго океана, и въ Сибири. Это — эскимосы, чукчи, камчадалы. Нѣкоторые изъ нихъ только недавно познакомились съ металлами. А въ Австраліи до сихъ поръ живутъ люди, ходящіе совсѣмъ голыми, не умѣющіе стрѣлять изъ лука и изготовляющіе себѣ топоры и коши изъ камня, да и то плохо. Ученые ѣздятъ въ эти страны, изучаютъ обычаи и привычки дикарей. Такими же дикарями были когда-то и наши предки въ Россіи и Европѣ.

Картины „Каменный Вѣкъ“—Васнецова.

Въ одномъ изъ музеевъ Москвы, — Историческомъ, на стѣнахъ изображена въ картинахъ самая жизнь дикарей — нашихъ предковъ, или первобытныхъ людей, какъ ихъ называютъ. Эти картины написаны художникомъ Васнецовымъ и называются: «Каменный Вѣкъ».

На картинахъ этихъ можно видѣть, какъ эти люди одѣвались, какое у нихъ оружіе, какъ они жили, работали, добывали себѣ пищу. У входа въ пещеру стоятъ нѣсколько мужчинъ и женщинъ и раздираютъ звѣриную шкуру, — готовятъ первобытную одежду. Тутъ же, по-близости, сидятъ на камнѣ старій, сѣдой дѣдъ и мать съ дѣтьми. Дальше сидятъ люди за работой: одинъ ударами камня о камень изготовляютъ каменные ножи и топоры, другіе вырѣзаютъ рисунки на кости и рогѣ, третьи покрываютъ узорами глиняную посуду.

А вотъ охотники, пришедшіе съ охоты съ добычей въ рукахъ и на снѣгѣ. Другіе только идутъ еще на охоту. Съ ними ихъ оружіе — камни, привязанные къ палкамъ. Рыболовъ поймалъ на удочку рыбу. Двое мужчинъ долбятъ колоду, готовить лодку. Старикъ третъ палкой о бревно, добываетъ огонь. Подлѣ него — мальчикъ, надулъ щеки, приготовился раздуть искру, когда она будетъ.

Вотъ, наконецъ, охотники въ борьбѣ съ самымъ мамонтомъ. Они загнали его въ яму и бьютъ камнями, копьями и стрѣлами. Но нѣсколько человѣкъ уже погибло въ этой бор-

бѣ; ихъ тѣла лежатъ на землѣ, они убиты мамонтомъ. Огромный звѣрь жестоко отбивается отъ своихъ враговъ, грозитъ и ихъ схватить хоботомъ и расшибить о землю.

Русскіе славяне.

Наша страна теперь и въ старину.

Нашу страну мы называемъ Россіей.

Много земли она занимаетъ: всю восточную половину Европы и сѣверную часть Азии. На сѣверѣ, у Бѣлаго моря и Ледовитаго океана, разстилается безконечная равнина—тундра, поросшая мхами. Въ серединѣ на сотни верстъ тянутся лѣса, богатые всякимъ звѣремъ и птицей. А еще дальше на югъ, по берегамъ Черпаго и Каспійскаго морей, зеленѣютъ широкія степи, покрытыя травами и цвѣтами. По краямъ высіяты горы, то голыя и мрачныя, то обросшія дремучимъ лѣсомъ. Во все стороны разбѣгаются многоводныя рѣки.

Тысячи селъ и сотни городовъ въ нашей странѣ. Между городами проложены желѣзныя дороги. Поѣзда бѣгутъ во все концы, за тысячи верстъ перевозятъ людей и товары. А по рѣкамъ плывутъ баржи, пароходы. Въ Россіи живутъ теперь, кромѣ насъ, русскіхъ, и поляки, и нѣмцы, и финны, и татары, и многіе другіе народы. Сто пятьдесятъ миллионѣвъ душъ насчитали въ Россіи населенія.

Не всегда Россія была такой, какъ въ наше время. Лѣсовъ было больше, чѣмъ теперь. Они покрывали почти всю страну. Тамъ, гдѣ сейчасъ пахарь ходитъ за плугомъ, или стоитъ большой многолюдный городъ, не было ни проходу, ни проѣзду. На каждомъ шагу преграждали путь то великаны-деревья, то густыя заросли кустарника. Было холодище и сырѣе. Въ лѣсной глуши было много озеръ и топчыхъ болотъ. Только по рѣкамъ, которыя были многоводнѣе теперешнихъ, можно было пробиться съвозъ чащу вѣковыхъ лѣсовъ. Людей было совсѣмъ мало. Можно было проѣхать сотни верстъ и не встрѣтить ни души.

Въ такой странѣ жили наши предки-славяне. Они занимали обширную лѣсную равнину по Днѣпру, Волхову и Окѣ. Назывались они тогда не русскими, какъ мы теперь. На Днѣ-

прѣ тамъ, гдѣ кончался лѣсъ и начиналось чистое поле, жили поляне. Къ западу отъ нихъ въ лѣсу поселились древляне. Было еще и много другихъ, родственныхъ между собою племенъ.

Славянский поселокъ.

Лѣсная глушь. Среди густого лѣса темной лентой высятся рѣка. Громадныя вѣтви деревьевъ низко нависаютъ надъ водой, а изъ размытаго берега торчатъ обнаженные корни. Мѣстами берегъ вмѣстѣ съ деревьями осыпался въ воду. Во всю ширину рѣки образовалась запруда, мѣшающая свободному проѣзду. Тихо кругомъ. Слышно, какъ дятель долбитъ дерево, да кукуетъ кукушка. Вотъ съ шумомъ и трескомъ промчалось стадо дикихъ кабановъ, ломая вѣтви по пути. Прошло на водопой стадо дикихъ козъ. Пчелы жужжатъ и вылетя роємъ у дула громаднаго дерева.

На высокомъ холмѣ, надъ рѣкой, подымается дымъ, и слышится людской говоръ. Тамъ, на расчищенной полянѣ, въ безпорядкѣ разбросаны строенія. Въ одномъ изъ нихъ живутъ. Строеніе мало похоже на нашу избу. Это, скорѣй, сарай, построенный изъ тонкихъ жердей. Жерди сколочены деревянными гвоздями, связаны лыкомъ. Щели замазаны глиною. Крыша устроена изъ жердей, покрытыхъ дерномъ, тростникомъ или соломой. Темно и грязно внутри жилища. Слабый свѣтъ едва проходитъ сквозь небольшія окна, прорубленные въ стѣнѣ. Стекло въ окнахъ нѣтъ. На ночь и въ холодъ ихъ закрываютъ досками. Въ избѣ нѣтъ ни печи, ни трубъ. Огонь для тепла и для варки пищи разводятъ на очагѣ, сложенномъ изъ камней посрединѣ избы. Дымъ выходитъ въ окна, двери или отверстіе въ крышѣ. Простой столъ и двѣ-три деревянные лавки составляютъ все убранство. Въ углу брошено нѣсколько охапокъ сѣна, покрытыхъ шкурами. Это постели. Кругомъ избы расположены хлѣвъ и загородки для скота, землянки для храненія зерна и другихъ запасовъ.

Какъ ни плохо устроено жилье, но все же въ немъ можно пріютиться отъ непогоды, согрѣться у пылающаго очага, укрыться отъ дикаго звѣря и отъ опаснаго сосѣда. На случай опасности дворъ обнесень насыпью изъ земли да крѣпкимъ заборомъ изъ кольевъ.

И избу, и хлѣвы, и земляной валъ — все выстроили сами

збитатели двора. Во дворѣ живетъ большая семья. Члены семьи сами добываютъ все необходимое для жизни: и пищу, и одежду. Чѣмъ больше работниковъ въ семьѣ, тѣмъ лучше. Легче и землю пахать, и на охоту ходить, и защищаться. Когда семья увеличилась, замужнія дочери и женатые сыновья не отдѣлялись, а жили вмѣстѣ. Въ одномъ дворѣ въ двухъ или трехъ избахъ живутъ и дѣдъ и внуки, и отецъ и дѣти. Человѣкъ 20 и больше въ такой семьѣ. Старшій въ семьѣ смотритъ за хозяйствомъ, разбираетъ споры и ссоры домашнихъ.

Какъ славяне хозяйничали?

Рано, чуть свѣтъ, поднимается семья и, доѣвши, принимается за работу. На мужчинахъ надѣты широкия рубахи и штаны изъ грубаго холста. Подпоясаны они ремнемъ съ бронзовой или желѣзной пряжкой. За поясомъ кремень, огниво и ножъ. Ноги обуты въ лапти или кожаные сапоги. На головѣ войлочная или мѣховая шапка. Въ холодъ надѣваютъ сверхъ обычной одежды звѣриную шкуру. Одежда женщинъ и дѣтей сшита тоже изъ холста, шерстяной матеріи или шкуръ.

Работы для всѣхъ много. Чтобы справиться съ ней, лучше подѣлится ее между членами семьи. Вотъ въ сторонѣ на солнцѣ сушатся сѣти послѣ вчерашняго улова. Старикъ внимательно осматриваетъ сѣти, не порвались ли онѣ. Другой, помоложе, готовится на рыбную ловлю. Онъ ладитъ удочку и желѣзную острогу, которой колкоть всплывшую на поверхность рѣки рыбу. Нѣсколько подростковъ гоняютъ стадо на лѣсную поляну. Есть въ стадѣ и лошади, и коровы, и овцы, и свиньи. Ребята съ лукошками изъ бересты и прутьевъ бѣгутъ въ лѣсъ за грибами и ягодами, дикими грушами или яблоками. Въ углу двора, подъ навѣсомъ, двое запрягаютъ въ соху лошадь, думаютъ на цѣлый день ѣхать пахать. Тяжелый это трудъ. Удобной земли мало, надо сначала выжечь кустарникъ, выкорчевать пни и затѣмъ ужъ пахать да сѣять.

Трое рослыхъ и сильныхъ мужчинъ собрались на охоту. Одинъ изъ нихъ захватилъ тяжелый желѣзный топоръ на длинной рукояткѣ, двое другихъ вооружились стрѣлами и лукомъ, копьями да рогатиной. Охотники взяли съ собой въ мѣшки виленаго мяса, нѣсколько хлѣбныхъ лепешекъ и, кликнувъ

собакъ, выходить со двора. Сойдя къ берегу, охотники прыгаютъ въ узкій челнокъ и быстро ѣдутъ внизъ по рѣкѣ.

Много всякаго звѣря водится въ лѣсу. Есть бѣлки и куницы, бобры и соболи, волки и медвѣди, дикіе кабаны и туры (быки). Охота на многихъ звѣрей опасна, можно и домой не вернуться.

Приставъ къ отлогому берегу, охотники привязываютъ челнокъ и по узкой тропинкѣ входятъ въ лѣсъ. По дорогѣ они часто сворачиваютъ въ сторону. Глядятъ, не попалла ли въ канканъ лиса, цѣлы ли сѣтки и силки для птицъ. Еще наканунѣ ихъ разставили охотники. Вдругъ собаки тревожно залаяли и заметались. Одинъ изъ охотниковъ быстро нагнулся и указалъ товарищамъ рукой на слѣдъ медвѣдя. Со вниманіемъ и осторожностью идутъ охотники все дальше и дальше. Пробираются сквозь колючій кустарникъ, перебираются черезъ болото. Наконецъ, собаки, бѣжавшія впереди, отчаянно залаяли. Они напали на берлогу. Медвѣдь яростно поднялся на заднія лапы, отбросилъ ударомъ лапы собаку, выплывшюся ему въ бокъ, и со страшнымъ ревомъ пошелъ прямо на охотниковъ. Одинъ изъ охотниковъ отважно бросается впередъ и воззаетъ ножъ въ грудь медвѣдя. Ударъ приходится прямо въ сердце, и огромный медвѣдь валится на землю. Но и охотнику не даромъ досталась побѣда: медвѣдь оцарапалъ ему руку и грудь. Сквозь разорванную рубаху льется кровь. Но сейчасъ не до этого. Охотники быстро стали снимать шкуру, вырѣзывать лучшіе куски мяса и ѣсть его, пока не остыло. Солнце стало опускаться, когда они кончили работу. Охотники срубили двѣ крѣкія вѣтки, положили на нихъ шкуру и мясо и пустились въ обратный путь, спѣша до захода солнца добраться домой.

Между тѣмъ, оставшіяся въ усадьбѣ женщины занялись своимъ дѣломъ. Нужно приготовить обѣдъ, сварить въ горшкѣ мясо или рыбу, смолоть на ручномъ жерновѣ зерно и испечь лепешки, надѣить молока. Однѣ женщины прядутъ и ткутъ изъ шерсти и льна, другія шьютъ или чинятъ одежды, лѣпятъ изъ глины посуду.

Такъ мирно за работой проходитъ день и близится къ концу. Наступаютъ сумерки. Отовсюду возвращаются въ домъ работники. Всѣ собираются вокругъ пылающаго очага поужинать и расходятся по угламъ до слѣдующаго утра.

Такъ жили наши предки тысячу лѣтъ назадъ.

Местъ.

Однажды жители поселка ста- гнать на охотѣ стадо ди- вихъ козъ. Только выгнали стадо на поляну, какъ вдругъ изъ- за деревень засвистали въ воздухѣ стрѣлы, и полетѣли копыя. Главнѣе стадо сначала подумали, что это стрѣляютъ изъ засады свои. Но когда изъ кустовъ выбѣжали нѣсколько чело- вѣкъ и стали подбирать добычу, въ нихъ узнали сосѣдей изъ близкаго поселка. Поднялся споръ. «Мы съ полудня гонимъ стадо. Зачѣмъ вы переняли?» — кричали загонщики. «А мы почему знали?» — отвѣчали сосѣди. «Хотите подѣлимся? Возьмите половину». Тѣ не уступали, твердили, что вся до- быча должна достаться имъ. Подосѣли остальные охотники. Завязалась драка. Въ дракѣ охотники убили двоихъ изъ сосѣ- дей и отняли добычу. Родственники убитыхъ поклялись отом- стить за убійство.

Черезъ нѣсколько дней они подошли поселокъ. Погода была сухая и вѣтреная, и огонь быстро охватилъ все построй- ки. Къ утру вмѣсто избъ и сараевъ торчали лишь обгорѣлыя бревна, грудой лежали тлѣющіе угли, валялся всякій хламъ, да испуганно жался къ матерямъ плачущія дѣти. Пропала работа многихъ дней. Пришлось погорѣльцамъ снова потра- тить много силъ, чтобы вновь застроить сгорѣвшій дворъ. Такъ отомстили сосѣди.

Такая расправа была въ то время въ обычаѣ. Изъ наше время, если кто обидитъ другого, украдетъ вещь или убьетъ челоуѣка, — обидчика, вора, убійцу, забираютъ и ведутъ въ судъ. Судья разбираетъ дѣло и наказываетъ виновнаго, при- казываетъ посадить его въ тюрьму. Не такъ было въ старину. Люди сами расправлялись съ обидчикомъ. Украдутъ у кого- либо сѣти или уведутъ лошадь, хозяинъ уграденнаго самъ ста- рается отыскать и поймать вора. Онъ отбираетъ у вора похи- щенныя вещи, да и еще побьетъ вора или запретъ на нѣсколь- ко дней въ сарай, чтобъ отучить отъ воровства. Подрался два челоуѣка, одинъ другому вышибъ глазъ или зубъ. Постра- давшій при встрѣчѣ постарается обидчику отплатить тѣмъ же. «Око за око, зубъ за зубъ, кровь за кровь», — вотъ какое пра- вило. Если случится убійство, родственники убитаго — брать,

сынъ или отецъ сами должны были преслѣдовать и убить ви- новатаго. Если не могли поймать убійцу, то старались убить кого-либо изъ близкихъ его. Такъ долгіе годы шла у сосѣдей вражда.

Какъ славяне воевали и города строили.

Воевать славянамъ приходилось часто. Воевали и меж- ду собою и съ сосѣдними народами. На войнѣ славяне были жестоки. Врагу не было пощады, не жалѣли ни женщинъ, ни дѣтей, ни стариковъ. Плѣнныхъ предавали мучительной смер- ти или заставляли ихъ работать на себя, дѣлали рабами.

Сражаться въ открытомъ полѣ славяне не любили, а ста- рались заманить непріятеля въ лѣсъ и нападали изъ-за за- сады. Они превосходно плавали и могли подолгу оставаться въ водѣ. Чтобы скрыться отъ враговъ, а потомъ неожиданно напасть на нихъ, славяне прибѣгали къ хитрымъ уловкамъ. Они погружались въ воду, а для дыханія во рту держали длинныя, пустые внутри стволы тростника.

Бились славяне желѣзными мечами, палицами, сѣкира- ми, стрѣляли изъ деревянныхъ луковъ стрѣлами, намазан- ными ядомъ, бросали копыя, металъ изъ пращи камни. Для защиты прикрывались деревянными и желѣзными щитами.

Для защиты отъ враговъ славяне строили крѣпости. Въ крѣпостяхъ воины отсиживались отъ врага и притали иму- щество, укрывали женщинъ и дѣтей. Крѣпости строили такъ. Выбирали лугъ, богатый водой и тростниками, намѣчали круг- лое или четырехугольное мѣсто. Вокругъ него выкапывали ровъ, насыпали изъ вынутой земли валъ и утаптывали землю. На верху вала вбивали заостренныя дубовыя бревна. Валъ укрѣ- пился досками, и въ валу устраивались ворота. Отъ воротъ черезъ ровъ, наполненный водой, перекидывали мостъ. Мостъ въ случаѣ опасности легко было убрать. Строили крѣпости и на высокомъ обрывѣ надъ рѣкой. Такая крѣпость была лучше.

Свои крѣпости славяне называли городами: отъ слова «городить», «огораживать». Въ нашей странѣ много было та- кихъ городовъ. Одни были невелики, всего 10—20 сажень, другіе — версты двѣ въ длину и ширину. Большіе города да- вали убѣжище цѣлому племени. Передъ войной въ городъ сходились на сходку все взрослые мужчины племени. Они выбрали вожда — князя, рѣшали, какой дорогой идти на

врага, какъ защищаться. Внутри города или подъ его стѣнами строили жилища. Славяне часто жили въ нихъ и въ мирное время. Когда славяне начали торговать, въ городахъ стали селиться кушцы, ремесленники. У славянъ въ IX вѣкѣ самыми большими и многолюдными городами были Киевъ, Новгородъ, Смоленскъ.

Какъ славяне заботились о душахъ умершихъ.

Славяне думали, что, когда человѣкъ умираетъ, душа его вылетала у него изо рта, какъ легкой вѣтерокъ или дымъ. Покойнику надо было прежде всего закрыть глаза. Иначе кто-нибудь изъ близкихъ или знакомыхъ умретъ. Покойника обмывали, наряжали. Родственники причитали и плакали, чтобы покойникъ увидѣлъ, какъ его любятъ, и заплатилъ добромъ. Потомъ тѣло клали въ гробъ,—выдолбленную дубовую колоду,—и ставили въ передней уголъ избы. Въ стѣнѣ продѣлывали отверстіе, чтобы черезъ него душа могла улетать и прилетать къ своему тѣлу.

Черезъ три дня умершаго выносили изъ избы. Для выноса разбирали стѣну. Отверстіе потомъ заделывали, чтобы душа нешла назадъ дороги, не пугала бы домашнихъ. Покойника зарывали въ землю и насыпали курганъ. Въ могилу клали пищу, посуду, оружіе, одежду. Славяне вѣрили, что все это пригодится на томъ свѣтѣ; душа будетъ ѣсть, пить и наряжаться. На похоронахъ богатаго человѣка убивали быковъ, лошадей. Иногда убивали и илѣнныхъ, захваченныхъ на войнѣ. Они должны были служить своему господину и на томъ свѣтѣ.

Душу на дорогу надо было покормить и развеселить, чтобы ей не было скучно. Послѣ похоронъ устраивались поминки. Родственники и сосѣди ѣли, пили медъ и веселились, а подъ столъ бросали куски пищи, выливали напитки, пазывали душу по имени, приглашали поить, поѣсть. При этомъ ножомъ пищу рѣзать нельзя было; можно, думали, печально ранить душу.

Родственники покойнаго должны были правильно похоронить его тѣло и позаботиться о душѣ. Если покойника похоронили неправильно, и душа осталась недовольна, она будетъ вредить живымъ. Если душѣ угодили, она будетъ помо-

гать въ работѣ и дома, и на полѣ, и въ лѣсу. Душа разстается съ тѣломъ не советѣмъ. Она живетъ въ могилѣ, выходитъ изъ нея и бродитъ на землѣ. Душа показывается людямъ въ видѣ животнаго или человѣка.

Душа можетъ навсегда покинуть, могилу и уйти въ рай. Рай — небесная страна. Тамъ много свѣта, зелени, тамъ играютъ души умершихъ. Не сразу душа попадаетъ въ рай. Нужно плыть черезъ моря и рѣки, карабкаться на высокія крутыя горы. Поэтому съ покойникомъ клали ременную или веревочную лѣстницу и не стригли ему ногтей. Такъ душѣ легче будетъ карабкаться на небо въ рай. Чтобы облегчить душѣ дорогу въ рай, нѣкоторые славяне не зарывали покойниковъ въ землю, а сжигали ихъ. Душа, думали они, улетитъ вмѣстѣ съ дымомъ въ рай. Такъ представляли себѣ славяне жизнь людей послѣ смерти. ✕

Боги славянъ.

Славяне были язычники. Они вѣрили во многихъ боговъ. Одни боги — добрые и помогаютъ человѣку, другіе — злые и вредятъ ему.

Въ каждой избѣ живетъ дѣдушка домовый, предокъ семьи, ея покровитель. Домовой — маленькій старичокъ, обросшій шерстью и мягкимъ пупкомъ. Даже ступни ногъ и ладони покрыты волосами. Домовой живетъ за печкой, грѣется у огня. Ему оставляютъ на ночь ужины, кормятъ хлѣбомъ, кашей, пирогами. Если домовому хозяинъ угождаетъ, онъ помогаетъ въ хозяйствѣ. Онъ смотритъ за всѣмъ домомъ, бережетъ лошадей, коровъ, овецъ, наблюдаетъ за овиномъ, огородомъ, конюшней, хлѣвомъ. Если домового не кормить, онъ начнетъ дунуть куръ, скотина будетъ худѣть идохнуть. Ночью вдругъ поднимется шумъ, трескъ, возня. Славяне думали, что это домовый пугаетъ, не даетъ никому покоя. Если семья переселяется, то и домового надо взять съ собой. Для этого сдѣдуетъ срести горячій уголь, перенести на новое мѣсто и зажечь отъ нихъ огонь на очагѣ, чтобы домовый могъ грѣться.

Въ лѣсу живетъ лѣшій. Онъ — весь косматый, зеленый. Голова у него острокопечная, съ рожками, ноги козлиныя, на рукахъ длинныя когти. Лѣшій любитъ качаться на вѣтвяхъ, какъ на качеляхъ. Онъ свистѣть, аукать, хохочетъ, хлопаетъ

въ ладоши, ржетъ, какъ лошадь, мычитъ, какъ корова, лаетъ, мяукаетъ. Лѣшій — хозяинъ лѣса. Подъ его властью и звѣри, и птицы. Онъ самъ можетъ обернуться всякимъ звѣремъ и птицей, морочить путника въ лѣсу, сбиваетъ съ дороги, заводитъ въ болото. Онъ угоняетъ у пастуха скотъ, не даетъ охотнику убить звѣря, поймать птицу. По лѣшяго можно задобрить: отдать ему овцу или корову, пообѣщать первую добычу на охотѣ или положить на пень кусокъ хлѣба, блинъ, пирога. Осенью лѣшій бунтуетъ въ лѣсу, ломаетъ деревья, гонитъ звѣрей. На зиму онъ проваливается подъ землю до весны.

Въ рѣкахъ, озерахъ и болотахъ живетъ водяной. Голова у водяного косматая, вся въ тинѣ, съ выпученными зелеными глазами. Лицо у него опухшее, брюхо толстое. Водяной любитъ жить въ омутѣ. Тамъ у него большія палаты, стада лошадей, коровъ и овецъ, утащенныхъ у пастуха. Закидываетъ рыбака сѣти, а рыба не ловится. Водяной всю рыбу распугалъ, думаетъ рыбака. Чтобы умилостивить водяного, топили въ омутѣ овцу, корову или лошадь. Зимой водяной спитъ, а къ веснѣ просынается. Шумитъ, бурлитъ рѣка, заливаются луга и поля, уносятъ скотъ и людей. Это водяной проснулся, жертвы требуетъ.

Въ луннымъ ночи опасно, по повѣрью славянъ, ходить въ лѣсу у рѣки или озера. Изъ воды вышльзываютъ русалки-утопленницы съ длинными зелеными волосами. Онѣ бѣгаютъ по мягкой травѣ на лугу, водятъ хороводы, качаются надъ водой на вѣтвяхъ деревьевъ, поютъ пѣсни, плачутъ, какъ малыя дѣти. Если человекъ подойдетъ близко къ русалкамъ, онѣ защекочутъ его до-смерти и унесутъ на глубокое дно рѣки.

Выше всѣхъ этихъ земныхъ боговъ — боги небесные. Каждый день выѣзжаетъ изъ золотыхъ палатъ на огненныхъ коняхъ богъ солнца. Солнце лучами-стрѣлами гонитъ ночь, разгоняетъ туманы, разбиваетъ льды и снѣга. Подъ лучами солнца луга покрываются сочной зеленой травой, цвѣты расцвѣтаютъ, рожь зрѣетъ и колосится. Солнце грѣетъ и кормитъ человека, оно — податель всѣхъ благъ. Когда люди прогнѣваютъ солнце, то оно посылаетъ на землю свои огненные стрѣлы. Сожнутъ ручьи, горитъ трава и хлѣбъ, моръ и голодъ губятъ людей.

Грозныя, мрачныя тучи закрыли небо и ясное солнце. Яркая молнія прорѣзываетъ тьму. Страшные удары грома

потрясаютъ землю и небо. Это богъ грозы — Перунъ ѣдетъ по небу. Въ рукахъ у Перуна лукъ и дубина. Онъ бьетъ дубиной, стрѣляетъ изъ лука молніями-стрѣлами, разсѣкаетъ ими черныя тучи. Изъ тучъ льется дождь, орошаетъ поля. Страшенъ изъ гнѣвъ своемъ Перунъ. Онъ посылаетъ бури и ливни, выбиваетъ градомъ хлѣбъ на поляхъ, зажигаетъ жилища, убиваетъ скотъ и людей. «Убей тебя Перунъ», — говорятъ, если желаютъ кому зла.

Есть у солнца враги: зима съ морозами и вьюгами. Зима скопываетъ льдомъ рѣки и озера, запираетъ небесныя воды. Земля, какъ мертвая, закутывается снѣгомъ — саваномъ. Вся природа замираетъ, пока снѣга не оживятъ ее жгучіе лучи солнца, пока солнце не одолѣетъ зиму съ морозами.

Праздники.

Богамъ своимъ славяне молились, ублажали ихъ, угощали хлѣбомъ и мясомъ, убивали для нихъ животныхъ. Иногда и людей приносили въ жертву, желая особенно угодить. На холмахъ, у воды или подъ вѣтвями деревьевъ ставили изображенія боговъ. Это были грубыя фигуры людей, сдѣланныя изъ дерева. Въ честь боговъ устраивались праздники. Больше всего славяне чтили солнце.

Первый праздникъ въ честь солнца справлялся въ декабрѣ. Съ этого времени день становится длиннѣе, солнце сильнѣе грѣетъ. Праздникъ называли Колядою. Парни и дѣвушки ходили по домамъ, пѣли пѣсни, славили Коляду-солнце, желали счастья и богатства хозяевамъ. Колядникамъ подавали хлѣбъ, мясо и другіе припасы. Все собранное приносили въ жертву богамъ и устраивали пиръ. Въ Малороссіи и сейчасъ колядуютъ наканунѣ Рождества. Парни ходятъ по дворамъ и поютъ:

«Уродилась коляда
 Наканунѣ Рождества
 За рѣкою, за быстрою.
 Въ тѣхъ мѣстахъ огни горять.
 Огни горять великіе.
 Вокругъ огней скамьи стоять,
 Скамьи стоять дубовыя.
 На тѣхъ скамьяхъ

Добры молодцы, красны дѣвцы
Поютъ пѣсни, колидушки,
Въ серединѣ ихъ старикъ стоитъ;
Онъ точитъ свой булатный ножъ.
Котель кипитъ горючій,
Возлѣ котла козель стоитъ,
Хотятъ козла зарѣзати».

Въ этой пѣснѣ изображается, какъ праздновали Коляду и приносили въ жертву козла.

Весной справляли новый праздникъ — проводы зимы и встрѣчу весны. Сначала провожали зиму. Парни и дѣвушки рядились. Кто надѣвалъ тулупъ наизнанку, парни наряжались въ женскую одежду. Въмѣсто шапки, голову покрывали шкурой со звѣриной головой или надѣвали соломенный колпакъ. Дѣлали изъ соломы чучело, наряжали его въ женскую одежду и ставили на сани. Риженые водили кругомъ чучела хороводы съ плясками и пѣснями. Чучело на саняхъ везли топить въ рѣкѣ или сжигали на кострѣ. Иногда приносили въ жертву козла.

Проводивъ зиму, встрѣчали весну. Величали солнце, мѣсяць, звѣзды, молились богу объ урожаѣ. Водили хороводы, пѣли пѣсни, закликали весну.

«Весна, весна красная,
Приди, весна, съ радостью,
Съ великою милостью,
Съ зерномъ глубокимъ,
Съ хлѣбомъ обильнымъ».

Самый большой праздникъ, справляли лѣтомъ, когда солнце жарче всего грѣетъ. Праздникъ происходилъ ночью, наканунѣ Ивана Купалы. Парни и дѣвушки надѣвали на голову вѣнки, собирались на холмахъ надъ рѣкой, водили хороводы, пѣли пѣсни въ честь солнца. Раскладывали костры и прыгали черезъ нихъ, чтобъ очиститься огнемъ. Славяне думали, что купальный огонь и вода очищаютъ скотъ. Они прогоняли стада черезъ рѣку и черезъ костры. Кропили водою поля для лучшаго урожая.

Такъ чтли славяне своихъ боговъ.

Кіевское государство.

Какъ образовалось у славянъ государство.

Славяне жили не одни на русской равнинѣ. У нихъ были сосѣди. Самыми опасными изъ сосѣдей были варяги. Жили варяги далеко на сѣверѣ, за Балтійскимъ моремъ, въ нынѣшнихъ государствахъ Швеции и Норвегии. Ихъ такъ и называли «сѣверными людьми»:

Сурова была родина варяговъ. Земля тамъ была каменъ да несокъ; часто бывали неурожаи, наступалъ голодъ. Многимъ приходилось покидать родную землю, искать за моремъ добычи и богатства. Собирались варяги большими дружинами, выбирали вождя и на большихъ лодкахъ, гдѣ помещалось 60—70 человекъ, выѣзжали въ море. Такихъ лодокъ бывало сто, двѣсти, а то и больше. Плыли на веслахъ и на парусахъ; носъ лодки украшался рѣзными фигурами звѣрей и людей.

Варяги грабили купцовъ на морѣ, забирали ихъ товары и сами торговали награбленнымъ добромъ. Подымались они и вверхъ по рѣкамъ и выходили на берегъ. Варяги нападали на жителей, захватывали ихъ имущество, жгли селенія, уводили людей въ неволю, заставляли платить себѣ дань. Варяговъ очень боялись, трудно было имъ противиться. Нападали они быстро, не давъ опомниться, сражались храбро. Они были закованы въ желѣзо. Голову покрывали желѣзной остроконечной шапкой, на тѣло сверхъ одежды надѣвали желѣзную сѣтку изъ колець; бились они мечами, топорами, копытами, стрѣляли изъ луковъ, укрывались за щитами.

Эти страшные враги появились въ IX вѣкѣ и на русскихъ рѣкахъ. По Волхову, Ильмень-озеру, Днѣпру проѣзжали варяги въ Черное море, нападали по дорогѣ на славянъ. Въ IX вѣкѣ нѣсколько варяжскихъ князей съ дружинами всею поселились среди славянъ, устроили здѣсь свои княжества. Лѣтъ черезъ полтора послѣ этого записали таковой рассказъ.

Пришли варяги изъ-за моря и стали брать дань со славянъ. Не стерпѣли славяне, возстали и прогнали варяговъ за море. Но вскорѣ начали славяне ссориться, возсталъ родъ на

родь, произошла усобица и война великая. И рѣшили славяне: пошлемъ себѣ князя, пусть онъ владѣетъ нами и судитъ насъ. Послали славяне пословъ за море къ варягамъ и сказали имъ: «Земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ, приходите княжить и владѣть нами».

Три брата: Рюрикъ, Синеусъ, Труворъ пошли на зовъ съ роднею и дружиною. Поселился Рюрикъ въ Новгородѣ, Синеусъ — на Бѣлозерѣ, Труворъ — въ Изборскѣ. Стали князья города строить, страву оборонять, въ походы ходить. Это было по преданію въ 862 году.

Вскорѣ умерли братья Рюрика, и сталъ онъ одинъ править на сѣверѣ. Умеръ Рюрикъ и оставилъ малолѣтняго сына Игоря. Сдѣлался княземъ въ Новгородѣ родственникъ Рюрика Олегъ. Задумалъ онъ взять и Кіевъ. Кіевомъ владѣли тогда простые варяги, братья Аскольдъ и Диръ. Набралъ Олегъ большое войско и поплылъ къ Кіеву.

Рѣшилъ Олегъ хитростью завоевать городъ. Оставилъ онъ войско позади, а самъ съ нѣсколькими лодками подѣхалъ къ городу. Спрятавъ онъ воиновъ въ лодкахъ и спросилъ людей на берегу: «Чей городъ?» Ему сказали: «Городъ прозывается Кіевомъ, правятъ имъ Аскольдъ и Диръ. А вы кто?» — «Мы люди торговые», — отвѣчалъ Олегъ, — «посылаютъ насъ Олегъ и Игорь, пусть вашъ князь выйдетъ къ намъ». Аскольдъ и Диръ вышли. Тогда выбѣжали воины изъ лодокъ, а Олегъ сказалъ: «Вы не князья. Князья мы. Я — Олегъ, а вотъ Игорь», — прибавилъ онъ, указывая на ребенка. Воины убили Аскольда и Диру и завладѣли Кіевомъ. Сталъ Олегъ княземъ и въ Новгородѣ и въ Кіевѣ. Покорилъ скорѣ Олегъ и другія славянскія племена, обложилъ всѣхъ данью.

Набѣгъ Олега на Царьградъ.

Далеко на югъ, за моремъ, лежало большое греческое царство. Много земли и богатыхъ городовъ у грековъ. Во всѣ концы свѣта ходили по морямъ греческіе корабли съ товарами. Оловяному привозили въ Царьградъ и кушцы, и искусные ремесленники, и художники. На берегу моря раскинулся огромный городъ. Тысячи людей жили въ городѣ. На двадцать верстъ кругомъ города шли двойныя каменныя стѣны съ высокими башнями, крѣпкими воротами. Ярko блестѣли на

солнцѣ купола и кресты храмовъ. А надъ всѣми ними высился громадный куполь храма св. Софій. Со всѣхъ концовъ христіанскаго міра стекались богомольцы поклониться святынямъ Царьграда. На площадяхъ и улицахъ красовались царскіе дворцы. Дворцы были украшены мраморными столбами, золотыми статуями. Стѣны дворцовъ внутри были расписаны картинами, завѣшены шелковыми и парчевыми тканями. Глаза ослѣпляли драгоценности изъ золота, серебра, слоновой кости.

Богатый народъ были греки. Ихъ богатства приманивали славянъ. Не разъ варяжскіе князья водили за море на грековъ дружины и варяговъ и славянъ. Много рассказовъ объ этихъ походахъ сохранилось и у грековъ и у славянъ. Вотъ какъ рассказываютъ о походѣ Олега.

Задумалъ однажды Олегъ пойти походомъ на Царьградъ. Взялъ онъ съ собою большое войско варяговъ и славянъ и на парусныхъ лодкахъ поплылъ въ Грецію. Всѣхъ лодокъ было двѣ тысячи, въ каждой изъ нихъ сидѣло по 40 воиновъ. Когда Олегъ съ войскомъ приплылъ къ Царьграду, греки заперли входъ въ гавань цѣпями, заворили ворота въ городъ и стали готовиться къ защитѣ. На башняхъ и на стѣнахъ, за каменными зубцами, они поставили воиновъ, приготовили машины, чтобы метать во враговъ камни. Въ большихъ котлахъ кипятили воду и смолу, чтобы лить врагамъ на голову, когда они полѣзутъ на стѣны.

Воины Олега высадились на берегъ, вытащили на сушу суда и воювали подъ стѣнами города. Одни рыли землю, насыпали вдоль стѣны земляной валь, чтобы оттуда стрѣлять въ осажденныхъ и взбираться на стѣны. Другіе разсыпались по окрестностямъ селамъ и монастырямъ. Воины жгли церкви и жилища, плѣнныхъ рубили мечемъ, другихъ мучили, разстрѣливали, бросали въ море. Награбленную добычу спосили и горами складывали у берега воалъ судовъ.

Испугались греки, что русскіе возьмутъ городъ, и послали пословъ къ Олегу. «Не губи города, сказали послы, дадимъ дань, какую хочешь». Олегъ остановилъ воиновъ и велѣлъ грекамъ дать по 12 фунтовъ серебра на судно, много золота и драгоценныхъ камней. Олегъ и воины его повѣсили свои щиты на воротахъ Царьграда, въ знакъ побѣды, и вернулись домой съ богатой добычей.

Торговля русскихъ съ греками.

I.

Сборъ дани княземъ.

Много разъ воевали русскіе съ греками при первыхъ князьяхъ. Но русскіе не только воевали, но и торговали съ греками. Торговые люди изъ Греціи и другихъ странъ пріѣзжали сначала въ нашу страну, привозили дорогіе товары. Потомъ и русскіе стали ѣздить торговать за море. Ѣздили и князья и простые купцы.

Каждый годъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ, когда замерзали рѣки и болота и устанавливался санный путь, князь отправлялся въ дальнюю дорогу. Ему нужно было объѣхать свои владѣнія, посѣтить много селеній. Тамъ онъ долженъ былъ собирать дань съ жителей и судить ихъ.

Съ княземъ ѣдетъ на коняхъ его дружина. Въ рукахъ у дружинниковъ длинныя конья и щиты. У пояса желѣзные мечи и топоры. За спиною лукъ и колчанъ со стрѣлами. Головы покрыты шлемами, на тѣло сверхъ рубахи надѣты кольчуги. Въ дружину могъ поступить всякій, лишь бы онъ умѣлъ хорошо воевать. Князь платилъ дружинникамъ за службу добычей и данью.

Къ пріѣзду князя въ селеніе отовсюду сходятся жители. Кто несетъ шкуры волчьи, бѣличьи, куницы. Другіе везутъ кадки меду, круги воску; иные — сало, лыко, деготь. Тѣмъ временемъ, пока дружина принимаетъ дань, князь выслушиваетъ жалобы жителей, судить приведенныхъ къ нему воровъ и грабителей, присуждаетъ ихъ къ наказанію. Пока князь съ дружиной живутъ въ поселкѣ, населеніе кормитъ ихъ. Они получаютъ хлѣбъ и соль, шшено и горохъ, куръ и барановъ. Конимъ дружинниковъ даютъ овесъ и сѣно.

Дѣла окончены, дань собрали и нагрузили на сани, доставленные жителями, и князь ѣдетъ дальше. Такъ каждую зиму объѣзжалъ князь свою область. Къ веснѣ, въ апрѣлѣ, когда вскрывались рѣки, князь съ богатой добычей возвращался въ Кіевъ. Дани набиралось много. Большую часть ея, мѣха и кожи, медъ и воскъ князь и дружина отсылали на продажу въ Царьградъ.

II.

Путешествіе русскихъ въ Царьградъ.

Пока князь ѣздитъ, — славяне рубятъ въ лѣсахъ деревья, дѣлаютъ лодки. Весною они сплавляютъ ихъ къ Кіеву. Сюда, къ пріѣзду князя, со всѣхъ сторонъ собираются купцы. Они покупаютъ лодки, дѣлаютъ весла и снасти для парусовъ, нагружаютъ суда товарами.

Въ іюнѣ купцы вмѣстѣ съ послами и дружиною князя большимъ караваномъ плывутъ внизъ по Днѣпру.

Ѣдутъ нѣсколько дней, пока не подплываютъ къ порогамъ. Еще издали слышенъ шумъ и гулъ. Рѣка становится уже, берега все выше и выше, теченіе быстрѣе. Наконецъ, показываются пороги. Черезъ всю рѣку, отъ берега до берега, рядами высоко поднимаются изъ воды острия скалы. Со странной быстротой мчится вода въ узкихъ проходахъ между скалами. Мѣстами она поднимается до вершинъ и съ пѣною, плескомъ и шумомъ падаетъ внизъ. Туча брызгъ и водяной пыли стоитъ надъ рѣкой. Гибель ждетъ неосторожныхъ плывцовъ. Вдребезги будетъ разбита о камни лодка, унесенная бурнымъ потокомъ.

У пороговъ всѣ высаживаютъ на берегъ, разгружаютъ товары, выводятъ скованныхъ цѣпами рабовъ. Лодки вытаскиваются на землю, и волокомъ по берегу или на плечахъ ихъ тянутъ рабы. Рабы же несутъ и товары. А дружина и вооруженные купцы идутъ по сторонамъ. Въ этомъ мѣстѣ, обыкновенно, караванъ подстерегаютъ степные кочевники. На быстрыхъ коняхъ налетаютъ они на проезжихъ, осыпаютъ ихъ стрѣлами. Не разъ происходятъ здѣсь горячія схватки, печальныя грабятъ товаръ, убиваютъ купцовъ, уводятъ въ неволю. Минувши благополучно пороги, добираются, наконецъ, до открытаго моря. Здѣсь путники приносятъ жертву богамъ. Затѣмъ ставятъ мачты, натягиваютъ паруса и съ попутнымъ вѣтромъ плывутъ по морю. Лишь черезъ нѣсколько недѣль пріѣзжалъ караванъ въ Царьградъ.

III.

Русскіе въ Царьградѣ.

Греки не позволяли русскимъ жить въ городѣ, такъ какъ боялись ихъ. Русскіе останавливались въ предмѣстьѣ, за стѣнами города, у монастыри св. Мамы. Здѣсь греческіе чиновники переписывали имена русскихъ. Въ городѣ русскихъ пускали только черезъ одинъ ворота, по пятьдесятъ человекъ не больше. Чтобъ русскіе никого изъ жителей не обижали, не стали бы грабить,—ихъ провожали чиновники и приематривали за ними. Привезенные товары — мѣха, медь, воск — русскіе кушцы мѣняли на золото и серебро, шелковыя ткани, дорогія одежды, оружіе. Осенью русскіе должны были уѣзжать домой. Зимовать въ Царьградѣ греки не позволяли. Чтобы торговля шла правильно, безъ ссоръ и обмана, греки и русскіе князья писали договоры. Въ этихъ договорахъ говорилось, какъ должны были принимать русскихъ, какъ разбирать ссоры, наказывать за обиды. Такіе договоры писали и Олегъ и другіе князья. Грекамъ было выгодно жить въ мирѣ съ опасными сосѣдями, торговать съ ними, а не воевать.

Крещеніе Руси.

I.

Русскіе люди часто ѣздили въ Грецію торговать. И въ русскую землю пріѣзжали греческіе купцы, по долгу жили въ Кіевѣ. Греки были христіане. Русскіе позволили имъ свободно молиться Богу и сами понемногу знакомились съ греческой вѣрой.

Грекамъ было выгодно обратить въ свою вѣру опасныхъ сосѣдей. Они думали, что русскіе крестившись, будутъ жить съ ними въ мирѣ. Греки посылали на Русь священниковъ и монаховъ, чтобы они проповѣдывали, выставляли и научали язычниковъ православной вѣрѣ. А когда русскіе послы и купцы пріѣзжали въ Царьградъ, греки водили ихъ по церквамъ, показывали имъ богатства и украшенія, иконы и мощи святыхъ. Русскіе, побывавшіе на торжественномъ богослуженіи въ храмѣ св. Софій, рассказывали потомъ: «Не знаемъ мы,

на небѣ были или на землѣ, ибо на землѣ нельзя видѣть такой красоты». Такъ нравились русскимъ христіанскіе обряды, стройное гнѣе, золотыя ризы священниковъ.

Мало-по-малу среди русскихъ стали появляться христіане. Въ Кіевѣ была выстроена церковь св. Ильи. Много было христіанъ въ дружинѣ князя Игоря. Приняла крещеніе и княгиня Ольга, жена Игоря. Внуку Игоря, кіевскій князь Владиміръ и самъ крестился, и заставилъ креститься кіевлянь.

Произошло это, по преданію, въ 988 году. Князь Владиміръ воссталъ съ греками. Онъ пошелъ походомъ въ Крымъ и осадилъ греческій городъ Корсунь. Корсунь была взята, и греки помирились съ русскими. Князь женился на греческой царевнѣ Аннѣ и привезъ съ собою въ Кіевъ изъ Греціи проповѣдниковъ. Владиміръ приказалъ истреблять идоловъ; однихъ сжигали, другихъ разбивали на части. Главнымъ идоломъ былъ идолъ бога Перуна. Перуна привязали къ хвосту лошади и волокли съ холма черезъ весь городъ въ Днѣпръ, по дорогѣ били его палками, приговаривая: «Много ты ѣлъ, Перуница, будетъ съ тебя». Перуна бросили въ воду, а чтобъ его волнами не выбросило на берегъ, воины отталкивали его шестами. Многие изъ кіевлянь бѣжали и кричали: «Выдыбай (выплывай), боже, выдыбай». Проповѣдники крестили княжескую дружину, а потомъ кіевлянь.

Въ Кіевѣ на высокой горѣ надъ Днѣпромъ поставленъ памятникъ св. Владиміру. Онъ изображенъ съ крестомъ въ рукахъ. Памятникъ стоитъ и на томъ мѣстѣ у Днѣпра, гдѣ, по преданію, крестили кіевлянь. Это высокій каменный столбъ съ крестомъ наверху.

Изъ Кіева проповѣдники разошлись по другимъ городамъ и областямъ. Язычники не вездѣ охотно принимали ихъ и крестились. Многие не хотѣли добровольно принимать новую вѣру, разставаться со своими богами. Вотъ какъ крестили новгородцевъ.

Пріѣхалъ въ Новгородъ воевода Добрыня съ монахами. Собрались новгородцы на сходку и рѣшили не давать идоловъ на истребленіе и не креститься. «Лучше намъ помереть, чѣмъ дать богамъ нашихъ на поруганіе!» — кричали новгородцы. Монахи и священники ходили по улицамъ, учили народъ, уговаривали креститься. Одни согласились и крестились. А дру-

гѣ большой толпой бросились на домъ воеводы Добрыни, убили его жену и родныхъ, потомъ жгли дома христіанъ и грабили ихъ имущество. Тогда воевода съ дружиною сталъ рубить мечами толпу. Изычниковъ силою тащали въ рѣку Волховъ креститься.

III.

Въ городахъ и областяхъ, принявшихъ христіанство, строили церкви. Ихъ ставили на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ раньше стояли языческіе идолы. Службу въ церквахъ правили сначала греческіе священники, а потомъ и русскіе. Главой всего духовенства былъ митрополитъ, жившій въ Кіевѣ.

Ставши христіанами, русскіе долго не забывали своихъ старыхъ боговъ и молились имъ. Священники жаловались, что церкви стоятъ пусты. Русскіе рѣдко посѣщали церковную службу. Случалось и такъ, что, побывавши въ церкви, приносили въ лѣсу жертву Перуну или другому богу. Попрямому вѣрили въ домовыхъ, лѣсныхъ, водяныхъ. Подъ именемъ христіанскихъ свитыхъ чтили прежнихъ боговъ. Когда на небѣ громъ гремѣлъ, раньше думали, что это Перунъ стрѣляетъ молніями изъ лука. Теперь вѣрили, что Илья пророкъ ѣздитъ по небу на колесницѣ. Въ ночь подъ Рождество попрежнему праздновали Коляду. Передъ Великимъ постомъ справляли проводы зимы — масленицу. На Красную Горку встрѣчали весну. Лѣтомъ, передъ днемъ Ивана Крестителя, почью праздновали Купалу. «По имени называемся христіанами, а живемъ, какъ язычники!» — восклицали часто священники.

Кіево-Печерскій монастырь.

На высокомъ берегу Днѣпра на краю Кіева стоитъ Кіево-Печерская лавра. Она обнесена высокой каменной стѣной болѣе версты въ окружности. Внутри, среди густой зелени лѣтъ, грушъ, грецкихъ орѣховъ находится Успенскій соборъ, нѣсколько другихъ церквей, кельи для монаховъ, больница, пріютъ для богомальцевъ. А между ними висится колокольня. За пятьдесятъ верстъ виденъ ея куполь.

Девятьсотъ лѣтъ тому назадъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ монастырь, шумѣлъ на крутомъ оврагѣ густой боръ. Въ лѣсу, въ оврагѣ, поселился въ небольшой пещерѣ монахъ Антоній.

Чтобъ спасти свою душу, онъ постился, ѣлъ одинъ сухой хлѣбъ съ водой, и то черезъ день, молился и клалъ поклоны часами. Скоро къ Антонію присоединился Θεодосій. Сынъ богатыхъ родителей, онъ убѣжалъ изъ дому въ рублищѣ и поселился вмѣстѣ съ Антоніемъ. Слава объ ихъ подвигахъ привлекла другихъ отшельниковъ. Они тоже рыли себѣ пещеры и жили въ нихъ. Одни изъ нихъ были великіе постники, другіе проводили ночи безъ сна, иные въ земныхъ поклонахъ. Иные постились по дню и по два, иные ѣли хлѣбъ съ водой, иные только вареные или сырые плоды. Инокіи сами зарабатывали себѣ пропитаніе. Послѣ утрени всѣ принимались за работу. Кто копалъ дрова, кто копалъ огородъ, кто вязалъ изъ шерсти одежды и клобуки.

Монахи попросили князя подарить имъ гору надъ пещерами. Они построили большую церковь, поставили многія деревянные кельи, огородили все заборомъ. Такъ выросъ монастырь. Его прозвали печерскимъ, потому что монахи сначала жили въ пещерахъ. Богатые и бѣдные міряне жертвовали монахамъ съѣстные принасы для прокормленія, деньги и драгоценности, земли, лѣса и рыбныя ловли. А монахи должны были молиться за души жертвователей. Такъ богатѣлъ монастырь. Первымъ игуменомъ его былъ Θεодосій. Онъ далъ монахамъ правила: «какъ быть монастырскому пѣнію, какъ молиться, какъ читать и стоять въ церкви, какъ за трапезой сидѣть и что ѣсть въ какіе дни».

Книги и лѣтопись.

Кромѣ Кіево-Печерской обители, были въ Россіи и другіе монастыри. Основывались они и въ городахъ и въ селеніяхъ. Больше всего было монастырей вокругъ Кіева и Новгородъ. Въ нихъ люди спасались, молились за упокой души жертвователей, занимались хозяйствомъ, переписывали церковныя книги. Грамотными людьми долгое время были почти одни священники да монахи. Грамоту надо было имъ знать, чтобы читать священное писаніе да богослужебныя книги, чтобы по нимъ служить въ церкви. Книжки привезли со собою греческіе священники. Онѣ были переведены съ греческаго на церковно-славянскій языкъ. На этомъ языкѣ и сейчасъ пишутся наши церковныя книги.

Печатать книгу въ старину не умѣли. Ихъ пужно было переписывать. Надъ перепиской книгъ трудились въ монастырскихъ монахи. Трудъ этотъ считался угоднымъ Богу: переписывались, вѣдь, священныя книги. Поэтому относились къ этому дѣлу съ большимъ вниманіемъ и благоговѣніемъ.

Вотъ въ кельѣ за аналоемъ сидитъ молодой монахъ. Передъ нимъ лежитъ Евангеліе и листъ пергамента (бумага изъ кожи). Онъ только что кончилъ одну страницу и принимается за другую. Острой палочкой онъ проводитъ сначала на одинаковыхъ разстояніяхъ линейки для веденія строкъ. Затѣмъ онъ беретъ гусиное перо и отдѣльно срисовываетъ черной краской каждую букву. Буквы похожи на печатныя. Особенно старательно выводитъ онъ начальныя буквы каждой главы. Ихъ онъ рисуетъ красной краской и золотомъ, украшаетъ узорами. Эти буквы очень затѣливы и сразу бросаются въ глаза. Нѣкоторыя изъ нихъ изображаютъ звѣрей, птицъ и людей. Поля страницъ расписаны разнообразными рисунками. Здѣсь и звѣри, и птицы, и змѣи, и сказочныя чудовища, и рѣшеточки.

Медленно идетъ работа. Все время между церковными службами пишеть писецъ, а успѣваетъ переписать не больше одного листа въ день. Шесть мѣсяцевъ тому назадъ началъ монахъ свой трудъ и радуется скорому его окончанію. Когда кончитъ, онъ поставитъ годъ, число и мѣсяцъ начала и окончанія письма и одѣлаетъ приписку. Въ ней онъ выскажетъ свою радость объ окончаніи трудной работы. «Радуется морякъ, достигнувъ тихой пристани, радуется странникъ, увидѣвъ родину. Такъ радуется и писецъ, дойдя до конца своихъ книгъ».

Подлѣ молодого монаха сидитъ старецъ и тоже пишеть, лишь изрѣдка отрываясь отъ работы и что-то вспоминая. Уже нѣсколько лѣтъ подъ рядъ записываетъ онъ изъ года въ годъ все, что случилось ему видѣть и слышать. Онъ рассказываетъ случаи изъ жизни своего монастыря: избраніе и смерть игумена, построеніе церквей. Описываетъ онъ и то, что происходило въ городѣ или княжествѣ: нашествіе враговъ, неурожай и морь, перемѣны князей. Въ свой рассказъ старецъ заноситъ и преданія изъ проплаго родной страны. Вотъ и сейчасъ онъ пишеть, какъ Олегъ завоевалъ Кіевъ, какъ ходилъ онъ походомъ на Царьградъ, какъ крестилъ кіевлянъ. Такии записки по годамъ, которыя дошли до насъ, мы называемъ лѣтописан-

ми, а людей, писавшихъ ихъ, лѣтописцами. Вотъ какъ изображаетъ великій писатель Пушкинъ такого старца-лѣтописца.

«Еще одно послѣднее сказанье,
И лѣтопись окончена моя.
Исполнить долгъ, завѣщанный отъ Бога
Мнѣ грѣшному. Не даромъ столько лѣтъ
Свидѣтелемъ Господь меня поставилъ
И книжному искусству вразумилъ.
Когда-нибудь монахъ трудолюбивый
Найдетъ мой трудъ усердный, безыменный;
Засвѣтитъ онъ, какъ я, свою лампаду,
И, пыль вѣковъ отъ хартий отряхнувъ,
Правдивыя сказанья переищетъ.
Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу...»

Кіевъ при Ярославѣ Мудромъ.

Раннее утро. Надъ Днѣпромъ еще стоитъ туманъ. Не ясно вырисовываются очертанія крутого высокаго берега, изрѣзаннаго глубокими оврагами и покрытаго то лѣсомъ, то частымъ кустарникомъ. Другой низкій берегъ уходитъ въ туманную даль. Вотъ на рѣкѣ послышался плескъ воды и неясный говоръ. Изъ тумана показалась одна ладья, за ней другая, третья. Быстро плывутъ лодки вверхъ по теченію. Высоко надъ водой приподняты носы лодокъ, украшенные рѣзными деревянными фигурами лебедей. На передней лодкѣ борты и скамьи покрыты коврами. На скамьяхъ сидятъ гребцы съ обнаженными руками по два въ рядъ, мѣрно и дружно взмахивая веслами и воины въ блестящихъ кольчугахъ и щлемахъ. Среди нихъ ближе къ носу лодки выделяются богатствомъ одежды и вооруженія нѣсколько человѣкъ и въ полъ-голоса бесѣдуютъ. Это послы короля Венгрии. Бѣдутъ они съ богатыми подарками въ Кіевъ къ князю Ярославу, дочь котораго замужемъ за венгерскимъ королемъ Андреемъ.

Далеко среди осѣдей разносится слава объ Ярославѣ, самомъ могущественномъ князѣ въ русской землѣ. Изъ своей столицы Кіева онъ правитъ всею Русью. Его слушаютъ князья другихъ городовъ. Ярослава знаютъ не только въ Греціи и Польсѣ, но и въ Германіи и Франціи, Швеціи и Норвегіи, и

идутъ его дружбы. Не разъ изъ этихъ странъ прѣзжали послы искать союза съ могущественнымъ княземъ.

Время шло, солнце подымалось все выше и выше и разгоняло туманъ. Путникамъ чаще стали попадаться встрѣчныя лодки или обгоняли идущія снизу. Наконецъ, вдали на высокомъ холмѣ изъ-за лѣса блеснули золотыя главы церквей, и вскорѣ затѣмъ показался во всей красѣ городъ, раскинувшійся на высокихъ горахъ надъ Днѣпромъ. Это былъ Киевъ — «слава и честь и мать и глава всей русской земли», какъ говоритъ о немъ лѣтописецъ. Подъ горой у пристани, въ устьѣ рѣки Почайны, впадающей въ Днѣпръ, тѣснились сотни судовъ и лодокъ, приплывшихъ сверху и снизу по Днѣпру. Одни изъ судовъ остановились здѣсь провѣдомъ на день-два, чтобы отдохнуть и застаться продовольствіемъ, другія нагружали и выгружали разные товары. Часть города у пристани и по долигѣ вдоль рѣки называлась Нижнимъ Киевомъ, или Подоломъ. Высокій частоколъ защищалъ Подоль отъ нападенія враговъ.

Медленно пробираясь между судами, путники пристали къ берегу и привязали лодки къ деревяннымъ столбамъ. Гребцы и часть воиновъ остались у берега для охраны лодокъ, а послы съ небольшимъ отрядомъ воиновъ и слугами пошли по улицамъ Подола. Вдоль грязныхъ и кривыхъ улицъ тянулись деревянные избы и глиняныя мазанки. Съ удивленіемъ глядѣли прѣзжіе на многія избы, стоявшія на высокихъ столбахъ. Имъ объяснили, что часто во время весенняго разлива Подоль заливаеся водой, потому избы и ставятъ на столбахъ. На Подоль жилъ простой народъ: чернорабочіе, ремесленники, мелкіе торговцы. Диоры бояръ-дружинниковъ и богатыхъ купцовъ были на горѣ въ Верхнемъ Городѣ.

Высоко надъ кручей видѣлись земляной валь и деревянныя стѣны съ башнями и бойницами, окружавшія Киевскій кремль или крѣпость. Въ кремль вела узкая крутая дорога по оврагу между двумя горами. Поднявшись на гору и пройдя зубовыя ворота, иностранцы очутились на широкой площади. Неподдалеку отъ кремлевскихъ воротъ возвышались справа и слева два храма, построенные Владиміромъ св. Одинъ во имя св. Василія на мѣстѣ свергнутаго идола Перуна, а другой на мѣстѣ, гдѣ пострадали христіане, которыхъ хотѣли принести въ жертву Перуну. Площадь была украшена двумя мѣдными

человѣческими статуями и четверкой коней. Ихъ привезъ Владиміръ св. послѣ взятія Корсуня.

Надъ самымъ обрывомъ надъ Днѣпромъ стоялъ княжескій дворъ, огороженный крѣпкимъ тыномъ. Внутри ограды былъ расположенъ высокій, въ два этажа, каменный княжескій теремъ, съ остроконечной разноцветной кровлей, широкой лѣстницей и крыльцомъ, цветными стеклами въ окнахъ. Здѣсь же по краямъ двора находились дома для дружины и слугъ, кухни, погреба и конюшни.

На дворѣ передъ теремомъ густой толпой стоялъ народъ. Здѣсь были и послы подчиненныхъ Ярославу князей съ письмами и привѣтами отъ своихъ господъ, и богатые купцы русскіе и иностранные съ дарами и гостинцами, и смиренныя шумы въ черныхъ одеждахъ и клобукахъ съ ходатайствами о нуждахъ своихъ обитателей, сборщики податей съ отчетами о сборахъ, крестьяне и горожане съ жалобами на чиновниковъ, вдовы и нищія — за помощью.

У самаго крыльца на рѣзномъ креслѣ сидѣлъ князь Ярославъ, опираясь на богато украшенный мечъ. Князь былъ въ красномъ кафтанѣ, подпоясанномъ золотымъ кованымъ поясомъ, на плечи были накинуты синій плащъ, обшитый по краямъ золотымъ позументомъ и вышитыми шелкомъ орлами.

Верхъ собольей шапки и сапоги были расшиты серебромъ. Возлѣ князя стояли дружинники въ кольчугахъ и плечахъ съ копьями и мечами въ рукахъ и наблюдали за порядкомъ.

Нѣсколько человекъ поселянъ привели и поставили передъ княземъ истерзаннаго человѣка. Это былъ конокрадъ, пойманный на мѣстѣ преступленія. Князь внимательно слушалъ свидѣтелей-очевидцевъ, которые поперебой разсказывали о случившемся; преступникъ старался оправдаться, говоря, что онъ съѣлъ на коня, чтобы поскорѣе добратъся до дому, гдѣ у него умеръ отецъ. Среди свидѣтелей были люди, которые называли обвиняемаго добрымъ человѣкомъ, ни въ чемъ ранѣе не замѣченнымъ; подтверждали также, что у него въ это время былъ болевъ отецъ. Проступленіе казалось неяснымъ. Князь рѣшилъ прибѣгнуть къ Суду Божию. Въ разведенный на княжескомъ дворѣ костеръ положили кусокъ желѣза, и когда оно накалилось, обвиняемый долженъ былъ вынуть желѣзо голыми руками. Обвиняемый смѣло подвергся

испытанію. Князь осматрѣвъ обожженные руки и по особымъ признакамъ рѣшилъ, что Судъ Божій въ пользу обвиняемаго. Поэтому онъ освободилъ его отъ наказанія за конокрадство, но наложилъ денежный штрафъ за то, что обвиняемый съѣлъ на чужого коня, не спросивъ хозяина.

Кончивши судъ, князь велѣлъ подойти венгерскимъ посламъ, о прибытіи которыхъ ему дали знать. Послы подошли къ великому князю и молча поклонились. Князь отвѣтилъ имъ тоже наклоненіемъ головы и сказалъ: «Отъ добрыми вѣстями или худыми? Въ добромъ ли здоровіи король Андрей и его супруга, дочь моя?» — «Благодареніе Богу: здравы, и дай Богъ, чтобы и ты, великій князь, былъ здавъ на многія лѣта. Нашъ государь и государыня шлютъ тебѣ привѣтъ и подарки» — отвѣчали послы.

Одинъ изъ пословъ взялъ изъ рукъ подошедшаго слуги сѣдло, расшитое шелками, изукрашенными серебромъ и золотомъ, поднесъ его князю, а другой развернулъ прекрасный коверъ греческой работы. Милостиво поблагодаривши за подарки и спросивши пословъ, по добру ли по здорову они ѣхали, князь приказалъ боярамъ показать иноземцамъ святыни Кіева и новыя постройки, которыми такъ гордился Ярославъ.

Иноземцы вмѣстѣ съ боярами по мосту, перекинутому черезъ глубокій оврагъ, перешли изъ Кремля, на Софійскую сторону. Такъ называлась та часть города, которая была застроена Ярославомъ и гдѣ онъ воздвигъ соборъ св. Софій. Большая площадь была окружена высокою и толстою каменною стѣною съ башнями и бойницами. Выходъ на широкую равнину запирали желѣзныя позолоченныя ворота. Ихъ называли поэтому золотыми воротами. Надъ воротами стояла башня, съ устроеннымъ внутри храмомъ; надъ храмомъ блестялъ позолоченный куполъ. Посрединѣ площади высился своимъ 13 куполами храмъ св. Софій, главная кіевская святыня. Мѣсто возлѣ собора было занято постоянной ярмаркой, куда съѣзжались для торговли русскіе и иноземные кушцы. Сейчас ярмарка была въ самомъ разгарѣ. Кого только здѣсь не было!

Вотъ куонецъ, болгаринъ, пріѣхавшій изъ-за дремучихъ волжскихъ лѣсовъ, выставилъ на-показъ дорогіе мѣха. Рядомъ съ нимъ нѣмецъ продавалъ янтарь, яркіе сукна, блестящіе шлемы. Грекъ разбросалъ на прилавкѣ дорогія одежды,

пестрые ковры и сафьяны, серебряныя и золотыя сосуды, ладанъ и краски. Его сосѣдъ, тоже грекъ, торговалъ солью, виномъ и душистыми травами. Дальше—дикій кочевникъ съ косыми глазами и выдающимися скулами продавалъ быковъ, овецъ и барановъ, а въ сторонѣ на свободномъ мѣстѣ венгръ водилъ двухъ лихихъ скакуновъ. Тутъ были и русскіе кушцы изъ Новгорода и Смоленска, Рязани и Суздаля. Среди продавцовъ и груды товаровъ взадъ и впередъ толкались покупатели и праздные зѣваки. Въ одномъ углу площади куонецъ выкликалъ на всю площадь о пропавшѣ коня и оружія. На другомъ концѣ боярскій слуга громогласно объявлялъ о томъ, что у его господина убѣжалъ рабъ: кто его найдетъ, долженъ возвратитъ боярину, при этомъ называть примѣты раба. Отъ торговой площади въ разные стороны шли улицы съ дворами и домами бояръ-дружинниковъ, духовенства и богатаго купечества. Иноземцы съ трудомъ протискивались сквозь толпу пришли къ собору и, поднявшись по ступенькамъ, вошли въ храмъ. Прохлада и тишина охватили вошедшихъ послѣ залитой солнцемъ и полной шума и гама площади. Иноземцы были поражены величіемъ, красотою и богатствомъ украшеній храма.

Алтарная преграда была изъ бѣлаго мрамора; надъ престоломъ былъ устроенъ навѣсъ, поддерживаемый мраморными столбами съ перекладинами и украшениями изъ драгоценныхъ металловъ, съ шелковыми занавѣсами. Стѣны и куполъ украшены рисунками, написанными красками или составленными изъ разноцвѣтныхъ каменковъ. Изъ такихъ каменковъ составленъ громадный запрестольный образъ Божіей Матери.

Большинство рисунковъ изображаетъ событія изъ священной исторіи, а на лѣстницѣ, ведущей на хоры, нарисованы и другія картины. Такъ на одной картинѣ изображена охота, на другой — музыканты, танцоры и акробаты: одни играютъ, другіе пляшутъ, какой-то мальчикъ лѣзетъ на шесть, который держитъ взрослый человѣкъ.

Тутъ же въ притворѣ храма находилось цѣнное сокровище, которое Ярославъ приказалъ хранить, какъ зѣнцу ока: то было собраніе рукописныхъ книгъ.

Осматрѣвши соборъ, иноземцы вернулись въ княжескій теремъ по приглашенію князя откупать хлѣба-соли. Навверху въ свѣтлицѣ уже все было приготолено для приема гостей.

По стѣнамъ вдоль свѣтлицы стояли широкіи лавки, покрыты греческими коврами и медвѣжьими шкурами. Передъ лавками стояли длинныя столы, уставленные золотыми и серебряными блюдами и мисами съ яствами, чарами и кубками, чашами и ковшами, турьими рогами, оправленными въ серебро. По стѣнамъ были развѣшены книжескіе доспѣхи, боевое и охотничье оружіе. До поздней ночи пировали князь съ дружиной и гостями.

Музыканты играли на гусляхъ и сопѣжахъ; скоморихи-плясуны танцовали, бывалые люди рассказывали про свои приключенія и подвиги, лирики увеселяли гостей пѣснями:

Во стольномъ городѣ во Кіевѣ
У ласкова осудари князь Владимира
Было пированье, почестный пиръ,
Было столованье, почестный столъ
На многи князи и бояра
И на русскіе могучіе богатыри
И гости богатые.
Будеть день въ половинѣ дни,
Будеть пиръ въ полуириѣ, —
Князь и бояре плютъ, ѣдятъ, потѣшаются
И великимъ княземъ похваляются.

Набѣги половцевъ.

По сосѣдству съ русскими, въ южныхъ степяхъ у Чернаго моря поселились кочевники, пришедшіе съ востока изъ Азіи. Сначала это были печенѣги, а потомъ половцы. Половцы земли не пахали. У нихъ были огромныя стада коней, верблюдовъ, овецъ, козъ. Они кочевали по степи, перегоняли стада съ пастбища на пастбище. Кочевники питались сырымъ и варенымъ мясомъ, жидкой кашей изъ проса, коровьямъ и лошадинымъ молокомъ. Избъ они не строили, а жили въ юртахъ. Юртами назывались круглыя шалаши изъ тонкихъ жердей и хвороста, покрытыхъ кожами и войлокомъ. Юрты разбирались и перевозились на телѣгахъ.

Лицо у половцевъ было широкое, съ большими скулами, носъ приплюснутый, глаза маленькіе и узкіе. Всѣ они были неумотомимыми набѣдниками. Въ долгихъ переѣздахъ по степи они могли проводить на конѣ дни и ночи. Черезъ рѣки они

переправлялись или верхомъ на коняхъ, или же набивали кожаные мѣшки сѣномъ, привязывали къ хвосту лошади и такимъ образомъ переплывали рѣку. Половцы были вооружены лукомъ со стрѣлами, саблями, кошьями, арканами. Арканами они стаскивали на бѣгу всадника съ лошади.

Небольшими отрядами и цѣлыми полчищами стали половцы нападать на русскихъ. Лѣта не проходило, чтобы половцы не вторгались въ русскія земли. Нападали они чаще всего ночью врасплохъ, когда жители пограничныхъ селъ и деревень засыпали крѣпкимъ сномъ.

Вотъ со всѣхъ сторонъ къ селу тихо подкрадываются на коняхъ половцы. Окруживши село, они съ дикимъ крикомъ несутся по улицамъ и врываются во двory. Въ ужасѣ и смутѣ ищутъ жители. Немногіе пытаются сопротивляться, но падаютъ подъ ударами сабель или полузадушенные арканами. Остальные покорно даютъ себя скрутить веревками или ремнями. Половцы ломаютъ амбары, выносятъ оттуда все цѣнное, выгоняютъ изъ хлѣвовъ скотъ, зажигаютъ строения и все, что нельзя взять съ собою. Затѣмъ стремглавъ бросаются на коней, хватаются за поводья, понукаютъ ногами, бьютъ бичемъ и спѣшатъ уйти въ степь, пока не припла помощь отъ князя.

Впереди отряда скачетъ предводитель отряда, внимательно озираясь по сторонамъ. Закинувъ лукъ съ колчаномъ за спину, онъ одной рукой направляетъ коня, а другой придерживаетъ привязанную сзади него плѣнницу. У шеи лошади мотается отрубленная окровавленная голова. Другіе гонятъ передъ собою плѣнныхъ, окровавленныхъ, въ изорванныхъ одеждахъ, со связанными назадъ руками. Третьи мчатся съ табуномъ захваченныхъ коней. Кровавое зарево пожара освѣщаетъ путь.

Княжескія распри.

Отъ набѣговъ половцевъ многія области пустыли, поля не обрабатывались и зарастали травой и лѣсомъ. Надо было бороться съ страшнымъ врагомъ. Князья строили крѣпости, возводили на границахъ валы и частоколы, но это мало помогало. Бѣда была въ томъ, что князья дѣйствовали врозь. Въ это время вся русская земля раздѣлилась на нѣсколько отдѣльных княжествъ. Княжествами правили князья, потомки Владимира Святого, его внуки и правнуки. Но между князьями не было

согласия. Княжества и города были неодинаковы по богатству. Чѣмъ богаче было княжество, тѣмъ больше князь получалъ денегъ и другихъ доходовъ. Самыми богатыми городами были: Кіевъ, Новгородъ, Черниговъ. Въ нихъ жило много народа, велась большая торговля. Изъ-за городовъ князья воевали между собою, разорили города и села, забирали жителей въ плѣны. Въ одной плѣнѣ такъ говорится объ этомъ времени: «Тогда погибала жизнь русскаго племени. Среди княжескихъ раздоровъ сокращался вѣкъ людской. Тогда на русской землѣ рѣдко слышался голосъ пахаря. Часто каркали вороны, дѣла между собою трупы, и галки перекликались, собираясь летѣть кормиться. Братъ сталъ говорить брату: «Это — мое, и то — мое же», и воевали между собой, а враги со всѣхъ сторонъ приходили на русскую землю и побѣждали». Часто сами князья призывали половцевъ на помощь другъ противъ друга.

Нѣкоторые изъ князей понимали, что надо защищать страну противъ половцевъ вѣкъ дружно, забывъ распри. Такимъ былъ Владиміръ Мономахъ, князь кіевскій. Не одинъ разъ онъ мирилъ князей. «Зачѣмъ губимъ, говоритъ онъ, русскую землю, подымая сами на себя вражду? А половцы рѣдкіи и разоряютъ нашу землю. Станемъ жить дружно и оборонить русскую землю». Восемьдесятъ три раза воевалъ Мономахъ съ половцами и одинъ, и вмѣстѣ съ другими князьями.

Пригласилъ однажды Мономахъ князей пріѣхать въ Кіевъ для совѣта. Хотѣлъ онъ ихъ спросить, согласны ли идти вмѣстѣ съ нимъ на половцевъ. Недалеко отъ Кіева съѣхались князья съ дружинами. Раскинули у озера шатры. Въ одномъ шатрѣ на разостланномъ коврѣ сидѣли князья. Князья были въ дорогихъ нарядахъ. На нихъ были надѣты синіе и красные кафтаны тонкаго сукна, обшитые золотымъ позументомъ, съ украшеніями на груди изъ драгоценныхъ камней, подпоясанные шелковыми поясами. Поверхъ кафтановъ были накинуты плащи, застегнутые золотыми пряжками, разшитые золотомъ и серебромъ. Ноги обуты въ красные сафьяновые сапоги. На головѣ — собольи шапки съ золотыми верхами.

Первый прервалъ молчаніе Мономахъ.

— Братъ, — сказалъ онъ, обращаясь къ старшему князю, — ты старшій, начни же говорить. какъ намъ охранять русскую землю?

— Братъ, лучше ты начни.

— Трудно мнѣ говорить, когда со мной несогласны ни моя, ни твоя дружина. Не время, говорятъ они, въ походъ идти. Сейчасъ весна, поселение землю пануть да хлѣбъ сѣютъ. Если станемъ воевать, погубимъ и пашню, и поселенъ.

— А ты что думаешь? Какой твой совѣтъ?

— Удивляюсь я. Поселенъ-то вы жалѣете, а вотъ о чемъ не подумаете. Начнетъ мужикъ пахать, вдругъ прискачетъ половчинъ и убьетъ его стрѣлой. А потомъ поѣдетъ въ село, захватитъ въ плѣнъ жену и дѣтей и увезетъ имущество. По-моему лучше самимъ напасть на врага, чѣмъ ждать, пока онъ на насъ нападетъ.

Долго спорили князья. Наконецъ, старшій изъ князей сказалъ: «Я готовъ идти съ тобою. Не знаю, согласна ли моя дружина, пойду спрошу и передамъ ей твои слова». Спросили дружину. Дружина согласилась, и походъ былъ рѣшенъ, къ радости Мономаха. «Великое добро принесете вы русской землѣ», — сказалъ онъ.

Двинулись полки въ степь, напали на половцевъ и разбили ихъ. Двадцать половецкихъ князей убили, много взяли золота, серебра, захватили много лошадей, перлюдовъ и овецъ и вернулись на Русь съ великою славою.

Такъ бывало, когда князья дѣйствовали дружно. Но чаще случалось, что князья ссорились, и тогда побѣждали половцы. Вотъ какъ рассказывали объ одномъ неудачномъ походѣ.

*Походъ Игоря.

Собрался однажды въ походъ на половцевъ Игорь, князь Черниговскій. Не посоветовался онъ со всѣми князьями, а взялъ съ собою только сына, брата и племянника. Передъ самымъ походомъ случилось солнечное затмѣніе. Взглянули Игорь съ дружиною на солнце и увидѣли, что тѣма идетъ отъ него и покрываетъ все войско. Смуглилась дружина, видя въ этомъ дурную примѣту. Но Игорь сказалъ: «Братья и дружина. Лучше быть убитыми, чѣмъ взятыми въ плѣнъ. Сядемъ, братья, на борзыхъ коней, поѣдемъ поглядѣть на синій Донъ, поломаемъ конья въ дальнихъ степяхъ половецкихъ. Вступитъ князь въ золотое стремя и поѣхалъ въ степь.

Бѣгутъ половцы по степи непроторенными дорогами къ великому Дону. Скринать ночью ихъ тѣлѣти, словно вступу-

гнутые лебеди. Игорь ведетъ войско къ Дону. Волки грозно воютъ по оврагамъ, орлы клекчуть, лисицы лаютъ на красныя щиты русскихъ.

Долго далася драка ночью. Но вотъ палъ на небо свѣтъ зари, покрылась степь туманомъ. Широко выстроились въ степи русскіе полки и ударили на враговъ. Смяли они полчища половцевъ. Какъ стрѣлы мчались русскіе по степи, забирали алѣянныхъ, а съ ними золото, шелковыя и бархатныя ткани. Плащами, тулунами, расписными тканями устилали болота.

Но на другой день еще больше явилось половцевъ.

Идутъ они отъ Дона, отъ моря и со всѣхъ сторонъ окружали русскіе полки. Съ крикомъ наступаютъ половцы, храбро бьются русскіе. Съ утра до вечера и съ вечера до разсвѣта летятъ стрѣлы, гремитъ сабли о щлемы, трещатъ копыта булатныя. Земля изрыта конскими копытами, костями засыяна, кровью полита. Бьются день, бьются другой, на третій день къ полудню пали знамена русскихъ. Немного уцѣлѣло въ живыхъ. Игорь съ братомъ пошлѣ въ плѣнь къ половцамъ. Горе охватило русскую землю.

Игорю едва удалось бѣжать изъ плѣна и вернуться домой на радость и веселье русской земли. Такъ кончился этотъ походъ.

Новгородъ Великій.

*Новгородская земля.

На Руси много было богатыхъ торговыхъ городовъ, но всѣхъ богаче былъ Новгородъ Великій на рѣкѣ Волховѣ, у Ильмень-озера. Новгороду принадлежалъ весь сѣверный край, отъ верхней Волги и Двѣра до Вѣлаго моря. Край былъ дикій и суровый. На сотни верстъ тянулись дремучіе лѣса и болота. Среди лѣсовъ протекали многоводныя рѣки. Земли была неудобная: глина, песокъ да болото. Новгородцы мало пахали землю. Хлѣбъ родился плохой. Веходы погибали отъ холодныхъ сѣверныхъ вѣтровъ, отъ раннихъ морозовъ. Часто были неурожаи, а съ ними голодъ. Но зато новгородская зем-

ля имѣла другія богатства. Лѣса были богаты всякимъ звѣремъ: и бобрами, и куницами, и бѣлками, и горностаями. Новгородскія дѣвушки, идя за водой, били соболей коромыслами. Въ дуплахъ деревьевъ гнѣздились двѣя пчелы. Рѣки кишели рыбою: осетрами и бѣлугами, окунями и ершами. Рыбы было такъ много, что ее можно было ловить руками. А на Бѣломъ морѣ водились киты, моржи и тюлени. Новгородцы ловили рыбу, били звѣря, добывали мѣха и шкуры, моржовый зубъ и тюлений жиръ, медъ и воскъ.

Давно стали новгородцы торговать. Новгородцамъ не хватало своего хлѣба. За хлѣбомъ они ѣздили къ соседямъ на Двѣръ, на Волгу, вымѣнивали его на кожи, мѣха, медъ и воскъ. Изъ Новгорода легко было проѣхать по рѣкамъ и озерамъ во всѣ стороны, въ моря Балтійское, Черное и Каспійское. Приѣзжали въ Новгородъ и русскіе купцы и пѣмещіе изъ Западной Европы. Нѣмцы привозили въ Новгородъ хлѣбъ и соль, рогатый скотъ и лошадей, сукно и полотно, желѣзныя и стеклянныя издѣлія, золото и серебро.

*Торгъ въ Новгородѣ.

По обомъ берегамъ Волхова на холмахъ раскинулся Новгородъ Великій. Весь городъ окруженъ землянымъ валомъ со рвомъ и башнями. А за валомъ тянутся слободы, бѣлѣютъ монастыри. На лѣвомъ берегу, у пристани, высятся Кремль съ каменными зубчатыми стѣнами. За стѣнами блестятъ на солнцѣ золотыя главы собора св. Софіи, видѣются остроконечныя, разноцвѣтныя кровли домовъ. Изъ Кремля прямо на рѣку выходятъ ворота, надъ которыми подымается высокая башня съ часами. Отъ воротъ черезъ Волховъ перекинутъ широкій деревянный мостъ. На другомъ концѣ моста тоже возвышается башня съ воротами, ведущими на торговую площадь.

На башнѣ пробило шесть часовъ утра, а ужъ на рѣкѣ и на пристани кипитъ работа. Вся рѣка у моста и возлѣ пристаней заставлена барками и судами. Одни изъ нихъ стоятъ со спущенными парусами. Другіе видно, только-что пришли. Матросы быстро свертываютъ паруса и бросаютъ на берегъ толстые канаты. Ихъ на лету подхватываютъ люди, стоящіе

на берегу и прикрѣпляютъ къ деревяннымъ тумбамъ, врытымъ въ землю. Между судами снуютъ большія и малыя лодки.

На пристаняхъ и на берегу вдоль стѣнъ движется густая толпа народа въ разноцвѣтныхъ кафтанахъ, красныхъ и бѣлыхъ рубахахъ, въ шапкахъ и колпакахъ. Шумъ и гамъ стоятъ надъ рѣкой. Съ судовъ на берегъ перекинута мостки. По нимъ взадъ и впередъ торопливо ходятъ носильщики. Одни, перегнувшись впередъ, тащатъ огромные тюки товара и складываютъ ихъ на берегу или грузятъ прямо на телеги. Другіе, сбросивъ пошу, быстро бѣгутъ за пошой. На берегу навалены цѣлыя горы товара: бочки съ виномъ и саломъ, мѣшки съ хлѣбомъ и солью, тюки съ полотномъ и сукномъ, корзинны съ сушеной и соленой рыбой. Въ палаткахъ сидятъ торговцы всякой мелочью, громко закликаютъ покупателей.

По мѣсту съ прохотомъ тянутся возы со всякимъ товаромъ. Вотъ впереди ѣдутъ нѣсколько возовъ, нагруженныхъ бочками съ виномъ и краснымъ сукномъ. Рядомъ съ возами шагаютъ нѣмецкіе кушцы. Они въ высокихъ сапогахъ, низкихъ, приплюснутыхъ шапкахъ, короткихъ кафтанахъ, съ саблѣй на боку. Кушцы только-что пріѣхали изъ своей далекой страны. Возы, пройдя мимо воротъ, медленно поднимаются въ гору на главную торговую площадь.

Кругомъ площади — каменные заборы, деревянныя лавки и навѣсы. На лѣвой сторонѣ церковь св. Івана, а рядомъ съ нею Гостиный дворъ, гдѣ подъ навѣсами складывается товаръ новгородскихъ гостей (такъ называли богатыхъ купцовъ). У церкви на площади стоятъ большіе вѣсы. Къ вѣсамъ и подѣзжаютъ возы съ нѣмецкими товарами. Новгородскіе чиновники, взвѣсивши товаръ, берутъ съ купцовъ пошлину.

На площади тѣмъ временемъ идетъ бойкая торговля. Прямо съ возовъ продаютъ воскъ въ мѣшкахъ, медъ въ кадкахъ, мѣха и кожи. На прилавкахъ подъ навѣсами выставлены напоказъ красное и синее сукно, шелковыя ткани и полотно. Заманчиво блестятъ серебряная и стеклянная посуда, кольца, браслеты и ожерелья. У лавокъ толнятся покупатели, а еще больше любопытныхъ. Въ толпѣ снуютъ разносчики съ квасомъ, медомъ, аладьями, со всякой мелочью. Стукъ телегъ, ржанье лошадей, крики разносчиковъ, зазыванья продавцовъ, говоръ толпы сливаются въ одинъ сплошной гулъ.

Съ ранняго утра до вечера идетъ въ Новгородѣ торговля. Ни одинъ городъ на Руси не велъ такой большой торговли, какъ Новгородъ. Новгородцы отъ торговли наживали барыши. Много было въ Новгородѣ богатыхъ купцовъ.

• Вѣче.

Время близилось къ полудню. Торги были въ самомъ разгарѣ. Какъ вдругъ раздался звонъ колокола. За первымъ ударомъ послѣдовалъ второй, третій... Звонили часто и быстро, не такъ, какъ звонятъ въ церковь. Да и служба давно уже отошла. Заслышавъ звонъ, народъ заволновался. «На вѣче! На вѣре!» — раздались крики. Покупатели поспѣшно расшачивались съ продавцами. Кушцы быстро убрали съ прилавковъ товары и запирали лавки. Бросали работу и плотники, строившіе на краю площади новый храмъ. Рыбаки и перевозчики приставали къ берегу и вмѣстѣ съ носильщиками, матросами покидали берегъ. Народъ валомъ валить изъ всѣхъ улицъ и переулковъ, выходящихъ на торговую площадь, а оттуда бѣжалъ на Ярославовъ дворъ. Замыкавшиеся бѣжали запоздавшие. Кто тащилъ скамью или бочку, чтобы ставить на нихъ, лучше видѣть и слышать. Кто взобрался на заборъ или на крышу

По срединѣ площади стояла деревянная башня, откуда и раздавался звонъ большого колокола, созывавшій новгородцевъ на сходку, или вѣче. Рядомъ съ башней видѣлся помостъ со ступеньками и перилами. Возлѣ помоста, на скамьяхъ, въ богатыхъ кафтанахъ и шапкахъ сидѣли богачи новгородскіе и о чемъ-то тихо совѣщались между собою.

Толпа, состоящая изъ однихъ мужчинъ (женщины на вѣчѣ не участвовали), шумѣла и галдѣла. Одни спорили, кричали и размахивали руками. Другіе спрашивали другъ друга, въ чемъ дѣло, кто созвалъ народъ, о чемъ будутъ совѣщаться. Вотъ справа на площади послышались крики: «Дорогу, дорогу!» Толпа съ трудомъ раздалась въ стороны. Въ образовавшемся проходѣ показался князь въ сопровожденіи нѣсколькихъ челоуѣкъ въ богатыхъ нарядахъ и прошелъ къ башнѣ.

Говоръ постепенно сталъ умолкать и, наконецъ, наступила полная тишина, когда на возвышеніе взойшелъ старикъ

въ длинномъ кафтанѣ, собольей шубѣ, съ золотой цѣпью на шеѣ. Это были посадники, новгородскій выборный начальникъ. Поклонившись на всѣ четыре стороны, онъ обратился къ народу съ такими словами.

— Господишь Великій Новгородъ! Вѣдомо вамъ, братья, что уже полъ-года прошло, а у насъ все нѣтъ князя. Бѣдиль я съ выборными, какъ вы того хотѣли, братья, къ князю Ярославу. Говорили мы ему: «Иди, княже, къ намъ, мы хотимъ тебя, а другого не хотимъ». Вотъ нынѣ князь прѣхалъ къ намъ, по зову вашему. Такъ ли думаете, какъ прежде? Хотите ли вы имѣть княземъ Ярослава? Вѣдь, вы, братья, вольны къ князьяхъ!

— Пусть князь самъ говоритъ! — раздались крики въ народѣ.

Посадникъ сошелъ съ возвышенія, и на его мѣстѣ появился князь, низко поклонился народу и сказалъ:

— Кланяюсь я низко св. Софін, господину Великому Новгороду и всему народу новгородскому. Братья новгородцы, хотите ли меня имѣть у себя княземъ?

— Хотимъ, княже, хотимъ. Да будетъ такъ! — закричалъ народъ въ одинъ голосъ.

— Кланяюсь тебѣ, господине, — сказала посадникъ, вставая и кланяясь князю, — а ты, князь, цѣлуй намъ крестъ и поклонись, что ты насъ будешь любить и никого не обижать; Новгородомъ будешь править по старинѣ, какъ правили дѣды твои и отцы.

— Такъ ли, братья? — продолжалъ посадникъ, обратившись къ народу.

— Такъ, такъ! — закричали на вѣчѣ.

Послѣ этого бояре, посадникъ и князь пошли въ церковь, а за ними повалилъ народъ. Въ церкви сначала князь принесъ присягу новгородцамъ въ томъ, что будетъ защищать Новгородъ отъ враговъ, управлять и судить по правдѣ, будетъ соблюдать новгородскіе законы. Послѣ этого и новгородцы присягали князю, что будутъ вѣрны ему. Такъ въ Новгородѣ выбирали князя.

Въ помощь князю вѣче выбирало посадника. Его избирали изъ богатыхъ новгородцевъ. Посадникъ судилъ вмѣстѣ съ княземъ, ходилъ съ нимъ на войну. Когда князя не было въ городѣ, посадникъ управлялъ городомъ, созывалъ народъ

на вѣчѣ, докладывалъ ему дѣла. Князь не могъ лишить посадника должности безъ суда и согласія вѣча.

Разъ одинъ изъ князей сказалъ народу на вѣчѣ:

— Не могу быть съ посадникомъ Твердиславомъ, отнимаю у него посадничество.

— А кака я вина? — спросилъ князя народъ.

— Такъ, безъ вины, — отвѣчалъ князь.

Тогда посадникъ сказалъ:

— Я радъ, что на мнѣ нѣтъ никакой вины. А вы, братья, вольны и въ посадникахъ, и въ князьяхъ.

— Князь, — сказала вѣче, — ты намъ клялся безъ вины не отнимать ни у кого должности. Мы не допустимъ, чтобы ты безъ вины отнял посадничество.

Князю пришлось уступить и оставить посадника на мѣстѣ. А если князь не подчинялся вѣчу и нарушалъ законы, вѣче говорило ему:

— Не можемъ, князь, терпѣть твоего неслѣдствія. Убѣжай отъ насъ, а мы себѣ промыслимъ другого князя.

Князь долженъ былъ убѣжать, и новгородцы выбирали себѣ новаго.

Кромѣ выбора князя и посадника, вѣче издавало законы, рѣшало воевать или мириться съ врагами. Такъ новгородцы правили своей землей.

Суздальская земля.

Заселеніе Суздальской земли.

Между верхней Волгой и Окой лежалъ обширный Суздальскій край. Такъ онъ назывался по городу Суздалью. Крайъ былъ пустынный и глухой. Въ немъ было много непроходимыхъ лѣсовъ и тошкыхъ болотъ. Едва можно было найти сухое и открытое мѣсто, чтобы поставить дворъ съ избой да землю распахать. Жили тамъ больше финны — лѣсные дикари, бродячіе охотники и рыболовы. А русскихъ сначала было очень мало. Но понемногу край сталъ заселяться русскими. Въ Суздальскую землю или переселенцы съ Волхова и съ Дняпра. На новыхъ мѣстахъ они вырубали и выжигали лѣсъ, на рас-

чищенныхъ мѣстахъ ставили небольшія деревни въ пять-шесть дворовъ. По названіямъ многихъ этихъ деревень видно было, что онѣ строились среди лѣса да иней, на выгорѣвшихъ мѣстахъ: Борь, Гарь, Выгарь, Пенье, Пали и т. п. Жители деревень пахали землю, охотились, ловили рыбу, собирали медь. Въ иныхъ мѣстахъ драли лыко, жгли уголь, добывали смолу и деготь. Городовъ было немного, и въ нихъ жило мало народу. Городскіе жители занимались тѣмъ же, чѣмъ и деревенскіе. Торговли въ городахъ почти не было, такъ какъ не съ кѣмъ было торговать. Крутомъ лѣсъ да болото. Трудно было сосѣдямъ проѣхать въ Суздальскую землю и изъ нея выбраться. Суздальской землей правили внуки и правнуки Владимира Мономаха.

Князья охотно приглашали на свои пустыя земли переселенцевъ, помогали имъ устроиться на новыхъ мѣстахъ. Князья расчищали лѣсныя дерби, проводили дороги, строили города и села. Князьямъ было выгодно, чтобы народъ селился на ихъ земляхъ. Переселенцы платили князьямъ подати, княжеская казна богатѣла. Князья хозяйничали, судили жителей, защищали ихъ отъ враговъ. Князей было много. Нѣкоторые княжества были очень малы. Старшимъ, или великимъ княземъ считался князь города Владиміра.

День въ усадьбѣ князя.

На берегу небольшой рѣчки расположена усадьба князя. Посреди двора стоятъ деревянныя хоромы, гдѣ живетъ князь съ семьей. Хоромы — въ два этажа. Внизу — кладовыя, гдѣ хранятся всякіе запасы: мука, соль, хлѣбъ, сало, деревянная посуда, холсты, овчины. Наверху — горница, покои князя и семья. Въ горницу со двора ведетъ крыльцо, — крытая лѣстница съ площадками. Столбики крыльца украшены рѣзьбою. Перила сквозныя, рѣшетчатыя. Хоромы покрыты высокой, деревянной кровлей, на четыре ската. Окна — маленькія и узкія, расположены не въ одинъ рядъ, а одни выше, другія ниже. Крутомъ хоромъ по двору въ безпорядкѣ разбросаны амбары для храненія зерна и сѣна, сарай, гдѣ сложены сохи, бороны, косы, хлѣвы для скота. Недалеко отъ хоромъ — избы, гдѣ живутъ рабочіе князя. На краю усадьбы — гумно со скирдами ржи и соломы. Дворъ обнесень рвомъ и высокимъ частоколомъ съ крѣпкими воротами.

За усадьбой видѣется на пригоркѣ небольшая деревянная церковь. Крутомъ усадьбы раскинулись поля, по берегамъ рѣчки вытянулись заливные луга, вдали слышется лѣсъ. Все вереть на сто крутомъ, — и лѣсъ, и поля, и луга, и рѣчка, и рыбныя озера, — принадлежать князю.

Хозяйство у князя большое. Рано начинается рабочий день въ усадьбѣ. Самъ князь встаетъ чуть свѣтъ и вмѣстѣ съ боярами, своими помощниками, обходитъ дворъ и гумно, заглядываетъ въ амбары, кладовыя. На гумнѣ работницы молотятъ цѣпами рожь. Передъ амбарами стоятъ воза. Крестьяне, живущіе на княжеской землѣ, привезли князю оброкъ (плату за землю), часть собранной ржи, и ссыпаютъ ее въ закрома. Другіе принесли рыбу, говядину, яйца. Все это принимаетъ княжескій приказчикъ и записываетъ, кто сколько привезъ или принесъ. Потомъ князь ѣдетъ верхомъ со двора поглядѣть, какъ работаютъ на поляхъ и лугахъ, заѣзжаетъ на мельницу у рѣчки. По дорогѣ князь бесѣдуетъ съ боярами, спрашиваетъ ихъ совѣта и даетъ имъ распоряженія по хозяйству.

Вернувшись съ поля, князь садится передъ крыльцомъ на креслѣ и принимаетъ разныхъ просителей, занимается судомъ и расправой. И тутъ князю помогаютъ его бояре. Дворецкій управляетъ всѣмъ хозяйствомъ князя. Стольникъ заботится о припасахъ для княжескаго стола. Казначей хранитъ казну и вещи князя. Тутъ же и дьякъ (писарь) съ перомъ за ухомъ и чернильницей за поясомъ.

Вотъ къ князю подходитъ крестьянинъ. Низко кланяясь, онъ проситъ князя подождать съ оброкомъ. Хлѣбъ у него рдился плохой, да и тотъ сгорѣлъ отъ засухи. Князь спрашиваетъ совѣта у дворецкаго. Тотъ говоритъ, чтобы крестьянинъ, взявши оброка, пріѣхалъ бы возить лѣсъ на постройку амбара. Князь соглашается съ бояриномъ, и крестьянинъ благодаритъ и уходитъ. Подходятъ и другіе просители. Кто проситъ займы зерна для посѣва, кто — лѣсу для постройки.

Наконецъ, приводятъ къ князю пойманнаго преступника со связанными назадъ руками. Его схватили въ то время, какъ онъ собирался поджечь изъ мести амбаръ у сосѣда. Такъ какъ преступникъ сопротивлялся, въ дракѣ на немъ изорвали одежду, а на лицѣ видны синяки и царапины. На вопросы князя и бояръ онъ отвѣчаетъ неохотно и заирается въ своей винѣ. Но свидѣтелей много, да и раньше поджигатель попался въ

воровствѣ. Князь, посовѣтовавшись съ боярами, приказываетъ поджигателя казнить.

Покончивъ съ дѣлами, князь идетъ обѣдать, а послѣ обѣда поспать часокъ-другой. Отдохнувши, князь ѣдетъ на охоту. Къ закату солнца онъ возвращается и проводитъ время до ужина въ кругу семьи. Бесѣдуетъ съ дѣтьми, иногда слушаетъ сказочниковъ или пѣицовъ. Такъ проходилъ день въ усадьбѣ князя.

Нашествіе татаръ

Битва на Калкѣ.

Много разъ половцы разоряли русскую землю, много бѣдъ причинили они ей. Но вскорѣ изъ Азіи пришли враги еще страшнѣе, принесли съ собою неисчислимые бѣдствія. Въ 1223 году прибѣжали къ русскому князю Мстиславу половецкіе князья. Всѣ они трепетали отъ страха. Смиренно и униженно, съ подарками и низкими поклонами стали просить они:

— Помогите намъ, напали на насъ сильные враги и разорили нашу землю. Если вы теперь намъ не поможете, они придутъ и къ вамъ и сдѣлаютъ съ вами то же. Помогите намъ.

— Что сдѣлалось съ вами? Кто погубилъ васъ? Какіе враги?—спрашивалъ князь.

— Враги пришли изъ Азіи, — отвѣчали половцы. Ихъ очень много, они храбры, сильны и злобы. Лицомъ они смуглые, глаза у нихъ узкіе, губы толстыя, плечи широкія, скулы выпуклыя, волосы черные. Бились мы съ ними, но не могли устоять. Многие изъ насъ побиты, другихъ загнали за Донъ, за Днѣпръ. А мы просимъ у васъ помощи.

— Какъ зовутъ враговъ?

— Зовутъ ихъ татарами.

Собрались русскіе князья въ Кіевѣ и долго думали и толковали. «Если не поможемъ половцамъ, — говорили князья, — они соединятся съ татарами и пойдутъ вмѣстѣ съ ними на русскую землю». Рѣшили князья помочь половцамъ, биться съ татарами.

Къ веснѣ стали снаряжаться князья въ походъ. Со всѣхъ сторонъ собирались русскіе и половецкіе полки и на коняхъ, и пѣше, и въ лодкахъ. Весь Днѣпръ покрылся лодками, изъ-подъ нихъ не видать было воды. Двинулись полки въ степи. Услышали татары о походѣ русскихъ и послали къ нимъ пословъ. Послы говорили: «Слышимъ, что вы повѣрили половцамъ и поднялись противъ насъ. Но мы не на васъ пришли, мы вашей земли не занимали, ни сель вашихъ, ни городовъ вашихъ. Мы пришли къ половцамъ. Помиритесь съ нами». Но русскіе не повѣрили татарскимъ посламъ и поѣхали дальше въ степь на татаръ.

На рѣкѣ Калкѣ, у Азовскаго моря, встрѣтились русскіе и татары. Начался бой. Сначала русскіе стали побѣждать татаръ. Но половцы погубили дѣло. Не выдержали они натиска татаръ и бросились толпами бѣжать прямо на станъ князей. Смяли половцы русскіе полки и разбѣжались во всѣ стороны, пѣше, конные, съ телѣгами. Не успѣли русскіе оправиться отъ смятенія, какъ татары напали на нихъ. Долго бились, но наконецъ не устояли русскіе и обратились въ бѣгство вслѣдъ за половцами. Татары погнались за ними до Днѣпра. Шестъ князей убили татары. Однихъ кіевлянъ погибло 10 тысячъ.

Но не всѣ князья бѣжали. Устоялъ князь кіевскій. Стоялъ онъ съ полками на горѣ надъ рѣкой. Укрѣпиль онъ свой станъ и три дня бился съ татарами. На четвертый день взяли татары угрѣденіе и изрубили воиновъ. А князей повалили татары на землю, положили на нихъ доски, сѣли сверху и пировали, со смѣхомъ слушая, какъ подъ досками хрустѣли ихъ кости. Побѣдивъ русскихъ, пошли татары къ Кіеву, истребляя все на пути: и нивы, и скотъ, и людей, и города, и села. Но вдругъ повернули назадъ въ степи и скрылись. Лѣтошисецъ, рассказывая о пораженіи русскихъ, такъ говоритъ: «Совершилась великая бѣда. Людей погибло безъ числа. Были воли, стоны и печаль по всѣмъ городамъ. Этыхъ злыхъ татаръ мы не знаемъ. Откуда они пришли на насъ, куда дѣлись потомъ, мы не вѣдаемъ».

Что такіе были татары.

Татары пришли изъ Азіи. Татары, какъ и половцы, были кочевниками и занимались скотоводствомъ. Жили они отдѣль-

ными ордами (племенами). Ордами правили князья или ханы. Незадолго передъ тѣмъ, когда татары пришли на Русь, одинъ изъ татарскихъ хановъ, Чингисъ-Ханъ, подчинилъ себѣ другихъ и сталъ царемъ всѣхъ татаръ. Чингисъ-Ханъ задумалъ покорить весь мiръ. Онъ уже завоевалъ всю Азію и послалъ свои полчища въ Россію, чтобы и ее завоевать. Татары были искусными и храбрыми воинами. Бились они на коняхъ. Вооружены они были луками со стрѣлами, сѣкирами (топорами), арканами. Больше богатые имѣли кривыя сабли, племени, кольчуги и щиты. Когда татары входили въ чужую землю, то высылали передовыя отряды на разведки. Они ничего не грабили, домовъ не сжигали, скота не убивали, а только умерщвляли и ранили людей. За передовыми отрядами слѣдовало главное войско. Войско захватывало все, что могло, жгло и истребляло все по пути. Татары умѣли осаждать укрѣпленные города. Они дѣлали подкопы, отводили воду, разбивали стѣны таранами (бревнами, подвѣшенными на канатахъ). Покоривши страну, татары брали съ народа дань, десятую часть имущества и людей. Людей обращали въ рабство. Князья покореннаго народа должны были приходить съ подарками къ хану и помогать ему на войнѣ.

Нашествіе Батыя.

Прошло двѣнадцать лѣтъ послѣ битвы при Калкѣ. Русскіе стали забывать о татарскомъ нашествіи. Какъ вдругъ черезъ 13 лѣтъ татары появились снова. Большой ордой въ триста тысячъ перешли они черезъ Уралъ. Велъ ихъ ханъ Батый, ягучъ Чингисъ-Хана. Татары завоевали сначала земли по Волгѣ. Оттуда они вторглись въ Русскую землю. Батый сначала послалъ къ князьямъ пословъ, требуя дани. Князья отвѣчали: «Когда никого изъ насъ не останется въ живыхъ,—все будетъ ваше».

Татары взяли Рязань и сожгли ее. Жители всѣ были перебиты. Одни разстрѣляны стрѣлами, другіе посѣчены мечами, потоплены въ рѣкѣ, дѣти брошены въ огонь. И не осталось никого въ живыхъ. Некому было стонать и плакать, некому скорбѣть о погибшихъ. Всѣ вмѣстѣ лежали мертвы.

Взятіе Владиміра.

Изъ Рязани татары пошли къ Владиміру. Владиміръ былъ окруженъ высокой и крѣпкой стѣной. Татары стали осаждать городъ. Съ утра до вечера татары рыли землю, насыпали валы, обнесли городъ высокимъ тыномъ, ставили стѣнобитныя машины. Князь и горожане увидѣли, что имъ остается только готовиться къ смерти. Семейство князя и много знатныхъ и простыхъ людей, старики, женищины и дѣти, пошли съ епископомъ въ храмъ. Тамъ они причастились, молились и со страхомъ и трепетомъ ждали своей гибели. Утромъ татары бросились на стѣны и ворвались со всѣхъ сторонъ въ городъ. Городъ запылалъ. Татары отбили двери церкви, гдѣ заперлись молящіяся, и перебили ихъ. Семья князя съ близкими людьми укрылись на палатяхъ (хоры) храма. Татары ободрали иконы, захватили всѣ драгоценности, сосуды, кресты, оклады, ризы. Узнавъ, что княгиня съ семействомъ на палатяхъ, татары звали ихъ сойти, обѣщая помиловать. Тѣ не сошли. Тогда татары патавкали лѣсу въ церковь, наклали вороха около церкви и зажгли. Скоро отъ дыма всѣ задохнулись. Изъ Владиміра татары разошлись по всей русской землѣ. Въ одинъ мѣсяць татары взяли 14 городовъ. Напрасно пытались князья бороться съ татарами. Татары разбили великаго князя Юрія съ войскомъ и пошли на сѣверъ къ Новгороду. Но до Новгорода не дошли. Наступила весна, рѣки разлились, дороги сдѣлались непроходимы. Повернули татары на Двѣбрь и подступили къ Киеву.

Взятіе Киева.

Какъ густая туча, облегли татары Киевъ. Скрипъ телѣгъ, ревъ верблюдовъ и воловъ, ржаніе коней, свирѣпыя крики неприятелей заглушали говоръ жителей. Про разгромъ Киева Батыемъ сложилась потомъ въ народѣ пѣсня. Въ ней Батый прозванъ Калингъ-царь.

«Не дошелъ онъ до Киева за семь верстъ.
Становилъся Калингъ у быстра Двѣпра.
Собралъсь съ нимъ сила на сто верстъ,

Во всё тѣ четыре стороны.
 Зачѣмъ мать-сыра земля не погнется?
 Зачѣмъ не разступится?
 Отъ пару было отъ коннаго,
 А и мѣсяць, солнце померкнуло,
 Не видать луча свѣта бѣлаго,
 А отъ духа татарскаго
 Не можно брещенымъ намъ живымъ быти».

Началась осада города. День и ночь орудія били въ стѣны. Наконецъ, рухнули стѣны. Грудь съ грудью бились киевляне съ татарами. Тучи стрѣлъ носились въ воздухѣ, конья грецали и ломались, мертвыхъ и умирающихъ топили ногами. Наконецъ, татары завладѣли городомъ и подожгли его, вырѣзавъ всѣхъ жителей. Въ Киево-Печерской Лаврѣ монахи рѣшили бороться съ татарами и долго бились на стѣнахъ вмѣстѣ съ воинами. Татары отбили ворота, похищали всё сокровища, разломали церковь до самыхъ оконъ вмѣстѣ съ кельями и стѣнами монастырскими.

Такъ прошли татары по всей Русской землѣ и опустошили ее огнемъ и мечемъ. Поля были сожжены и вытоптаны и заросли сорной травой; вмѣсто городовъ и селъ лежали груды развалинъ, да повсюду бѣлѣли кости людей.

Лѣтописцы оплакивали гибель городовъ и народа. «Батый, какъ лютой звѣрь, пожиралъ цѣлыя области. Князья русскіе пали въ битвахъ, другіе скитались въ земляхъ чужихъ. Они славились прежде богатствомъ и всего лишились. Матери плакали о дѣтяхъ, растоптанныхъ конями татарскими. Живые завидовали спокойствію мертвыхъ».

Золотая Орда и татарское иго.

Татары, завоевавши русскую землю, поселились въ степяхъ, между Дономъ и Волгой. На правомъ берегу Волги стояла столица татарскаго царства — Сарай. Татарское царство называлось «Золотая Орда».

Русскіе должны были звать татарскаго хана царемъ. Духовенство въ церквахъ должно было за него молиться. Русскіе князья правили землей съ его разрѣшенія. Они обязаны были ѣздить къ хану на поклонъ, давать богатые подарки ему,

его женѣ и приближеннымъ. Покорнымъ князьямъ ханъ давалъ грамоты на княженіе — ярлыки.

Со всѣхъ русскихъ татары брали дань мѣхами и скотомъ, хлѣбомъ и медомъ. Кто не могъ платить, того уводили въ рабство. Дань собирали татарскіе чиновники — баскаки съ военными отрядами. Населеніе должно было ихъ кормить и давать подводы. Чтобы узнать, сколько было жителей, ханъ повелѣлъ переписывать ихъ. Писцы переносывали всѣхъ жителей мужского пола, взрослыхъ и даже младенцевъ.

Вотъ какъ воспоминается въ пѣснѣ о томъ, какъ татары собирали дань:

«Съ князей брали по сту рублей,
 Съ бояръ по пятидесяти,
 Съ крестьянъ по пяти рублей.
 У котораго денегъ нѣтъ,
 У того дитя возьметъ,
 У кого дитяти нѣтъ,
 У того жену возьметъ,
 У котораго жены нѣтъ,
 Того самого возьметъ».

Только духовенство не платило дани. Татары были язычники, но не преслѣдовали чужой вѣры. Они позволяли покореннымъ народамъ молиться по-своему. «Пусть, — говорили татары, — безпечально молятся за хана и за все его племя».

Александръ Невскій въ Ордѣ.

Тяжело жилось на Руси подъ татарскимъ игомъ. Не разъ возставало населеніе, не стерились притѣсеній и разореній. Но татары приходили съ большимъ войскомъ и еще больше разоряли и опустошали страну. Приходилось тогда князьямъ ѣздить въ Орду. Здѣсь они за дорогіе подарки просили у хана прощенія, чтобы онъ перемѣнилъ гнѣвъ на милость, не губилъ Русской земли. Самые сильныя князья должны были смириться передъ татарами. Такъ было съ великимъ княземъ владимѣрскимъ Александромъ Невскимъ. Когда Александръ княжилъ въ Новгородѣ, на русскую землю начали наступать новые враги съ сѣвера и запада. Это были пѣмцы и шведы. Они хотѣли завоевать русскія земли на сѣверѣ. Але-

ксандръ храбро защищалъ Новгородъ. Онъ разбилъ шведовъ на берегу Невы, за что и получилъ прозвище Невскаго. Дважды онъ отбивалъ нападеніе пѣмцевъ.

Иначе относился Александръ къ татарамъ. Онъ видѣлъ, что татары сильнѣе русскихъ, и съ ними надо жить въ мирѣ и покорности. «Пока Русь слаба, надо жить въ ладу съ ханомъ», — говорилъ Александръ, и воѣхалъ въ Золотую Орду просить у хана поставить его великимъ княземъ.

Ханъ принималъ Александра въ богатомъ шатрѣ. Шатеръ поддерживали столбы, украшенные золотомъ. Потолокъ и стѣны были завѣшены дорогими коврами и тканями. По срединѣ шатра на тронѣ, украшенномъ слоновой костью, золотомъ и драгоценными камнями, сидѣлъ ханъ съ женою. У трона стояла вооруженная мечами стража. Пониже трона на скамьяхъ сидѣли родственники хана. Остальные князья и вельможи сидѣли на землѣ, скрестивши ноги. Среди палатки ближе къ двори, стоялъ столъ съ напѣтками въ золотыхъ и серебряныхъ сосудахъ. Александръ вошелъ со скрещенными на груди руками, потупивъ взоръ въ землю. Онъ поднесъ подарки и отвѣчалъ на вопросы хана. Ханъ обошелся съ нимъ милостиво.

Черезъ нѣсколько дней было устроено торжественное собраніе всего двора, князей и вельможъ хана. Ханъ вручилъ колѣнопреклоненному князю мечъ и объявилъ его великимъ княземъ, т. е. главнымъ княземъ надъ всеми русскими князьями. Знатнѣйшіе вельможи вывели его изъ шатра и посадили на ханскую лошадь. Младшіе князья вели лошадь подъ уздцы. Такъ всегда получали власть русскіе князья въ Ордѣ. Александръ, получивъ грамоту на княженіе, поѣхалъ во Владиміръ. Здѣсь его встрѣтилъ митрополитъ съ крестомъ и съ духовенствомъ и со множествомъ людей, при звонѣ колоколовъ.

Другія князья тоже ѣздили въ Орду за ярлыками, и часто имъ удавалось спасать страну отъ разоренія. Двѣсти сорокъ лѣтъ находилась Русская земля въ татарской неволѣ. И до сихъ поръ живетъ въ народѣ память о татарахъ. «Злѣе злого татарина», «не въ пору гость, хуже татарина», — говоритъ русская пословица.

Возвышеніе Москвы.

Начало Москвы.

Нынѣшняя Москва — громадный городъ. Населенія въ ней около двухъ милліоновъ. Десять желѣзныхъ дорогъ связываютъ ее со всеми концами страны. Это — большой торговый и фабричный городъ, со множествомъ фабрикъ и заводовъ, лавокъ и магазиновъ. Москва давно славится и числомъ своихъ храмовъ и другихъ святынь; въ народѣ ее зовутъ: «Москва-матушка — золотая маковки». Теперь въ ней все больше и больше вырастаетъ школъ. Было время, Москва была русскою столицей, главнымъ городомъ русскихъ государей. Петръ Великій 200 лѣтъ назадъ перенесъ столицу въ Петербургъ. Но и доннынъ Москву называютъ «Первопрестольной».

Москва выросла не сразу. Древнѣйшая ея часть — Кремль — возникла въ XII вѣкѣ, почти 800 лѣтъ тому назадъ. Невѣдомо точно, кто и когда основалъ Москву. Всего вѣроятнѣе, что ее основалъ князь Юрій Долгорукій, сынъ Владимира Мономаха, какъ говорится въ одномъ сказаніи.

По этому сказанію, князь Юрій ѣхалъ какъ-то этими мѣстами изъ Кіева къ сыну во Владиміръ и пріѣхалъ по пути туда, гдѣ теперь Москва. Стояли тутъ села красивые и владѣлъ ими нѣкій богатый бояринъ, имя ему Кучко Степановъ. Тотъ Кучко встрѣтилъ князя очень гордо и недружелюбно, возгордился очень и не почтилъ князя подобающей честью. Въ тому же и поносилъ его. Не стерпя той хулы, князь повелѣлъ того боярина схватить и предать его смерти. Такъ и было сдѣлано. Самъ же князь взомель на гору и обозрѣлъ съ нея все кругомъ по обѣ стороны Москвы-рѣки. И возлюбилъ села эти, и повелѣлъ сдѣлать городъ малый, деревянный, и прозвалъ его по имени Москвы-рѣки — Москвой.

Такъ рассказывается въ этомъ сказаніи. Въ лѣтописи того времени записано, что тотъ же князь Юрій въ 1147 г. принималъ и угощалъ въ Москвѣ веселымъ пиромъ другого князя. Стало быть, въ этомъ году Москва уже стояла.

Вотъ все, что намъ извѣстно о началѣ Москвы.

Древнѣйшая Москва.

Какова же была эта древнѣйшая Москва почти восемь вѣковъ назадъ? Это не была еще нынѣшняя Москва. Это былъ только московскій Кремль. Да и этотъ Кремль былъ раза въ три меньше нынѣшняго Кремля. Крутомъ стояли дремучіе лѣса, тянулись болота, поросшія мохомъ, между холмами протекали рѣчки. Все это теперь совсѣмъ измѣнилось. Нѣтъ ни лѣсовъ, ни болотъ; на ихъ мѣстѣ — площади, улицы и переулки. Многія рѣчки высохли и совсѣмъ исчезли. Но воспоминанія остались.

Такъ, въ Кремлѣ есть Боровицкія ворота и церковь Спаса-на-Бору: — значитъ, здѣсь былъ когда-то сосновый боръ. Въ Замоскворѣчьи есть площадь, называемое Болото, а по эту сторону рѣки — улица Моховая. Здѣсь прежде можно было пекать грибы и собирать бруснику. Сейчасъ въ Москвѣ двѣ рѣки: Москва и Яуза. Въ старину были еще другія рѣки: Прѣсна, Неглинка, Сивка, ручей Черторой. Отъ Прѣсны остались Прѣсенскіе пруды. Черторой и Сивка совсѣмъ пересохли; на мѣстѣ, гдѣ была Черторой, теперь устроены Пречистенскій бульваръ; а гдѣ по оврагу впадала въ него рѣчка Сивка, тамъ — переулочекъ Сивцевъ-Вражекъ. Неглинка течетъ теперь подъ землей въ каменной трубѣ. Надъ нею проходитъ улица Неглинный проѣздъ и Кузнецкій мостъ. Въ старину это былъ настоящій мостъ, и у этого моста стояли кузницы. Теперь тамъ большіе магазины, а моста никакого нѣтъ.

Московскій Кремль былъ княжеской крѣпостью. Его окружали деревянные стѣны. Черезъ 200 лѣтъ деревянныя стѣны замѣнили каменными. Въ стѣнахъ были устроены ворота: Никольскія, Спасскія и другія; надъ стѣнами возвышались башни. На башняхъ стояли сторожа и смотрѣли, не идутъ ли къ Москвѣ враги. Въ случаѣ войны, когда врагъ подходилъ къ Москвѣ, жители окрестныхъ селъ и деревень сбѣгались въ Москву, подъ защиту крѣпкихъ кремлевскихъ стѣнъ, со всѣмъ имуществомъ.

Въ стѣнахъ Кремля были выстроены первыя церкви. Здѣсь потомъ выросли соборы — Успенскій и Архангельскій. Въ Успенскомъ короновались (вѣнчались на царство) русскіе цари, въ Архангельскомъ долгое время хоронили умер-

шихъ государей. Тамъ стоятъ гробницы Дмитрія Донского. Ивана Грознаго; тамъ же покоятся мощи Дмитрія Царевича.

Въ Кремлѣ находились и боярскіе дворы, и княжескія хоромы, княжескій дворецъ. Тутъ же, на мѣстѣ, гдѣ теперь Чудовъ монастырь, — стоялъ татарскій посольскій дворъ, и ханскій посолъ изъ своихъ оконъ слѣдилъ за всѣмъ, что дѣлаетъ московскій государь въ своемъ дворцѣ.

Подъ стѣнами московскаго Кремля селились купцы и промышленные люди. Они ставили свои дворы и лавки и работали на кремлевскихъ жителей, продавали имъ свои издѣлія и товары. Торговали и по Москвѣ-рѣкѣ, спускали суда съ товарами на Оку и Волгу, ѣздили и въ чужія страны. Это былъ торговый и промышленный поселекъ, посадъ, какъ тогда говорили. Посадъ не былъ окруженъ стѣной и во время вражескихъ нашествій дѣлался добычей враговъ. Жители его раньше спѣшили укрыться въ Кремль.

Москва была деревяннымъ городомъ, какъ и всѣ старыя русскіе города. Камень достать здѣсь было нелегко, да и строить изъ него не умѣли. Лѣса было вездѣ кругомъ довольно. И посадъ, и самый Кремль были полны простыхъ бревенчатыхъ избушекъ, разстеленныхъ какъ попало, безъ всякаго порядка. Не было прямыхъ улицъ; избы стояли кривы и вкось.

Такова была деревянная Москва. Только стѣны московскаго Кремля были сложены изъ камня, да и въ камня же были кремлевскіе соборы. Остальная Москва оставалась деревяннымъ городомъ. Понятно, что всякій пожаръ былъ для нея страшнѣе: занималось въ одномъ углу, а выгоралъ цѣлый городъ. Дворы сгорали тысячами. Но лѣсу кругомъ было много, и на мѣстѣ сгорѣвшихъ дворовъ вырастали новыя ихъ тысячи.

Усиленіе Москвы.

Москва была стольнымъ городомъ князей московскихъ, столицей московскаго княжества. Невелико было вначалѣ это княжество. Первымъ князьямъ московскимъ принадлежала не вся даже нынѣшняя московская губернія, — всего нѣсколько ея уѣздовъ. Серпуховъ, Коломна были уже за московскою границей, принадлежали другимъ князьямъ. Такъ же малы были владѣнія и другихъ князей. Между князьями не

было согласія. Немудрено, что татарамъ такъ легко удалось завоевать всѣ эти мелкіе удѣлы.

Понемногу это все стало мѣняться. Одно княжество усиливалось и возвышалось надъ другими. Это было княжество московское. Оно было богаче и людьми и деньгами. Много людей спасалось сюда отъ татаръ изъ другихъ княжествъ: соединя земли отдѣляли Москву отъ татаръ, и татары въ Москву не всегда заходили. Кромѣ того, тутъ выгодно было торговать. Товары возили по рѣкамъ Москвѣ, Ока и Волгѣ. Въ Москву стекались большія богатства. Богатѣли московскіе купцы, богатѣлъ и московскій князь. Онъ и самъ велъ торговлю, и съ другихъ купцовъ бралъ доходъ, поилину съ ихъ товаровъ. Къ богатымъ князьямъ московскимъ охотнѣ шли на службу военные люди, бояре. И церкви, и монастыри были богаче въ Москвѣ, чѣмъ въ другихъ удѣлахъ.

Усилившись и разбогатѣвъ, московскіе князья старались объ увеличеніи своего удѣла. Разными путями приобретали они земли: отбирали силой у однихъ князей, покупали за деньги у другихъ. Денегъ у московскихъ князей было много: и торговля давала барыши, и татарскій князь поручалъ московскому князю собирать для него дань съ русской земли. Московскій князь дань эту собиралъ, но не всегда отсылалъ ее въ орду къ хану. На эти деньги онъ покупалъ новые города и села.

Особенно усилилась Москва при князѣ Иванѣ I, прозванномъ Калитой (денежный мѣшокъ). Онъ купилъ у хана ярлыкъ на великое княженіе, сдѣлался старшимъ княземъ надъ остальными, получалъ и новое большое княжество—Владимирское. Къ великому князю въ Москву стали ѣздить и митрополиты. Святитель Петръ пріѣхалъ въ Москву подъ старость, здѣсь и умеръ. Его пріемники совсѣмъ здѣсь поселились, стали называться митрополитами московскими. Москва сдѣлалась церковною столицей.

Такъ постепенно росла и усиливалась Москва. Московскимъ князьямъ помогали въ этомъ московскіе бояре и духовенство. Бояре были совѣтниками князей, указывали имъ ихъ выгоды, руководили малолѣтними князьями. Въ малолѣтство внука Калиты, Дмитрія Донского, митрополитъ Алексій и бояре правили за чего государствомъ. Алексій и своей церков-

ной властью помогать князю Дмитрію. Во время борьбы его съ князьями рязанскимъ и нижегородскимъ, митрополитъ посылалъ святого Сергія въ Рязань и въ Нижній. Рязанскаго князя Сергія убѣдили, чтобы онъ подчинился князю Дмитрію. Нижегородскій князь не хотѣлъ подчиниться. Тогда Сергій заперъ въ Нижнемъ на ключъ всѣ церкви, запретилъ служить церковныя службы, совершать требы, крестить, вѣнчать, хоронить и т. д. Тяжело это было для всѣхъ нижегородцевъ. Пришлось нижегородскому князю подчиниться, признать силу Москвы, и преп. Сергій снова отперъ церкви.

Такъ помогали Дмитрію Донскому два русскихъ святыхъ — Алексій митрополитъ и преподобный Сергій.

Куликовская битва.

Дмитрій Донской могъ уже рѣшиться на войну съ татарами. Онъ нѣсколько разъ воевалъ съ ними. Сначала русскіе терпѣли неудачи. Потомъ имъ все же удалось одержать побѣду. Эта побѣда была одержана на Куликовомъ полѣ, близъ рѣки Дона (въ нынѣшней Тульской губерніи), въ 1380 г.

На этотъ разъ на Москву пошелъ съ большимъ войскомъ ханъ Мамай. Московскій князь, услышавъ о нашествіи Мамай, не поѣхалъ въ орду умолять хана, какъ дѣлали прежніе князья, но собралъ большое войско. Подъ его знамена стали многие удѣльные князья со своими полками. Всего было русскихъ до 150 тысячъ. Съ этимъ войскомъ князь выступилъ на татаръ.

Отправляясь изъ Москвы въ походъ, московскій князь заѣхалъ въ Троицкій монастырь къ преподобному Сергію. Это былъ тогда еще бѣдный монастырь, съ бревенчатыми стѣнами и кельями: ризы были изъ простого холста, въ церкви служили при лучинѣ. Но велика была слава преподобнаго. Къ нему за благословеніемъ и поѣхалъ Дмитрій. Преподобный благословилъ его и все его войнство и далъ ему съ собой двухъ иноковъ Пересвѣта и Ослабю. Съ этими иноками и со всѣмъ своимъ войскомъ Дмитрій пошелъ въ походъ. Переправившись черезъ Донъ, русскіе полки стали на Куликовомъ полѣ. 8 сентября произошла битва.

Современники рассказывали объ этой битвѣ, что кровь лилась тогда на цѣлыхъ десяти верстахъ, — такъ велики были

оба войска. Лошади не могли ступать по трущамъ, — столько ихъ было всюду. Ратники гибли подъ конскими копытами, задыхались отъ тѣсноты. Пѣшая русская рать уже лежала, какъ окопленное сѣно; татары начали одолевать. Но изъ засады вышли свѣжіе полки серпуховского князя. Это рѣшило битву. Татары бѣжали, русскіе гнались за ними и овладѣли всѣми ихъ станомъ.

Вернувшись съ погони, серпуховскій князь велѣлъ трубить въ трубы. Всѣ, кто былъ въ живыхъ, собрались на зовъ; князя Дмитрія не было между ними. Стали его искать и нашли подъ вѣтвями срубленнаго дерева, лежащаго безъ чувствъ. Что касается Пересвѣта и Ослаби, то они оба погибли въ бою. Дмитрій за побѣду получилъ названіе Донского.

Побѣда была одержана, но убитыхъ и съ русской стороны было много. Уцѣлѣло всего 40 тысячъ человекъ. «Была на Руси радость великая, — говорится въ лѣтописи, — но была и печаль великая по убитымъ отъ Мамаи на Дону. Обѣдѣла совершенно вся земля русская воеводами и всякимъ воинствомъ, и большой страхъ былъ отъ этого по всей землѣ русской».

Это была первая побѣда русскихъ надъ татарами. Татарское иго послѣ этого не кончилось: русская земля еще сто лѣтъ оставалась подъ татарской властью. Татары приходили и къ самой Москвѣ, угоняли множество плѣнныхъ и самый городъ обращали въ пепель. Но русскіе все-таки показали на Куликовомъ полѣ, что могутъ уже разбивать татаръ.

Конецъ татарскаго ига.

Черезъ сто лѣтъ послѣ Куликовской битвы, Московское государство успѣло еще вырасти и усилиться. Почти всѣ удѣльные князья подчинились князьямъ московскимъ. На мѣсть множества мелкихъ удѣльныхъ княжествъ выросло новое большое Московское государство. Выше всѣхъ стали на Руси собиратели земли русской, князья московскіе.

Въ то время, какъ русская земля соединилась въ однѣхъ рукахъ, Золотая Орда, напротивъ, распадалась. Отъ нея отдѣлились три большихъ царства: Казань, Астрахань и Крымъ. Но ханъ Золотой Орды, Ахмать, по-старому хотѣлъ владѣть Москвою и требовалъ себѣ старой дани. Московскій князь

Иванъ III чувствовалъ себя сильнѣе прежнихъ государей и отказался платить хану дань. Изъ-за этого началась война.

Ахмать собралъ громадное войско и съ цѣлою арміею пошелъ въ русскіе предѣлы. Онъ сталъ на рѣкѣ Угрѣ, совсѣмъ близко отъ Москвы, — всего на одинъ день пути. Московскій великій князь съ большимъ войскомъ вышелъ къ нему навстрѣчу. Русскіе и татары стояли другъ противъ друга, ихъ раздѣляла рѣка Угра; но на этотъ разъ до сраженія не дошло. Ханъ ждалъ къ себѣ на подмогу польскаго короля; король не пришелъ, и Ахмать ушелъ обратно къ себѣ за Донъ.

Это было послѣднее нашествіе хана Золотой Орды. Черезъ 20 лѣтъ сама Золотая Орда была разрушена крымскими татарами. Такъ кончилось татарское иго. Два съ половиной вѣка тяготѣло оно надъ русской землей.

Иго кончилось, но отъ времени татарскаго владычества остались на Руси многіе слѣды. Въ Москвѣ есть улицы и переулки, напоминающіе о татарахъ. Татарская улица, Ордынка и другія. Остались слѣды татарщины и въ русскомъ языкѣ. Есть не мало словъ, которыя всѣ мы считаемъ русскими, а на самомъ дѣлѣ это слова татарскія; мы получили ихъ отъ татаръ въ наслѣдство. Таковы, напримѣръ, слова: алтынъ, башмакъ, деньги, кабакъ, кулакъ, лошадь, топоръ, тулупъ. Даже слова: бати, батюшка — слова татарскія.

Конецъ Великаго Новгорода.

Московскимъ князьямъ давно хотѣлось забрать въ свои руки богатый новгородскій край. Но для этого надо было одолѣть Великій Новгородъ. Долго это имъ не удавалось. Наконецъ, Москва сдѣлалась сильнѣе Новгорода. Московскій великій князь Иванъ III былъ уже могущественнымъ государемъ, и ему легко было завладѣть новгородскою землей. Великому Новгороду грозилъ конецъ.

Новгородскіе кушцы и бояре не хотѣли отдавать Москвѣ свои владѣнія. Но они видѣли, что съ Иваномъ III имъ однимъ не справиться: у московскаго князя — большое, хорошее войско, привычное къ военному дѣлу; а новгородцы — плохіе воины: это люди мирные, народъ ремесленный и торговый. Поэтому они обратились за помощію къ сосѣду, польскому королю; за эту помощь они обѣщали отдаться ему подъ

власть, признать его своимъ государемъ. Польскій король обѣщаль помочь.

Иванъ III, узнавъ объ этомъ, счелъ это измѣной, и пошелъ на Новгородъ войной. Новгородцамъ пришлось худо; польскій король ничего для нихъ не сдѣлалъ; и самъ не пришелъ и помощи не прислалъ. Купцамъ и боярамъ новгородскимъ пришлось своими силами воевать съ Москвой. Наскоро собрали они большее войско, выгнали на войну всѣхъ, кого нашли,—плотниковъ, гончаровъ и другихъ ремесленниковъ, которые отъ роду и на лошади не саживались; это не хотѣли идти, тѣхъ грабили, били, бросали въ рѣку. Такъ набрали 40 тысячъ человекъ. Посадникъ Борецкій повелъ ихъ навстрѣчу московскимъ полкамъ.

У московскаго князя войска было гораздо меньше, всего 4 тысячи,—но войско это было лучше устроено и привычно къ бою. Иванъ III безъ труда разбилъ новгородцевъ, и подступилъ къ самому Новгороду. Новгородцамъ пришлось сдаться. Они должны были обѣщать, что не будутъ больше посылать къ польскому королю, звать его на помощь; сверхъ того, они должны были заплатить Москвѣ большія деньги. Посадникъ Борецкій былъ взятъ въ плѣнъ и казненъ. Съ торжествомъ вернулся въ Москву Иванъ III.

Но борьба этимъ не кончилась. Иванъ III хотѣлъ править Новгородомъ такъ же, какъ Москвой,—безъ посадника и безъ вѣча. Новгородцы не хотѣли этому подчиняться. Особенно возставала противъ этого вдова посадника, боярыня Марфа Борецкая. Она больше всѣхъ хлопотала о сохраненіи новгородскихъ вольностей.

Изъ-за этого снова началась война. Иванъ III собралъ полки, и второй разъ явился къ стѣнамъ Новгорода. 6 недѣль защищались новгородцы, но потомъ имъ все-таки пришлось сдаться.

На этотъ разъ московскій великій князь сурово наказалъ новгородцевъ. Марфу посадницу заковали въ цѣпи, посадили въ телегу и увезли далеко, въ ссылку. Половину новгородскихъ кущовъ и бояръ, сослали тоже въ разные города, и на ихъ мѣсто прислали новыхъ жителей. Вѣчу новгородскому не велѣли больше собираться. И самый вѣчевой колоколъ былъ снятъ и отправленъ изъ Новгорода въ Москву. На пѣвѣстной картинѣ К. Лебедева изображена площадь въ Новгородѣ. Пло-

щадь полна народа. Но это не вѣче. Новгородцы, связанные по рукамъ и по ногамъ, приготовлены къ отправкѣ. Вотъ съ-дой старикъ съ веревкою на ногахъ; вотъ молодой новгородскій кущъ или боярыня, лежитъ, вытянувшись на спинѣ; московскій воишь въ племѣ держитъ его, чтобы онъ не вырвался, — а кузнецъ локтями ударами молота заклепываетъ ноги его въ колодку. Вѣчевой колоколъ, снятый съ башни, стоитъ уже привязанный, на телегѣ, и лошади готовы, чтобы увезти его далеко въ Москву. А вотъ стоитъ гордая, нешочкорная боярыня, Марфа посадница, и ждет своей участи.

Такъ кончились вольные дни Великаго Новгорода. Онъ покорился московскимъ государямъ. И всѣ владѣнія Новгорода,—весь сѣверный край, съ его звѣремъ и рыбой,—достался московскимъ людямъ.

Москва и Европа.

Такъ росло Московское государство. Оно было уже велико при Иванѣ III. При сынѣ его Василіи III оно стало громадною страной. Всѣ земли отъ Оки до Бѣлаго моря и отъ Чудскаго озера до Уральскихъ горъ принадлежали московскимъ государямъ. Это была уже цѣлая половина нынѣшней Европейской Россіи.

Но древняя Москва не славилась своимъ просвѣщеніемъ. Блжженныхъ людей было въ ней мало. И новгородцы и владимирцы были ученѣе москвичей. Въ Москвѣ даже князья не знали грамоты: Дмитрій Донской «книгамъ не очень былъ ученъ», а его внукъ совсѣмъ не былъ грамотенъ. Архіереи жаловались, что имъ некого ставить въ священники,—нѣтъ совсѣмъ грамотныхъ людей.

Понемногу Москва богатѣла и усиливалась. Князья укрѣпляли ее стѣнами и башнями, украшали дворцами и храмами. Для этого нужны были хорошіе мастера, какихъ въ Москвѣ не было. Мастеровъ стали выписывать изъ другихъ мѣстъ: изъ Новгорода, изъ Владиміра, а потомъ—и изъ Западной Европы.

При Иванѣ III начали перестраивать заново Успенскій соборъ. Нанимали московскихъ мастеровъ, но они такъ строили, что вся постройка рухнула. Тогда Иванъ III выписалъ мастеровъ изъ Италіи. Италія славилась своими строителями по

всей Европѣ. Итальянскіе мастера выстроили Успенскій и Архангельскій соборы, выстроили Грановитую палату, возвели кругомъ Кремля новыя каменныя стѣны съ башнями. Кремлевскія башни и Грановитая палата были выстроены по новому, какъ тогда строили въ Италіи.

Иванъ III выписалъ изъ Европы и другихъ иноземцевъ — мастеровъ, умѣющихъ добывать руду, выдѣлывать оружіе, лить пушки, чеканить монету. Появились въ Москвѣ и два чѣмца-врача. Стали переводить на русскій языкъ нѣмецкія книги. Русскіе люди знакомились съ западной наукой.

Стали мѣняться и обычаи при дворѣ московскихъ государей. Иванъ III былъ женатъ два раза. Во второй разъ онъ женился не на русской княжнѣ или боярышнѣ, какъ дѣлали прежніе князья, а взялъ себѣ въ жены иноземку; греческую царевну Софью. Софья пріѣхала въ Москву съ цѣлой свитой иноземцевъ, грековъ и итальянцевъ.

Софья привыкла къ роскоши и богатству греческаго двора и хотѣла, чтобы и въ Москвѣ все было, какъ у грековъ въ Царьградѣ. Вся жизнь при московскомъ дворѣ пошла теперь совсѣмъ иначе. Изъ Греціи былъ присланъ новый тронъ, сдѣланный изъ слоновой кости. Оттуда же прислали царскую шапку, — шапку Мономаха. И гербъ Иванъ III взялъ себѣ новый, греческій: вмѣсто стараго Георгія Побѣдоносца — двуглаваго орла. Въ торжественныхъ случаяхъ Иванъ III одѣвался въ богатое платье, бархатное или атласное, съ соболями или горностаями. Все это было ново, все это было взято съ Запада.

Въ Москву стали пріѣзжать иноземные послы. Ихъ принимали въ Москвѣ съ особой торжественностью. Бояре встрѣчали ихъ передъ Москвой и при этомъ старались сдѣлать такъ, чтобы не снять шляпы раньше иноземнаго посла и этимъ не нанести обиды чести своего государя. Также старались не слѣзть раньше посла съ коня, не вылѣзть первымъ предъ нимъ изъ колымаги. Къ крыльцу государя послы должны были подходить нѣшкомъ, лошадей оставляли за воротами.

Государь принималъ ихъ въ своей палатѣ, въ парадномъ одѣяніи, сидя на тронѣ. Пословъ допускали къ государевой рукѣ. Но послы были люди иной вѣры. Послѣ того, какъ они

цѣловали государю руку, государь тутъ же мылъ ее; ему подавали рукомышникъ, тазъ и полотенце.

Когда послы изъ дворца возвращались къ себѣ, на посольскій дворъ, или просто проходили по городу, за ними толпами ходили любопытные, смѣясь надъ ними и дивясь ихъ виду. Такія же толпы народа ходили и за русскими послами, когда они попадали въ западныя страны. Иноземцы смѣялись надъ русскими длинными и широкими одеждами, надъ высокими мѣховыми шапками, надъ ихъ неуклюжими движеніями.

Время царя Ивана Грознаго.

Первый царь.

Первымъ царемъ русскимъ былъ Иванъ Васильевичъ IV, сынъ Василія III. До него русскіе государи назывались великими князьями. Иванъ IV первый принялъ новый титулъ царя.

Иванъ IV остался послѣ своего отца малолѣтнимъ; ему не было тогда и двухъ лѣтъ. За него правила его мать, княгиня Елена Глинская. Черезъ 5 лѣтъ умерла и мать, и правителями сдѣлались бояре. Они же должны были и воспитывать юнаго государя. Главные бояре были князья Шуйскіе да Вѣльскіе, прежніе удѣльные князья.

Тяжелое это было время для Ивана. Бояре воспользовались его малолѣтствомъ, чтобы самимъ усиливаться и разбогатѣть, а съ юнымъ Иваномъ обращались безъ всякаго почтенія, часто даже оскорбляли его. Иванъ съ братомъ играли обыкновенно въ горницы, гдѣ стояла постель ихъ покойнаго отца, прежняго государя. Одинъ изъ бояръ, князь Шуйскій, пріѣдя въ горницу, сѣлся въ ихъ присутствіи на лавку, оперлся локтемъ на постель и даже клалъ на нее свою ногу. Это очень обижало юнаго Ивана. Въ другой разъ дошло до того, что въ присутствіи государя бояре набросились на его любимца Воронцова, били его по щекамъ, изодрали на немъ платье и едва не убили. Такъ же едва не убили старика митрополита. Бояре хотѣли его смѣнить, чтобы посадить на его

мѣсто другого. Бояре вломивсь во дворець, искали его по зомъ дворцѣ. Бояре вломивсь во дворець, искали его по всеѣмъ покоямъ, нашли въ государевой спальнѣ и выгнали оттуда; и все это на глазахъ у Ивана. Самъ Иванъ позднѣе жаловался, что бояре плохо обращались съ нимъ: «Кормили насъ съ братомъ, какъ чужеземцевъ или какъ холоповъ (рабовъ). Чего не натерѣлись мы въ пищу и въ одѣждѣ».

Такъ обижали его бояре. Въ другихъ случаяхъ, когда юный Иванъ дѣлалъ что-нибудь дурное, бояре не останавливали его, но даже хвалили его за это. Они потакали его жестокости. Когда сталъ онъ приходить въ возрастъ, лѣтъ около 12, то началъ проливать кровь безсловесныхъ животныхъ, бросалъ ихъ съ крыльца или съ высокаго терема; и бояре его хвалили. Потомъ началъ онъ и надъ людьми тѣниться. Собралъ онъ около себя молодыхъ юношей и скакалъ съ ними на коняхъ по улицамъ и рынкамъ, билъ и грабилъ простыхъ людей, мужчинъ и женщинъ и много дѣлалъ другого зла. Все это приучало его къ жестокости. На 13-мъ году онъ разнѣвался на одного изъ своихъ бояръ и велѣлъ его отзѣть собакамъ. Собаки растерзали боярина въ клочки.

Такъ прошла молодость Ивана. Когда онъ выросъ, насталъ конецъ боярской волѣ. Бояре не могли уже дѣлать все по-своему. Иванъ могъ теперь обойтись безъ нихъ. Онъ объявилъ себя совершеннолѣтнимъ (ему минуло 16 лѣтъ), женился на боярыниѣ Анастаси Романовой и вѣнчался торжественно на царство. Это было первое царское вѣнчаніе, первая коронація въ Москвѣ. Послѣ этого онъ приблизилъ къ себѣ новыхъ совѣтниковъ по-боярскаго званія: простаго человека Машева и священника Сильвестра. Съ ними онъ и вѣдалъ все дѣла.

Царствовалъ царь Иванъ долго, больше 40 лѣтъ. За это время онъ велъ много войнъ, завоевалъ большія земли. У татаръ онъ отнялъ Казань и Астрахань; вся Волга стала русскою рѣкой. 24 года воевалъ онъ на Западѣ съ нѣмцами, поляками и шведами, чтобы получить земли на Балтійскомъ морѣ, но это ему не удалось; онъ потерялъ даже и тѣ города, какіе здѣсь имѣлъ. Зато подъ конецъ царствованія казаки завоевали ему Сибирь.

Для этихъ войнъ царю Ивану надо было устраивать войско, набирать людей на службу, награждать ихъ деньгами и

землями. Обо всемъ этомъ думалъ царь Иванъ. Русскіе люди говорили, что много хорошаго сдѣлалъ царь Иванъ: «Воинство очень любить и все нужное воинамъ давалъ». Но не любилъ его бояре: съ ними царь Иванъ все свое царствованіе велъ борьбу, отбиралъ у нихъ земли, казнилъ ихъ самихъ. За все это получилъ онъ названіе Грознаго.

Торговля и города.

При царѣ Иванѣ на Руси были большія перемѣны. Выросли большіе торговые города; бойчѣе прежняго шла въ нихъ торговля. Въ это же время пріѣхали на Русь торговые люди—англичане. Во время морского плаванія одинъ изъ ихъ кораблей занесло бурей въ Бѣлое море. Началась торговля съ Англіей. Англичане покупали у русскихъ мѣха, кожи, сало, щетину, пеньку, ленъ, воскъ и медь; русскіе добывали все это въ своей странѣ, или сами покупали у татаръ и финновъ. Англичане привозили на Русь издѣлія своихъ фабрикъ, сукна, оружіе и т. п. Англійскіе купцы считали эту торговлю для себя очень выгодной, очень ею дорожили.

Въ русскихъ городахъ вырастали лавки и гостинные дворы. Вырастали и сами города. Всего было 200 городовъ. Важнѣе и богаче другихъ были Новгородъ, Вологда, Архангельскъ, Нижній, Москва. Въ Новгородѣ пріѣзжали нѣмецкіе купцы. Черезъ Вологду и Архангельскъ шла доорга къ Бѣлому морю, по которой вѣзали англійскіе купцы. Нижній велъ большую торговлю по Волгѣ. Здѣсь каждый годъ устраивались ярмарки; такія ярмарки устраиваются въ Нижнемъ и теперь. Къ Москвѣ вели съ разныхъ сторонъ семь дорогъ, и по одной изъ нихъ, Ярославской, каждый день вѣзжало въ городъ 800 возовъ съ хлѣбомъ.

Особенно выросла Москва, московскій посадъ. Онъ состоялъ теперь изъ трехъ частей: Китай-города, Бѣлаго города и Земляного. Здѣсь были тысячи лавокъ, гостинные дворы и слободы, населенныя рабочимъ людомъ: гончарами, каменщиками, ямщиками, хамовниками (ткачами), мясниками, поварами и другими. Воспоминаніе объ этихъ слободахъ сохранилось въ названіяхъ московскихъ улицъ. Есть улицы: Кузнецкій Мостъ, Мясницкая, Тверская-Ямская, Поварская; есть цѣлыя городскія части, носящія названія: Каменщики, Хамовники, и т. под.

Китай-городъ и Бѣлый городъ были окружены для защиты отъ враговъ каменными стѣнами съ башнями и воротами, а Земляной городъ—валомъ съ частоколомъ. Стѣны Китай-города стоятъ и донынѣ; а отъ укрѣпленій Бѣлаго Города и Земляного остались одни названія: Арбатскія ворота, Никитскія ворота, улица Земляной валь и т. п. Ни вала, ни воротъ тамъ уже давно нѣтъ.

Но въ тѣ времена, четыреста лѣтъ назадъ, и этихъ стѣнъ и укрѣпленій казалось еще мало. Москву защищали еще монастыри. Монастыри были настоящими крѣпостями, съ высокими стѣнами, воротами, башнями; таковы были монастыри Донской, Даниловъ, Новодѣвичій, Симоновъ. У нѣкоторыхъ изъ нихъ и до сихъ поръ сохранились крѣпостныя стѣны.

Первая типографія.

При Иванѣ IV въ Москвѣ была устроена первая на Руси типографія. На Западѣ, у нѣмцевъ, книги давно уже печатались на станкахъ; теперь и въ Москвѣ стали печатать книги.

Первымъ русскимъ типографомъ, книгопечатникомъ, былъ московскій диаконъ Иванъ Федоровъ.

Печатному дѣлу онъ научился у нѣмцевъ, жившихъ въ Москвѣ. Онъ охотно ходилъ къ этимъ нѣмцамъ, бесѣдовалъ съ ними о западной Европѣ, о томъ, какъ живутъ тамъ люди; нѣмцы рассказывали ему, что тамъ уже давно заведены печатныя станки и подвижныя буквы, книгъ печатается множество, книги дешевы и всякому доступны. Федорову хотѣлось самому научиться этому дѣлу. Онъ подробно разспрашивалъ у нѣмцевъ про печатныя книги, буквы, станки. Потомъ, придя домой, по ночамъ, при лучинѣ, учился дѣлать первыя свои буквы.

Узнавъ, что царь какъ-разъ ищетъ печатника, друкари, Федоровъ отправился во дворецъ. Царь разспрашивалъ его, смотрѣлъ буквы, и велѣлъ устроить въ Москвѣ первый печатный дворъ. Дворъ этотъ строили на Никольской. Царь не жалѣлъ для этого дѣла денегъ, и говорилъ Федорову: «Не жалѣй казны, много ея у московскаго государя».

Когда печатный дворъ былъ готовъ, Федоровъ съ товарищемъ своимъ Метиславцемъ поставили свои станки и принялись за дѣло. Первая книга, которую они напечатали, была

Апостоль. За нею стали выходить и другія книги. Новыя книги стоили дешевле старыхъ, рукописныхъ. Ихъ можно было печатать сразу по нѣсколько тысячъ.

Но первая русская типографія скоро погибла. Московскіе люди не могли понять, какъ это машина пишетъ книги, думали, что это — бѣсовская затѣя. Бѣсовскую затѣю надо было уничтожить. Они подложили подъ нее огонь, и вся типографія сгорѣла. Федоровъ и Метиславецъ должны были спастись бѣгствомъ.

Позднѣе снова стали строить типографіи и печатать книги, печатное дѣло возобновилось. А первому книгопечатнику Ивану Федорову въ Москвѣ недавно поставленъ памятникъ. Федоровъ изображенъ съ печатной доской въ рукахъ. Онъ разсматриваетъ свою работу.

Печатаютъ книги такъ. Изъ свинца отливаютъ небольшіе столбики; на концахъ ихъ вырѣзаютъ буквы. Такихъ столбиковъ съ буквами дѣлаютъ тысячи, такъ что выходитъ нѣсколько сотъ буквы «А», нѣсколько сотъ буквы «Б» и т. д. Изъ этихъ столбиковъ съ буквами составляются слова, изъ словъ — строчки, а изъ строчекъ — цѣлыя страницы. Такихъ страницъ набираютъ столько, сколько ихъ потребуется для книги. Послѣ этого буквы намазываютъ черной краской, и накладываютъ на нихъ листы бѣлой бумаги. На каждый листъ отпечатываются всѣ тѣ буквы, которыя набраны. Такихъ отпечатковъ на бумагѣ можно получить, сколько угодно. Каждую книгу легко и быстро можно отпечатать сотни и тысячи разъ.

Назань и Астрахань.

Царю Ивану приходилось много воевать съ татарами. Въ самомъ началѣ своего царствованія ему пришлось воевать съ Казанью. Золотой Орды уже не было, но казанскіе татары то и дѣло вторгались въ русскую землю, разоряли страну, угоняли множество плѣнныхъ. Плѣнныхъ казанцы продавали въ рабство. Одинъ разъ подсчитали, сколько русскихъ находится въ плѣну въ Казани. Ихъ оказалось больше 60 тысячъ.

Взять Казань было нелегко. Это была сильная крѣпость, съ бревенчатыми стѣнами въ 3 сажени толщины, съ 17 высокими башнями, съ пушками. Царь Иванъ подошелъ къ Казани съ большимъ войскомъ. Шесть недѣль осаждалъ онъ Казань

— и не могъ взять ее. Наконецъ, онъ подвелъ подъ городъ подкопъ, въ подкопъ заложилъ бочки съ порохомъ, и взорвалъ стѣны казанскія на воздухъ. Только такъ удалось ему взять Казань.

Вскорѣ послѣ этого была взята Астрахань. Вся Волга была теперь въ русскихъ рукахъ. Въ память взятія Казани въ Москвѣ на Красной площади былъ выстроенъ новый соборъ, Покровский (Василій Блаженный).

Борьба съ Крымскими татарами.

Казань была больше не страшна. Но у русскихъ были другіе враги — крымскіе татары. Съ ними приходилось еще долго воевать русскимъ людямъ. Каждый годъ дѣлали они свои набѣги, а иной годъ и по два раза. Положить конецъ ихъ набѣгамъ никакъ не удавалось.

Несмѣтная полчища татаръ двигались черезъ степь по своимъ путямъ, которые такъ и назывались татарскими путями. Они двигались лопчинами, чтобъ не быть замѣченными, и по ночамъ не разводили огня. У каждого татарина было по двѣ запасныхъ лошади; когда въ пути одна лошадь утомлялась, татаринъ перескакивалъ на другую и скакалъ дальше, держа первую лошадь въ поводу. Этихъ же лошадей онъ навьючивалъ потомъ добычей. Питались татары во время набѣговъ кониной, — для этого служили имъ тѣ же лошади, — а лошади питались травой, корой и древесными вѣтвями. Татарамъ можно было не брать съ собой обоза, припасовъ. Они могли скакать налегкѣ, съ лукомъ, стрѣлами и саблѣй, да съ пучкомъ ремешныхъ веревокъ, чтобы вязать плѣнныхъ.

Множество плѣнныхъ уводили крымцы со своихъ набѣговъ. Ихъ они продавали въ рабство. Плѣннымъ клеймили лобъ и щеки, и выводили ихъ на рынокъ гуськомъ, прикованныхъ другъ къ другу. Покупщики осматривали товаръ, смотрѣли людямъ въ зубы, какъ лошадямъ, и увозили ихъ въ чужія страны, въ Азію и Африку. Такихъ рабовъ было въ Крыму во всякое время для продажи тысячъ 30. Изъ одного русскаго набѣга крымцы вывели 150 тысячъ плѣнныхъ.

Если крымцы не шли въ набѣгъ, то требовали себѣ даровъ, данн. «А если не придутъ дары къ намъ всю зиму», — писали они московскому государю, — «то мы весной сами

искать пойдемъ, и если найдемъ, то ты ужъ потомъ не гнѣвайся». Приходилось посылать имъ то мѣховъ, то суконовъ, то серебряныхъ чаръ съ ковшами.

Послѣ взятія Казани и Астрахани, крымскій ханъ приходилъ къ самой Москвѣ. Татары сожгли весь посадь; уцѣлѣлъ только Кремль. Самому царю Ивану крымскій ханъ писалъ: «Жгу и пустошу все изъ-за Казани и Астрахани». Царь Иванъ думалъ завоевать и Крымъ, но это ему не удалось.

*Строеніе городовъ.

Для защиты русской земли отъ татаръ московскіе государи посылали каждый годъ полки на Оку, на югъ. За Оку, въ степь посылались сторожевые разбѣды. На дубахъ сидѣли сторожа, и смотрѣли въ даль: не видать ли пыли, не слышать ли конскаго ржанья или стука копытъ. Если появлялись шалаи татары, сторожа скакали отъ дуба къ дубу, передавая вѣсть, и зажигали на холмахъ костры: это былъ знакъ, что идутъ татары.

За Окой, въ степи, строили крѣпости. Отъ крѣпости до крѣпости насыпали валы, рубили и наваливали дѣсь, разставляли ратныхъ людей, съ ружьями и пушками. Такъ выросло много городовъ, и заселилась русскими людьми пустая степь. Среди этихъ крѣпостей были Орелъ и Тула, Курскъ и Воронежъ и многія другія. Такія же крѣпости строились и по Волгѣ: тамъ тоже близко были татары. Тутъ выросли города Самара, Саратовъ, Царицынъ.

Когда надо было строить новый городъ, царь посылалъ для этого дѣла своихъ воеводъ съ ратными людьми. Ратныхъ людей набирали съ разныхъ старыхъ городовъ, гдѣ 100 человекъ, гдѣ 150 съ ружьями и пушками. Съ ними ѣхали мастера, умѣвшіе строить города, плотники, кузнецы и другіе. Ѣхали пушкарни, умѣвшіе стрѣлять изъ пушекъ. Всѣхъ было человекъ 300 или 400. Они брали съ собой всякаго запасу, нужнаго для постройки города: заступовъ, канатовъ, криковъ желѣзныхъ, топоровъ, фонарей, свѣчей салныхъ, брали и пороху, и пуль, и адеръ, и иныхъ ружейныхъ и пушечныхъ запасовъ. Для прокорму всѣмъ этимъ людямъ брали сухарей, крупъ и муки ржаной и т. д. Все это привозили изъ сосѣднихъ мѣстъ. Шли въ походъ и церковные люди: священники, диа-

коны, дьячки съ ризами, книгами, иконами и ладаномъ и колоколами. Въ новой крѣпости ставилась и церковь.

Снарядившись и собравшись въ путь, воевода грузилъ пушки и припасы на суда, сажалъ на суда всю цѣлую рать и пускалъ ихъ плыть по рѣкѣ, а самъ съ конными людьми шелъ берегомъ подлѣ судовъ. Дорога шла по степи, гдѣ каждый день можно было ждать татаръ. Царь приказывалъ воеводѣ идти осторожно, чтобы не напали врасплохъ татары. Особенно надо было беречься ночью, когда врагу легче въ темнотѣ подкрасться. Надо было беречься, и придя на мѣсто, обо всемъ, что случится, воевода долженъ былъ писать царю.

Придя на мѣсто, надо было приступить къ работѣ. Городъ надо было строить наспѣхъ, въ короткій срокъ. Работа кипѣла, и въ три мѣсяца поспѣвала новый городъ. У него не всегда были каменные стѣны; чаще онъ былъ обнесенъ бревенчатой стѣной, но довольно толстой и высокой. Мѣстами ставили два или три бревенчатыхъ сруба другъ на друга, и сверху покрывали острой кровлей. Это была башня. На ея вышку ставили сторожей, чтобы слѣдить за стѣной. Были города, окруженные и каменными стѣнами, но такихъ было немного.

Такъ защищалась русская земля отъ набѣговъ татаръ изъ Крыма.

Служилые люди.

I.

Московскимъ людямъ то и дѣло приходилось воевать.

Для войны нужно было большое войско. Устроить такое войско старались всѣ московскіе государи. Они набирали людей на службу, брали ихъ стовсюду, и изъ бояръ, и изъ купцовъ, и изъ поповичей, и изъ рабовъ-холоповъ. Брали и нѣмцевъ, и татаръ. Всѣ они обязаны были служить въ войскѣ, защищать русскую землю отъ враговъ.

На службу они являлись со своимъ оружіемъ и конемъ, и съ двумя или тремя людьми изъ своихъ слугъ. Слуги были такъ же на коняхъ и съ оружіемъ. Одинъ изъ нихъ везъ нужные пожитки и припасы: хлѣбъ и сухари, соленое мясо и соль, а для лошадей — овесъ.

Оружіе было разное: за плечами лукъ и стрѣлы, съ боку сабля. Для защиты отъ вражескихъ ударовъ, воины надѣвали латы—платье изъ желѣзныхъ дощечекъ, или кольчугу—изъ стальныхъ колецъ, на голову шлемъ съ забраломъ, или съткой на лицо; руки и ноги также закрывались кольчатыми рукавами и стальными дощечками съ пряжками. Въ рукахъ у военного человѣка была нагайка, — ею онъ стегалъ коня.

Все это военный человѣкъ долженъ былъ имѣть свое: и коней, и слугъ, и оружіе, и припасы.

За то ему давали изъ казны жалованье, только не деньгами, а землей, помѣстьемъ. Служилый человѣкъ дѣлался помѣщикомъ, заводилъ свое хозяйство, получалъ доходы, и на эти доходы служилъ и снаряжался на войну.

Все почти войско состояло изъ помѣщиковъ и ихъ слугъ. Воеводами были знатные люди, боярскаго или княжескаго рода. Каждый годъ выѣзжали они въ походъ. Послѣ похода, когда война кончалась, все это войско распускали по домамъ: помѣщикамъ надо было ѣхать въ свои имѣнья хозяйничать. Это было неудобно: если врагъ напалъ внезапно, трудно было собрать полки.

Царь Иванъ IV завелъ поэтому новыя, постоянныя полки. Это была пѣхота, вооруженная пиками и ружьями. Называли ихъ стрѣльцами. Стрѣльцы были на постоянной службѣ. Въ мирное время они жили въ особыхъ стрѣлецкихъ слободахъ, ютъ городомъ, гдѣ служили. Тутъ они занимались мирнымъ дѣломъ: ремеслами, торговлей. Въ то же время ихъ обучали ратному дѣлу. Стрѣльцамъ давали изъ казны денежное жалованье.

Но стрѣльцовъ было немного. Главную часть войска составляли служилые люди, помѣщики.

II.

Каждый годъ эти полки пополнялись новыми служилыми людьми. Царь посылалъ своихъ бояръ съ дьяками — писцами — производить наборъ. Бояре и дьяки ѣздили по городамъ и созывали помѣщиковъ, поспѣвшихъ въ службу. Они являлись къ боярину на смотръ, и дьякъ записывалъ ихъ въ службу. Тутъ же надѣляли ихъ землей, помѣстьемъ.

Смотръ происходилъ на барскомъ дворѣ. Дворъ

окруженъ крѣпкой изгородью. Во дворѣ толпятся народъ. Стрѣльцы, съ топорами на плечахъ, поддерживаютъ порядокъ. Верхомъ на своихъ коняхъ явились служилые люди. Одни изъ нихъ просятъ боярина отставить ихъ по старости и увѣчью отъ службы, и даютъ за себя въ службу своихъ сыновей. Другіе просятъ прибавки къ своимъ помѣстьямъ. Третьи въ первый разъ явились, записываются на службу.

Записъ ведутъ прѣзжій бояринъ съ дьякомъ. Они сидятъ за столомъ. Дьякъ съ гусинымъ перомъ въ рукахъ составляетъ списки, вычеркиваетъ старыхъ и увѣчныхъ, выписываетъ новыхъ.

Такъ набиралось войско при царѣ Иванѣ.

Царь и Бояре.

Царь Иванъ все свое царствованіе вель борьбу съ боярами. Это были прежніе дружинники, вольные слуги князей. Среди нихъ были также князья, потомки прежнихъ князей удѣльныхъ. Всѣ они окружали московскаго государя и засѣдали въ его боярской думѣ. Въмѣстѣ съ нимъ государь рѣшалъ всѣ важныя дѣла, о войнѣ и мирѣ, о законахъ. На московской службѣ, въ полкахъ, бояре были воеводами.

Бояре хотѣли, чтобы московскій государь по-старому совѣтовался съ ними въ думѣ и слушался ихъ во всемъ. Но московскій государь былъ теперь много сильнѣе прежняго и не хотѣлъ больше слушаться бояръ. Изъ-за этого шла борьба у царя съ боярами. Эта борьба началась давно. Уже дѣдъ и отецъ царя Ивана не всегда совѣтовались съ боярами. Но всѣхъ больше боролся съ ними царь Иванъ.

Смолоду затаялъ онъ на нихъ обиду. Потому были еще новыя обиды. Вскорѣ послѣ взятія Казани, царь заболѣлъ, и всѣ думали, что онъ умретъ. Царь велѣлъ уже всѣмъ боярамъ присягать его наслѣднику—сыну. Но царскій сынъ былъ еще совсѣмъ младенецъ; бояре боялись, что въ его малолѣтство будутъ править всѣмъ его родные по матери, Романовы; бояре этого не хотѣли и не стали присягать младенцу. Царь Иванъ выздоровѣлъ и затаялъ новую обиду. Потому умерла жена царя Ивана, царица Анастасія. Стали говорить, что ее навели, отравили бояре. Наконецъ, уѣхалъ въ Польшу москов-

скій бояринъ князь Курбскій, опасаясь царскаго гнѣва (онъ проигралъ битву). Это была уже измѣна. Царь сталъ подозрѣвать въ измѣнѣ и другихъ бояръ. Онъ велѣлъ хватать и казнить всѣхъ бояръ, кто былъ другомъ Курбскаго. Въ Москвѣ начались тогда жестокия казни.

Курбскій изъ Польши прислалъ царю письмо, упрекалъ его за казни. Бояре, писалъ Курбскій, вѣрно служили царю, проливали за него свою кровь на войнѣ. Они помогли царю завоевать Казань и Астрахань. Царь писалъ Курбскому свои письма, обвинялъ его и другихъ бояръ въ измѣнѣ, говорилъ, что онъ воленъ казнить и милловать, кого захочетъ, что никто не смѣетъ ему указывать, что на то онъ и царь.

Такъ началась у царя Ивана борьба съ боярами.

Опричина.

Вскорѣ послѣ этого царь внезапно уѣхалъ изъ Москвы въ Александровскую Слободу (въ нынѣшней Владимирской губерніи). Черезъ мѣсяць онъ прислалъ въ Москву два письма, одно боярамъ, другое — остальнымъ московскимъ жителямъ, посадскимъ людямъ. Въ письмѣ къ боярамъ онъ писалъ, что ушелъ изъ Москвы и отказывается отъ царства, и все это изъ-за нихъ, бояръ, изъ-за ихъ измѣны. Они уже извели царицу, извели бы и самого царя. А митрополитъ и духовенство заступаются за измѣнниковъ бояръ. Поэтому и пришлось царю удалиться изъ Москвы, избрать себѣ новое жилище. Въ другомъ письмѣ, къ московскимъ посадскимъ людямъ, царь писалъ, что на нихъ онъ совсѣмъ не гнѣвается, что къ нимъ онъ милостивъ попрежнему.

Получивъ эти письма, московскіе люди заволновались. Тотчасъ же снарядили въ Александровскую Слободу посольство, просить царя, чтобы вернулся на царство. Царь согласился вернуться, но потребовалъ, чтобы ему не мѣшали казнить измѣнниковъ. Московскіе послы сказали, что мѣшать ему въ томъ не будутъ, и за измѣнниковъ сами не стоятъ. Тогда царь вернулся въ Москву на царство.

Послѣ этого для борьбы съ боярами царь набралъ себѣ новые полки служилыхъ людей, дворянъ; надо было надѣлать ихъ, какъ и другихъ служилыхъ людей, землей. Царь позволилъ имъ брать себѣ земли у бояръ; они могли сами отбирать

у нихъ земли, а бояръ высеять на другія мѣста. Много бояръ отъ этого разорились.

Новые дворяне назывались опричниками. Они одѣвались во все черное и ѣздили по всей землѣ, верхомъ на коняхъ, съ метлой и собачьей головой у сѣдла,—въ знакъ того, что они грызутъ измѣнниковъ и выметають изъ страны измѣну.

Учредивъ опричнину, царь Иванъ покинулъ кремлевскія хоромы, жилъ то въ Александровской Слободѣ, то въ новомъ дворцѣ, на Петровкѣ или на Воздвиженѣ. Новый царскій дворецъ былъ защищенъ, какъ крѣпость, окруженъ рвами и высокими стѣнами.

Въ Александровской Слободѣ выросъ цѣлый городокъ. Тутъ было много церквей, красивыхъ домовъ, каменныхъ лавокъ. Царскія хоромы были окружены рвомъ и валомъ и охранялись стражей. Въ самую Слободу не пускали никого безъ вѣдома царя.

Жизнь въ Александровской Слободѣ была похожа на монастырскую. Царь набралъ изъ опричниковъ 300 человекъ самыхъ вѣрныхъ, надѣлъ на нихъ черныя рясы и скуфы, или тафьи—высокія черныя шапки; подъ рясами на нихъ были шитыя золотомъ кафтаны съ собольей опушкой. Царь называлъ ихъ чернецами, монахами, а самого себя—ихъ игуменомъ. Съ этими опричниками-монахами онъ проводилъ свое время.

День въ Слободѣ начинался рано. Царь вставалъ въ полночь и становился на молитву. Въ четвертомъ часу утра онъ шелъ съ царевичами на колокольню звонить къ заутренѣ; вмѣстѣ съ ними шелъ любимый опричникъ царя, Малюта Скуратовъ. Всѣ опричники-монахи должны были идти во храмъ. Если кто не приходилъ, того царь наказывалъ—сажалъ въ тюрьму на недѣлю. Служба шла до 7 часовъ. Царь пѣлъ, молился, клалъ поклоны; отъ частыхъ земныхъ поклоновъ на лбу у него оставались слѣды. Въ 8 часовъ утра начиналась обѣда. Въ 10 часовъ шли къ трапезѣ. За трапезой всѣ пили-ѣли досыта; царь читалъ вслухъ церковныя книги и ѣлъ послѣднимъ. Послѣ обѣда царь бесѣдовалъ съ опричниками или шелъ смотреть, какъ на судѣ пытають. Послѣ этого онъ бывалъ добръе и ласковѣе. Въ 8 часовъ вечера была вечерня, а въ 9 часовъ царь шелъ спать. Три слѣща рассказывали ему на ночь сказки.

Время казней.

Время опричнины было временемъ жестокихъ и кровавыхъ казней. Царь Иванъ предавалъ казнямъ всѣхъ, кого только подозрѣвалъ въ измѣнѣ. Число казней увеличивали сами опричники. Они разъѣзжали по всей странѣ, грабили и убивали безнаказанно, кого хотѣли. Достаточно было сказать, что это измѣнникъ—и можно было дѣлать съ нимъ, что угодно. Такъ погибло множество народа. Вмѣстѣ съ боярами гибли и другіе люди.

Среди всего этого царь оставался очень богомольнымъ. Часто его охватывало раскаянье. Онъ поднимался ночью съ постели, поднималъ своихъ опричниковъ и шелъ съ ними въ церковь. Тамъ онъ велѣлъ служить службу и самъ усердно клалъ поклоны, молился со слезами и воплями. Потомъ опять принимался разыскивать и казнить измѣнниковъ. Списки своихъ казненныхъ онъ посылалъ въ монастыри для поминовенія. Въ одномъ такомъ спискѣ было больше 3.000 именъ.

Обличать царя за опричнину и казни рѣшился одинъ митрополитъ Филиппъ. Филиппъ былъ сначала игуменомъ въ Соловецкомъ монастырѣ, на Бѣломъ морѣ. Царь вызвалъ его оттуда, чтобы сдѣлать митрополитомъ. Филиппъ пріѣхалъ, но долго отказывался отъ высокаго сана, не хотѣлъ принимать его. Онъ убѣждалъ царя прекратить казни, уничтожить опричнину. «Оставь опричнину», — говорилъ онъ царю: — «иначе мнѣ быть въ митрополитахъ невозможно». Епископы онъ укорялъ, что они не обличаютъ царя, не говорятъ ему правды. Только съ трудомъ удалось царю убѣдить Филиппа, чтобы онъ сталъ митрополитомъ, и не вмѣшивался бы въ дѣла опричнины.

Сдѣлавшись митрополитомъ, Филиппъ продолжалъ свое дѣло. Онъ заступался передъ царемъ за людей опальныхъ, которымъ грозили пытки и казни. Царь говорилъ Филиппу: — «Не прекословь державѣ нашей, а не то мой гнѣвъ постигнетъ тебя; или оставь твой санъ». — «Я не просить тебя о санѣ», — отвѣчалъ Филиппъ: — «Зачѣмъ взять меня изъ пустыни?»

Все это очень раздражало противъ святителя и самого

наря, и его опричниковъ. Скоро дошло до открытыхъ столкновений. Однажды царь прѣхалъ въ Успенскій соборъ къ обѣднѣ, которую служилъ митрополитъ. вмѣстѣ съ царемъ вошла цѣлая толпа опричниковъ, всѣ въ черныхъ ризахъ и высокихъ шапкахъ, какъ у монаховъ. Самъ царь былъ одѣтъ такъ же. Когда кончилась обѣдня, царь подошелъ подъ благословеніе къ митрополиту. Филиппъ не далъ ему благословенія. Царь во второй и въ третій разъ просилъ благословить его, но святитель молчалъ. Бояре сказали ему: «Святой владыка, царь требуетъ благословенія отъ тебя». Тогда Филиппъ сказалъ царю:

— «Въ этомъ видѣ, въ этомъ одѣяніи не узнаю царя православнаго... Не узнаю его и въ дѣлахъ его. О, государь! Мы здѣсь служимъ Богу, а за алтаремъ льется невинная кровь христіанская. Съ тѣхъ поръ, какъ сіяетъ солнце на небѣ, не видано и не слышано, чтобы цари благочестивые такъ дѣлали. У татаръ и язычниковъ есть правда, въ одной Россіи ея нѣтъ. Вездѣ грабежи, вездѣ убійства, и все это совершается именемъ царя. Ты высокъ на тронѣ. Но есть Всевышній Судія, выше и твой. Какъ ты предстанешь на судъ его, обогранный кровью невинныхъ, оглушаемый ихъ воплемъ? Самые камни подъ ногами твоими вопіють о мести».

— «Филиппъ», — грозно сказала царь: — «Ты не смѣешь ваешь выше благоудіе, ты хочешь противиться нашей державѣ. Я щадила васъ, митрополитовъ; теперь я заставлю васъ раскаяться». — «Не могу повиноваться тебѣ больше, чѣмъ Богу», — отвѣчалъ Филиппъ. — «Буду стоять за истину, хотя бы пришлось принять и лютую смерть».

Потомъ вышло новое столкновение. Царь съ опричниками явился къ митрополитской службѣ въ Дѣвичій монастырь. Одинъ изъ опричниковъ во храмѣ надѣлъ шапку. Филиппъ это замѣтилъ и сказалъ царю: — «Развѣ прилично благочестивому держать басурманскій законъ?» — «Какъ? Что? Кто?» — закричалъ царь. — «Одинъ изъ ополченія твоего, изъ полка сатанинскаго, нарушаетъ законъ», — отвѣчалъ Филиппъ. — Опричникъ успѣлъ уже снять шапку, когда царь оглынулся на него; все было въ порядкѣ.

Дѣло кончилось для Филиппа судомъ. Судъ епископовъ, архіереевъ, осудилъ митрополита, лишилъ его сана и приговорилъ къ ссылке. Филиппъ служилъ обѣдню въ церкви, ко-

гда вопли въ храмъ опричники, и стали читать приговоръ. Святителя сейчасъ же разоблачили и отправили въ ссылку.

Его увезли на простыхъ дровняхъ, въ изодранной рясѣ, въ кандалахъ. Опричники били его метлами. Народъ бѣжалъ за дровнями и горько плакалъ. Бывшаго святителя увезли въ Тверь и заперли въ монастырь. Тамъ его задушили подушкой самый жестокой изъ опричниковъ, Малюта Скуратовъ.

Крестьяне.

Служилымъ людямъ, помѣщикамъ, кромѣ земли, пушки были еще крестьяне. Крестьяне жили на помѣщичьей землѣ и приносили помѣщику съ этой земли оброки — хлѣбомъ, свотомъ, холстомъ, птицей, яйцами и т. п. Этими оброками жили помѣщикъ со всей семьей; на эти оброки онъ снаряжался и на войну.

По закону, крестьяне были вольные и могли, если имъ плохо жилось у одного помѣщика, уходить отъ него къ другому. Они должны были только дѣлать это въ опредѣленный срокъ, когда кончатся сельскія работы, — осенью, въ Юрьевъ день (26 ноября); въ этотъ день никто не долженъ былъ ихъ удерживать. Помѣщикамъ это было неудобно; въ случаѣ ухода крестьянъ, надо было искать другихъ, новыхъ, а найти ихъ не всегда удавалось. Помѣщики старались поэтому удерживать у себя крестьянъ, не выпустить ихъ и въ Юрьевъ день.

Многимъ помѣщикамъ это удавалось сдѣлать. Крестьяне были люди бѣдные; у нихъ часто не было ни лошади, ни сохи, ни сѣмянъ, ни денегъ; все это давалъ имъ изъ займы помѣщикъ; они брали у него и хлѣбъ, чтобы прожить до урожая, и деньги, чтобы уплатить въ царскую казну подати; сама изба, въ которой жили крестьянинъ съ семьей, была не его, а барская. Крестьянину трудно было выслать помѣщику этотъ долгъ, — а помѣщикъ не соглашался его отпустить, пока онъ не выслать всего. Такимъ образомъ, выходило само собой, что и въ Юрьевъ день крестьянину нельзя было уйти, такъ какъ нечѣмъ было расплатиться съ помѣщикомъ. Въ то время и сложилась среди крестьянъ поговорка: «Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день!»

Крестьяне, которымъ плохо жилось у помѣщиковъ, не могли уже уйти явно. Они стали уходить отъ помѣщиковъ тай-

но, убѣгать отъ нихъ. Особенно часты стали эти побѣги при царѣ Ивалѣ, когда были завоеваны новыя земли на Волгѣ; на эти земли и убѣгали крестьяне. Отъ этихъ побѣговъ пострадали многіе помѣщики; особенно пострадали мелкіе помѣщики, дворяне, изъ которыхъ состояло почти все войско. Они жаловались, что имъ «служить не съ чего». А войска нужно было все больше и больше. Война съ нѣмцами, шведами и поляками шла неудачно; враги шибвали русскіхъ; приходилось отдавать врагамъ русскіе города. Надо было принять мѣры, чтобы спасти дворянъ отъ разоренія.

При сынѣ царя Ивана, царѣ Федорѣ, велѣно было прописать перепись: записать и сосчитать всѣхъ крестьянъ, платившихъ въ царскую казну подати. Всѣ крестьяне были сосчитаны и записаны въ особыя книгахъ. О каждомъ крестьянинѣ было записано, на чьей землѣ, у какого помѣщика онъ живетъ. Если кто послѣ этого уходилъ отъ помѣщика, то считался уже по закону бѣглымъ; помѣщикамъ позволялось ловить тамахъ бѣглыхъ и водворять ихъ къ себѣ обратно.

Донскіе казаки.

Было много людей, которымъ тяжело жилось въ Московскомъ государствѣ. Это были больше всего крестьяне. Многіе изъ нихъ убѣгали на югъ, въ степь, на Донъ. Тамъ было пріятно: тепло, черноземъ, много свободныхъ, пустыхъ земель, и не было помѣщиковъ. Можно было жить волюю, заводить свое хозяйство.

Но здѣсь, на Дону, были близко татары. Бѣглецамъ приходилось самимъ позаботиться о своей защитѣ; надо было самимъ вооружаться, заводить свою лихую конницу. Бѣглецы крестьяне сажались на коней, вооружались ружьемъ и пикой, топоромъ и саблей, и принимались отбивать татаръ. Эти конные воины получили названіе казаковъ.

Большими вооруженными отрядами—станицами — бродили казаки по степнымъ дорогамъ, гуляли, «казаконили». Они и сами жили грабежомъ и грабили не однихъ татаръ. Они подкарауливали купцовъ, шедшихъ съ товарами въ Москву или изъ Москвы, высканивали на нихъ откуда-нибудь изъ округа и отбирали себѣ товары, а купцовъ вязали или рѣзали. Нападали и на царскихъ пословъ, ѣхавшихъ въ Крымъ, къ

татарамъ, съ царскими дарами, и отбирали у нихъ дары. Нападали и на чужихъ пословъ, направлявшихъ свой путь къ Москвѣ.

Но больше всего казаки воевали съ татарами. Казаки отбивались отъ этихъ лихихъ соседей, и сами то и дѣло пускались на нихъ въ набѣги. Донскіе казаки проникали далеко въ степь, гонялись за татарами и въ самый Крымъ, подбирались и къ турецкимъ городамъ. Татарамъ и туркамъ приходилось подумать о своей защитѣ. Турецкій султанъ часто жаловался московскому царю на донскихъ казаковъ, что они туркамъ не даютъ покоя. Русскій царь отвѣчалъ султану, что казаки — бѣлые воры и его, царя, не слушаютъ; царь ничего съ ними не можетъ сдѣлать.

Казаки рѣдко слѣзали со своихъ коней. Вѣчно кружили они по степи. Въ разныхъ мѣстахъ разбивали они шатры для временныхъ остановокъ. Постоянныхъ поселковъ, городовъ, было у нихъ немного. И городки эти были невелики. Въ нихъ не было такихъ укрѣпленій, какія были въ царскихъ крѣпостяхъ за Окой, такихъ стѣнъ и башенъ. Но зато воины были хороши. Казаки умѣли и за себя постоять, умѣли и татаръ не пустить въ русскую землю, къ Москвѣ. Московскіе государи цѣнили за это казаковъ и присылали имъ подарки, свое царское жалованье: деньгами, порохомъ, сукнами и другими припасами. Казацкимъ вождямъ царь жаловалъ иной разъ шубу со своего плеча. Вожди эти были у казаковъ выборные. Ихъ выбирали на казацкой сходкѣ.

Казаки славились по русской землѣ своимъ военнымъ искусствомъ. Ихъ нанимали на службу, для охраны своихъ владѣній, и русскій царь, и бояре. Царь нанималъ ихъ для защиты южныхъ крѣпостей; бояре нанимали ихъ для защиты своихъ имѣній. На сѣверѣ, на рѣкѣ Камѣ, казаки служили богатымъ купцамъ Строгановымъ, охраняли ихъ громадныя земли. Строгановымъ служило больше тысячи казаковъ. Съ Дона казаки проникали и на другія рѣки. Такъ, они появились на Волгѣ и на Яикѣ (такъ тогда называлась рѣка Уралъ).

О казакахъ и ихъ грабежахъ и разбояхъ поется въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ. Поется о разбойникахъ, объ удалыхъ добрыхъ молодцахъ. Они патаются и мотаются по бѣлу-свѣту и по синю-морю, разбиваютъ бусы-корабли, казну крадутъ и въ кабакъ несутъ. За все это приходится потомъ от-

вѣтъ держать. Грозный царь спрашиваетъ добраго молодца: «Ты скажи, дѣтина, правду-истину, ты съ кѣмъ казну крадѣ, съ кѣмъ разбой держалъ? Если правду ты мнѣ скажешь, я пожалую тебя, молодецъ, въ чистомъ полѣ двумя столбами дубовыми, третьей перекладной кленовою, а четвертой петелькой шелковою». Или царь спрашиваетъ добра молодца: «Съ кѣмъ ты воровалъ, съ кѣмъ разбой держалъ, кто были твои товарищи?» Добрый молодецъ отвѣчаетъ: «Первый мой товарищъ—темная ночь, а другой мой товарищъ—воронъ конь, а третій товарищъ—острый ножъ».

* Днѣпровскіе казаки.

Такіе же казаки были на Днѣпрѣ, въ Малороссіи. Малороссія принадлежала тогда полякамъ. И тамъ тоже было много бѣглыхъ, уходившихъ на югъ, въ степь. Это и были днѣпровскіе, малороссійскіе казаки. На одномъ изъ острововъ посреди Днѣпра, у самыхъ рѣчныхъ пороговъ, въ Запорожской Сѣчѣ, жили казаки-запорожцы. Жили они простой, суровой жизнью и не пускали къ себѣ совсѣмъ женщинъ: ни женъ, ни сестеръ, ни матерей. Съ бритой головой, съ однимъ длиннымъ чубомъ на макушкѣ, да съ молодецкими усами, эти запорожцы рѣзко отличались отъ мирныхъ жителей. Они славились своей отвагой, ходили на татаръ и турокъ, на лодкахъ спускались въ море, грабили берега Царьграда, пугали самого султана. Жгли и грабили и другія турецкія владѣнія, разбивали цѣлыя флоты турокъ, топили въ морѣ ихъ корабли, сжигали цѣлыя города. Таковы были запорожскіе казаки.

Малорусскій поэтъ Шевченко рассказываетъ въ своихъ пѣсняхъ, какъ казацкій отрядъ попалъ въ плѣнъ къ туркамъ, въ Царьградѣ, а другіе казаки воѣхали выручать ихъ изъ плѣна. Вдуть по Днѣпру казаки и поютъ пѣсни:

«У турчанки молодой
Сундуки, лари съ казною,
И всего есть въ волю.
Не карманы вытряхать —
Вдемъ рѣзать, выручать
Братьевъ изъ неволи.
У турчанки молодой

Лычаровъ съ ихъ паншой
Цѣлая орава.
Мы управимся съ врагомъ!
Умирать намъ ни по чѣмъ!
Наша воля, слава!»

Вотъ казаки приплыли къ Царьграду и начался по всему городу пожаръ и грабежъ.

«А въ дымѣ казаки
Вьются, точно птицы,
Добываячи добро.
Жемчуги и серебро
Шапками таскаютъ,
Въ лодки насыпаютъ».

Награбивъ добычи и выручивъ своихъ братьевъ, казаки снова плывутъ по Днѣпру домой.

«По волнамъ они плывутъ,
Сами пѣсенки поютъ:
«Атаманъ нашъ Гамалѣй —
Атаманъ занятый.
Знаютъ турки Гамалѣю,
Знаютъ, супостаты!»

Русскій художникъ Рѣпинъ на большой картинѣ изобразилъ, какъ казаки-запорожцы, получивъ письмо отъ турецкаго султана, пишутъ ему отвѣтъ. Султанъ грозитъ имъ войной, а они надъ нимъ глумятся.

Сибирь.

Подъ конецъ царствованія царя Ивана была завоевана Сибирь. Сибирь завоевали донскіе казаки, служившіе кушамъ Строгановымъ.

Братья Строгановы были люди богатые. Они промышляли пушнымъ звѣремъ въ сѣверныхъ лѣсахъ, на Двинѣ и на Камѣ; это было очень выгодное дѣло. Въ одномъ изъ сѣверныхъ городовъ у Строгановыхъ были большія деревянныя хо-

ромы съ башнями и пушками, — цѣлая крѣпость. На рѣкѣ Камѣ у нихъ было больше 30 своихъ городовъ, и для защиты отъ татаръ имъ было позволено держать тамъ пушки и войска. Братья Строгановы наняли къ себѣ на службу донскихъ казаковъ.

Много пушного звѣря было и за Уральскими горами, въ Сибири. Строгановы пошли за звѣремъ и за Уралъ. Въ Сибири землей владѣли тогда татары, и царствовалъ ханъ Кучумъ. Строгановы послали на Кучума казаковъ.

800 казаковъ, со своимъ атаманомъ Ермакомъ Тимофеевичемъ во главѣ, поплыли на стругахъ въ Сибирь. Небольшое было это войско. Но у казаковъ было огнестрѣльное оружiе, а въ Сибири ни ружья, ни пушки еще не вѣдывали. На сибирскихъ татаръ выстрѣлы наводили ужасъ, и они въ страхѣ разбѣгались. Лукъ и стрѣлы не могли устоять противъ ружья и пушки.

На сибирской рѣкѣ Иртышѣ Ермакъ разбилъ Кучума и выгналъ его изъ его царства. Сибирь была завоевана. Съ извѣстiемъ объ этомъ Ермакъ послалъ въ Москву казака Кольцо. Московскiй царь щедро награждалъ казаковъ.

Память о Ермакѣ сохранилась въ народныхъ пѣсняхъ. Въ одной изъ нихъ рассказывается, какъ живутъ на Волгѣ казаки, «люди вольные», и какъ говорить имъ атаманушка Ермакъ Тимофеевичъ: «Гдѣ намъ, казакамъ, зиму зимовать? Намъ на Волгѣ быть — все ворами слыть. А идти намъ, братцы, на Иртышъ-рѣку. Мы возьмемъ, братцы, Тоболь городъ и пойдёмъ къ царю съ повинной». Казаки идутъ съ Ермакомъ въ Сибирь и покоряютъ царю Сибирь. «Онъ (Ермакъ) приноситъ царю буйную головушку, и съ буйной головой — приноситъ царство сибирское. Царь казаковъ за все прощаетъ и жалуетъ имъ славный, тихiй Донъ».

Но казаки не могли удержать Сибирь своими силами. Самъ Ермакъ скоро погибъ; татары его подкараулили, и онъ утонулъ, спасаясь отъ нихъ, въ рѣкѣ. Его казаки, оставшись безъ атамана, вернулись назадъ. Но по слѣдамъ Ермака пошли въ Сибирь царскiе полки и воеводы. Они ставили крѣпости по сибирскимъ рѣкамъ, разставляли тамъ людей ратныхъ. Такъ возникли первые сибирскiе города: Тюмень, Томскъ, Тобольскъ.

Пошли въ Сибирь и русскiе поселенцы. Понемногу Си-

бирь стала заселяться русскими людьми. Сибирскiе жители, финны и татары, должны были платить русскимъ людямъ дань. Дань эту платили мѣхами. Много цѣнныхъ мѣховъ получала отсюда царская казна.

Сибирь была завоевана не сразу. При царѣ Иванѣ удалось завоевать только малую ея часть, — по рѣкамъ Иртышу и Оби. Вся Сибирь стала русской страной только сто лѣтъ спустя, при Петрѣ Великомъ.

* Первыи патриархъ.

Русскiе люди отличались своимъ благочестiемъ. По всей странѣ строились монастыри и храмы. Однихъ монастырей было больше 150. Важнѣйшими изъ нихъ были Троицкiй Сергiевъ подь Москвой, Кирилловъ на Бѣлоозерѣ, Соловецкiй на Бѣломъ морѣ. Многие люди дѣлали монастырiмъ большiе вклады, жертвовали имъ земли и деньги на поминъ души, чтобы монахи молились за нихъ послѣ смерти, иѣли панихиды за упокой души. Монастыри очень разбогатѣли. Нѣкоторые изъ монаховъ спасались въ одинокихъ кельяхъ въ лѣсныхъ пустыняхъ. Кругомъ шла молва о подвигахъ, которыми они угодили Богу, о чудесахъ, какiя они творили. Послѣ ихъ смерти рассказывали объ ихъ мощахъ, подающихъ больнымъ исцѣленiе. Окрестные жители почитали память угодниковъ Божиихъ, слушали имъ молебны, просили ихъ заступиться передъ Богомъ.

При царѣ Иванѣ митрополитъ Макариiй собралъ духовенство на соборъ и предложилъ составить списки всѣхъ святыхъ, какiе были въ русской землѣ. Такъ были составлены русскiе святцы. Въ нихъ внесли больше 70 святыхъ. Среди нихъ были преподобные Сергiй и Кириллъ, соловецкiе чудотворцы Зосима и Савватiй, княгиня Ольга и князь Владимiръ и московскiе святители — митрополиты: Петръ, Алексiй, Иона. Позднѣе были внесены въ святцы и многiе другiе святые.

Въ русской землѣ было еще много людей, не знавшихъ Христовой вѣры. Тутъ были финны, державшiеся стараго язычества. Въ татарскихъ земляхъ, на Волгѣ, были татары-магометане. Надо было ихъ крестить. Московскiе люди при царѣ Иванѣ принялись за это дѣло. На сѣверѣ крестили язычниковъ монахи соловецкiе и шные. На Волгѣ, въ Казани, велѣно

было ломать татарскія мечети и строить русскія церкви. Крестить татаръ былъ посланъ первый казанскій архіерей, Гурій. Онъ крестилъ много татаръ и тоже былъ признанъ святымъ.

Среди самихъ русскихъ людей не исчезло совсѣмъ старое язычество. Многие вѣрили по-старому въ колдовство. Вѣрили даже московскіе бояре и князья. Царь Иванъ обвинялъ одного боярина, что онъ хочетъ околдовать царя съ помощью старыхъ бабъ-колдуній. Въ другой разъ Грозный царь велѣлъ сжечь 60 колдуній за дурное предсказаніе.

При сынѣ царя Ивана, царѣ Θεодорѣ, русскій митрополитъ получилъ новое званіе — патріарха всея Руси. Это была важная перемена. Прежде патріархи были только у грековъ. Русскіе митрополиты подчинялись греческимъ патріархамъ. Теперь у русскихъ былъ не только свой царь, но и свой патріархъ. Русскій патріархъ никому не подчинялся и былъ равенъ всѣмъ другимъ патріархамъ.

Смутное время.

Царевичъ Димитрій.

Послѣ Ивана Грознаго царствовалъ его сынъ Θεодоръ. Это былъ очень благочестивый человекъ; онъ больше всего думалъ о спасеніи души. И сдѣлавшись царемъ, онъ больше молился и постился, чѣмъ занимался государственнымъ дѣломъ. Современники называли его: «Святоцарь». Въмѣсто него дѣлами правилъ его шурина, братъ царицы, бывший опричникъ Борисъ Годуновъ.

У царя Θεодора не было дѣтей; послѣ него долженъ былъ царствовать его братъ, малолѣтній царевичъ Димитрій. Онъ жилъ въ небольшомъ городѣ Угличѣ, съ матерью, царицей Марьей и съ ея родными, Нагими.

Въ 1591 г., 15 мая, по всему Угличу разнеслась вдругъ вѣсть, что царевичъ, которому было уже 7 лѣтъ, внезапно умеръ, что его убили. Ударилъ въ набатъ; народъ бросился на царскій дворъ. Тамъ увидѣли кормилицу царевича съ мерт-

вымъ Димитріемъ на рукахъ; царица Марья тутъ же, во дворѣ, колотала полѣномъ мамку царевича, Василису. Прибѣжали братья царицы, Нагіе. Всѣ они кричали, что царевича погубилъ сынъ Василисы, Осипъ Волоховъ, съ товарищами. Нагіе обвиняли въ убійствѣ и мамку царевича, Василису. Народъ бросился на всѣхъ этихъ лицъ; Василису схватили и посадили подъ караулъ, а остальныхъ всѣхъ перебили. Осипа Волохова убили въ церкви, гдѣ онъ хотѣлъ укрыться.

О самомъ убійствѣ Нагіе рассказывали такъ. Мамка Василиса вышла съ царевичемъ изъ хоромъ во дворъ. За ними шла кормилица, говорила мамкѣ, чтобы не ходила во дворъ, — во дворѣ ждали уже убійцы. Началъ дѣло Осипъ Волоховъ. Онъ подошелъ къ царевичу и спросилъ: «Это у тебя, государь, новое ожерелье?» — «Нѣтъ, старое», — отвѣчалъ царевичъ и поднялъ голову. Въ эту минуту сверкнулъ ножъ; но царевичъ былъ только раненъ. Онъ упалъ; кормилица бросилась на его защиту, и закричала; тогда другіе два убійцы, Данило Битяговскій и Качаловъ, избili ее, отняли у нея царевича и зарѣзали. Тутъ изъ хоромъ выбѣжала царица и начала кричать. Такъ рассказывали Нагіе.

Черезъ два дня извѣстіе объ этомъ дошло до Москвы. Царь послалъ въ Угличъ патріарха съ княземъ Василиемъ Шуйскимъ, расслѣдовать дѣло. Слѣдователи донесли царю, что царевичъ погибъ случайно. Въ день своей смерти онъ игралъ съ дѣтьми въ тычку; во время игры съ нимъ приключился припадокъ падучей болѣзни, которой онъ страдалъ, и въ припадкѣ онъ упалъ на ножъ. Такъ и патріархъ объявилъ народу. Битяговскіе, Качаловъ, Волоховъ были, стало быть, не при чемъ, и погибли безвинно. За самовольную расправу съ ними были наказаны и Нагіе и многіе угличане. Царицу Марью постригли въ монахини подъ именемъ Мары. Нагихъ разослали по разнымъ городамъ и посадили въ тюрьмы. Многихъ угличанъ казнили смертью; другихъ, вырѣзавъ имъ языкъ, сослали въ Сибирь, въ городъ Пелымъ. Угличъ запустѣлъ. Даже колоколь, въ который били въ тотъ день въ набатъ, наказали: отсекли ухо и сослали туда же, въ Сибирь. Но въ народѣ упорно говорили, что царевичъ былъ убитъ, и что убійцы были посланы Годуновымъ:—ему было важно устранить царевича, чтобы самому послѣ Θεодора стать царемъ.

Борисъ Годуновъ.

Царь Теодоръ умеръ, не оставивъ по себѣ наследниковъ: самъ онъ не имѣлъ дѣтей, а царевичъ Димитрій погибъ раньше, въ Угличѣ. Царемъ выбрали Бориса Годунова.

Царь Борисъ во многомъ напоминалъ царя Ивана. Такъ же, какъ и Грозный царь, онъ заботился о войскѣ, о служилыхъ людяхъ; простые дворяне возвышались при немъ своею службой. Князей и бояръ онъ, напротивъ, старался ослабить и унизить. Всего больше пострадали родственники первой жены царя Ивана, бояре Романовы; Борису они казались всего опаснѣе. Одинъ изъ ихъ людей донесъ царю, будто они хотятъ извести царя кореньями, отравнымъ зельемъ; у одного изъ Романовыхъ нашли мѣшокъ съ кореньями; этотъ мѣшокъ, какъ послѣ оказалось, былъ подброшенъ самимъ доносчикомъ. Тѣмъ не менѣе, Романовыхъ обвинили и разослали по разнымъ городамъ. Старшаго изъ нихъ, Теодора Никитича, постригли въ монахи съ именемъ Филарета. Сослали и сына его, малолѣтняго Михаила. Бояре, гонимые Годуновымъ, были этимъ всѣмъ очень недовольны.

При царѣ Борисѣ страшное бѣдствіе постигло русскую землю. Три года подрядъ былъ неурожай, и по всей русской землѣ начался голодъ. Хлѣбъ сразу поднялся въ цѣнѣ.

Бѣднымъ людямъ приходилось ѣсть, что подало. Они ѣли сѣно, солому, питались мясомъ собакъ, кошекъ, мышей, ползали по землѣ и ѣли траву, какъ скотина. Отъ этой нищизни многіе заболѣли; началась сильная холера; умирали прямо на улицахъ, на дорогахъ; другіе падали отъ изнеможенія.

Въ разныхъ мѣстахъ дѣло доходило до людоедства. Изголодавшіеся люди убивали своихъ сосѣдей и поѣдали ихъ мясо, и въ то же время тряслись и боялись, какъ бы ихъ самихъ не съѣли другіе сосѣди.

Страшная опасность грозила отъ этого всему государству. Кто будетъ заприцать страну, служить въ войскѣ, платить подати въ казну, если столько людей погибнетъ или разорится? Надо было накормить голодныхъ, чтобы они могли дожидаться слѣдующаго урожая. Царь Борисъ открылъ для

нихъ царскія свои житницы, велѣлъ продавать хлѣбъ по дешевой цѣнѣ; всѣмъ немущимъ раздавали изъ царской казны милостыню. Каждый день казнѣ приходилось раздавать по 2 тысячи рублей.

Потомъ царь затѣялъ другое дѣло. Онъ велѣлъ строить въ Москвѣ большое зданіе, — высокую колокольню при одной изъ церквей Кремля. На эти работы было нанято множество народа; отовсюду везли лѣсъ, кирпичи, известку; многія тысячи рабочихъ находили себѣ работу и пропитаніе. Такъ была выстроена колокольня Ивана Великаго. И донынѣ стоитъ она, возвышаясь надъ всѣмъ Кремлемъ, и напоминаетъ о бывшемъ при Годуновѣ страшномъ голодѣ.

Голодъ кончился на 4-й годъ, когда снова родился хлѣбъ.

За время голода много людей погибло, много разорилось. Толпы нищихъ бродили по всѣмъ дорогамъ, шайки разбойниковъ прятались въ лѣсахъ. Царскіе воеводы гонялись за ними по всей странѣ; отъ этихъ преслѣдованій много людей бѣжало на югъ, за Оку; южная Украина наполнилась толпами бѣглыхъ; московскіе люди называли этихъ бѣглыхъ ворами. За голодные годы выбѣжало ихъ сюда больше 20 тысячъ.

Первый Лжедимитрій.

При томъ же царѣ Борисѣ началась въ русской землѣ смута. Появился первый самозванецъ. Онъ объявился сначала у поляковъ и поступилъ на службу къ одному польскому пану (вельможѣ); ему онъ открылся однажды, что онъ не простой человекъ, а московскій царевичъ Димитрій, сынъ царя Ивана, спасшійся отъ убійцъ, посланныхъ Годуновымъ. Въ Угличѣ, — рассказывалъ онъ, — былъ убитъ другой ребенокъ, а его спасли. Самозванецъ заявилъ, что хочетъ отобрать у царя Бориса престолъ своего отца и дѣда, и просилъ помочь ему въ этомъ дѣлѣ. Кто такой былъ на самомъ дѣлѣ этотъ самозванецъ, — неизвестно. Польскій панъ повѣрилъ рассказу; русскіе люди, случившіеся тутъ, показали, что это, точно, царевичъ Димитрій: у него на лѣвомъ плечѣ такое же родимое пятно, на щекѣ такая же бородавка, и одна рука также короче другой.

Послѣ этого самозванца повезли къ польскому королю. Король далъ ему денегъ и позволилъ своимъ ланамъ набирать

для него войско. На его сторону стало и польское духовенство, священники римской вѣры. Они хотѣли обратить русскихъ людей въ свою вѣру.

Всего больше старался для самозванца панъ Мишпекъ, на дочери котораго Димитрій обѣщаль, когда станетъ царемъ, жениться. Мишпекъ самъ собиралъ для него полки, приготовлялъ все къ его походу.

Димитрій обѣщаль щедро наградить его, подарить ему сто тысячъ золотыхъ, а дочери его, будущей царицѣ Маринѣ, отдать Псковъ и Новгородъ. Королю, за польскую подмогу, онъ обѣщаль уступить сосѣднія съ Польшей русскія земли (Смоленскую и Сѣверскую). Польскимъ священникамъ онъ обѣщаль обратить въ римскую вѣру весь русскій народъ. Объ этомъ онъ писалъ и самому римскому папѣ.

Походъ Лжедимитрія.

Набрать нѣсколько тысячъ поляковъ, Лжедимитрій выступилъ съ ними въ Россію. Всѣ недовольные своей судьбой, какіе были въ русской землѣ, становились на его сторону. Еще когда онъ былъ въ Польшѣ, къ нему пришли съ Дона казаки. Въ русскую землю онъ вошелъ съ юга, какъ разъ на южную Украину, гдѣ всего больше было бѣглыхъ и недовольныхъ. Здѣсь къ нему отовсюду шли русскіе люди. Города сами открывали ему ворота. Борисъ Годуновъ велѣлъ объявить, что это совсѣмъ не царевичъ Димитрій, а бѣглый монахъ, разстрига, Гришка Отрепьевъ. Патриархъ проклиналъ разстригу Гришку, проклиналъ и всѣхъ, кто пойдетъ за нимъ. Но русскіе люди не вѣрили, чтобы это былъ Гришка, и шли толпами къ самозванцу. Силы его росли. Царскіе воеводы не могли съ нимъ справиться; воины Годунова говорили, что у нихъ нѣтъ рукъ для сѣчи, для борьбы съ царевичемъ. Въ это время умеръ царь Борисъ, огорченный всей этой смутой, и царское войско и бояре, вмѣсто того, чтобы присягать его сыну, присягнули самозванцу.

Въ Москвѣ съ нетерпѣніемъ ждали новаго царя. Сынъ Бориса, Феодоръ, только что ставшій царемъ, былъ убитъ толпой.

20 июня 1605 г. царь Димитрій торжественно въѣхалъ въ Москву. Съ нимъ ѣхали его полки, казаки, польскіе отряды,

польскіе паны и русскіе бояре. Гремѣла музыка. Народъ толпами бѣжалъ смотрѣть царя. Улицы Москвы были полны народомъ. Окна и крыши были усеяны людьми. «Вотъ онъ, нашъ батюшка, кормилецъ! Взойшло солнышко надъ русскою землей!» — говорили въ толпѣ.

Въѣхавъ въ Кремль, новый царь посѣщилъ въ Архангельской соборъ, поклонился праху своихъ предковъ, плакалъ надъ гробомъ своего отца. Черезъ нѣсколько дней въ Москву вернулась царица-инокиня Марфа, мать царевича Димитрія, и признала въ новомъ царѣ своего сына.

Конецъ Лжедимитрія.

Новый царь не сдѣлалъ ничего изъ того, что обѣщаль полякамъ, — не отдалъ имъ русскихъ земель и городовъ и не сталъ обращать русскихъ людей въ римскую вѣру. Но не сумѣлъ онъ угодить и русскимъ. Не прошло и года съ его въѣзда въ Москву, какъ его царствованію наступилъ конецъ. Этому было много причинъ.

Вмѣстѣ съ Димитріемъ, явившимся на Русь изъ Польши, наѣхало въ Москву много поляковъ, пріѣхали и польскіе священники и монахи. Царь позволилъ имъ выстроить въ Москвѣ свои храмы. На все это косо смотрѣло русское духовенство. Недовольны были и московскіе бояре. Присягая Димитрію, они надѣялись, что онъ вернетъ имъ ихъ прежнее значеніе, что при немъ все пойдетъ такъ, какъ было до царя Ивана. Но царь Димитрій сразу показалъ боярамъ, что ему до нихъ нѣтъ никакого дѣла; онъ ставилъ выше простыхъ людей, стрельцовъ, казаковъ, которые такъ помогли ему получить престолъ. Не сдѣлалъ онъ ничего и для помѣщиковъ и купцовъ. Всѣ эти люди были недовольны имъ.

Столько враговъ было у царя Димитрія. Только простой народъ, стрельцы, казаки да мелкіе городскіе люди стояли по-прежнему за Димитрія и не давали дурно говорить о немъ. Но они не спасли его отъ гибели.

Враги Димитрія устроили противъ него заговоръ. Заговорщики были князья и бояре, съ княземъ Василіемъ Шуйскимъ во главѣ. Съ ними заодно были и духовныя власти, и дворяне-помѣщики, и богатое купечество. Заговорщики со-

бирался тайно, по ночамъ, въ домъ у Шуйскаго, и тамъ соваривались. Весной 1606 г. они рѣшили дѣйствовать.

Въ это время прибыли въ Москву изъ Польши пять Мнишекъ съ дочерью и со множествомъ поляковъ, — на свадьбу царя съ Мариной. Начались свадебныя торжества, пиры и празднества. Новый царь плохо зналъ русскіе обычаи, и не очень соблюдалъ ихъ. Свадьба была назначена не въ подходящий день, — подъ постный день, подъ праздникъ. Поляки, пріѣхавшіе на свадьбу, шумѣли и веселились, еще больше раздражая этимъ русскихъ людей. Все это было на руку заговорщикамъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ свадьбы, ночью, въ Москвѣ ударили въ набатъ. Толпы народа бросились на Красную площадь. Къ нимъ выѣхали заговорщики и сказали, что поляки бьютъ русскихъ, что опасность грозитъ и самому царю. Народъ бросился бить поляковъ и громить ихъ дома. Тѣмъ временемъ заговорщики отправились въ Кремль и прошли во дворецъ. Царь Димитрій проснулся отъ шума, выпрыгнулъ изъ окна и повредилъ себѣ ногу. Подъ окномъ нашли его вѣрные стрѣльцы и хотѣли спасти его. Но заговорщики пригрозили имъ, что пойдутъ въ ихъ слободы и перебьютъ ихъ женъ и дѣтей. Тогда стрѣльцы отступились, и Лжедмитрій былъ убитъ.

Этимъ дѣломъ не кончилось. Трупъ самозванца раздѣли, надѣли ему на лицо смѣнную маску, дали въ руки дудку и волынку и выставили на Красной площади, на посмѣнище и на поруганіе. Потомъ трупъ сожгли, пепломъ его зарядили пушку, и выстрѣлили въ ту сторону, откуда привелъ Лжедмитрій.

Тушинскій воръ.

Послѣ сверженія Лжедмитрія царемъ сдѣлался князь Василій Шуйскій. Съ самаго начала ему пришлось бороться съ новыми мятежками, съ новыми самозванцами. На южной Украинѣ жители не хотѣли вѣрить, что царя Димитрія убили. Говорили, что онъ снова спасся, что онъ явится и отнять престолъ у Шуйскаго.

Въ разныхъ мѣстахъ появились новые самозванцы. Ихъ было больше 12. Главный изъ нихъ снова принялъ имя Димитрія. Кто это былъ на самомъ дѣлѣ, неизвѣстно. Онъ сталъ

во главѣ мятежниковъ. Къ нему отовсюду приходили казаки; изъ Польши къ нему на службу пришли поляки. Самозванецъ подошелъ къ самой Москвѣ и засѣлъ въ селѣ Тушинѣ. Въ Москвѣ его называли «Тушинскимъ воромъ». Тушинскій воръ разсылалъ повсюду свои листы, призывалъ крестьянъ къ возстанію, разрѣшалъ имъ брать себѣ земли господъ.

Мятежъ распространился шире прежняго. Десятки городовъ были взяты воеводами самозванца или сами перешли на его сторону. Царскіе воеводы должны были тайкомъ покидать свои города. Москва со всѣхъ сторонъ была окружена мятежниками. Царство русское раздѣлилось на-двое. Было два царства и два царя. Въ Москвѣ былъ царь Василій Шуйскій со своими боярами и военными людьми. Въ Тушинѣ былъ тушинскій воръ, тоже называвшій себя царемъ. У него были свои военные люди и свои бояре. Въ Тушино къ нему пріѣхала Марина, признала его царемъ Димитріемъ, своимъ мужемъ. Тушинцы захватили въ плѣнъ ростовскаго митрополита Филарета, изъ рода бояръ Романовыхъ, и назвали его російскимъ патриархомъ. И патриарховъ было теперь два: въ Москвѣ — Гермогенъ, въ Тушинѣ — Филаретъ. Многие бояре и князья изъ Москвы уѣзжали въ Тушино, переходили на службу къ вору, ожидая, что онъ побѣдитъ Шуйскаго.

Тушино скоро выросло въ цѣлый городокъ. Здѣсь собралось большое населеніе, больше 70 тыс. чел. Явились съ товарами купцы, началась торговля. Между тѣмъ приближалась зима. Для зимовки вырыты были землянки; для богатыхъ людей изъ ближнихъ деревень привезли готовые избы и поставили ихъ въ обозѣ. Въ землянкахъ устраили погреба. Для самозванца съ его царицей и для Мнишка были построены настоящія хоромы.

Въ то же время поляки, служившіе тушинскому вору, осаждали Троицкую Лавру. Сапѣга и Лисовскій съ большимъ войскомъ стояли подъ стѣнами монастыря. Сначала они палили по монастырю изъ пушекъ.

6 недѣль продолжалась эта пальба. Зимой пальба прекратилась, но въ самомъ монастырѣ отъ тѣсноты началась болѣзнь. Къ веснѣ изъ 2½ тысячъ людей осталось 200. Не только монахи, но и женщины, какія были, вынуждены защищать монастырскія стѣны. 16 мѣсяцевъ продолжалась троцкая осада. Но монастырь все-таки до конца не сдался.

Тупинцы и поляки хозяйничали во всей странѣ. Троицкіе монахи разсказывали потомъ, каково было бѣдствіе отъ тупинцевъ и поляковъ. «Копей загворажи они въ Божіихъ церквахъ и собакъ въ алтаряхъ питали. Ризы раздирали и на обувь продавали. Инокѡвъ мучили, заставляли на себя работать, варить пиво, кормы готовить, стада пасти. Священниковъ посылали дрова рубить». «Люди укрывались тогда въ непроходимыхъ дебряхъ, въ чащѣ темныхъ лѣсовъ, въ пещерахъ невѣдомыхъ и кустахъ. По ночамъ пожары освѣщали тьму въ поляхъ и лѣсахъ». «Врати гонимые за русскими людьми, какъ за звѣрями, съ собаками. Дикіе звѣри, медвѣди, волки, вмѣсто людей населяли города; звѣри и птицы на трупахъ человѣческихъ поселились».

Конецъ Шуйскаго.

Царь Шуйскій не могъ справиться со всей этой смутой. Ему помогли сами русскіе люди, поднявшіеся на тупинцевъ и поляковъ, помогли и псевды, покваніе только случая, какъ бы вмѣшаться въ русскія дѣла.

Тупинцы и поляки, пришедшіе къ Москвѣ съ юга, окружили Москву своими силами отовсюду. Проникли они и къ сѣверу; тамъ были богатые города и свободные, закиточные крестьяне. Тупинцы и поляки требовали себѣ съ нихъ дани, посылали своихъ сборщиковъ, собирали дань силой. Все это вывело сѣверныхъ людей изъ терпѣнія; простые кушцы и мужики стали вооружаться, чѣмъ пошло, и нападать на тупинскихъ сборщиковъ и на польскіе отряды. Мало-по-малу составились цѣлыя полки людей, готовыхъ восстать съ Тупинскимъ воровъ, освободить отъ него Москву. Царскій воевода, молодой Скопинъ-Шуйскій, прибывъ въ Новгородъ, собралъ всѣ эти полки вмѣстѣ, чтобы вести ихъ къ Москвѣ. Съ этими силами Скопинъ двинулся къ Москвѣ, и по пути, на Волгѣ, разбилъ тупинцевъ и поляковъ. Самъ же ушелъ отъ Троицкаго монастыря, прослышавъ о приближеніи русскаго войска. Царскій воевода вернулся съ торжествомъ въ Москву.

Но скоро начались новыя неудачи. Въ русскія дѣла вмѣшался и Польскій король. Онъ вошелъ съ войскомъ въ русскіе предѣлы и осадилъ Смоленскъ. Польскій воевода двинулся къ самой Москвѣ и разбилъ русскихъ при деревнѣ Клушинѣ, подъ Можайскомъ.

Тогда въ Москвѣ произошелъ мятежъ. Московскіе люди собрались толпой и пришли во дворецъ къ царю Василю. Одинъ изъ нихъ вышелъ впередъ и говорилъ царю: «Долго ли за тебя будетъ литься кровь христіанская? Земля опустѣла; ничего добраго не дѣлается въ твое правленіе. Скажешь надъ гибелью нашей, сойди съ престола. А мы ужъ сами о себѣ подумаемъ». Шуйскій сначала спорилъ, не хотѣлъ отказаться отъ власти, но потомъ онъ согласился, сошелъ съ престола и оставилъ царство. Черезъ нѣсколько дней его постригли въ монахи въ Чудовомъ монастырѣ.

Такъ кончилось царствованіе Василя Шуйскаго.

Поляки въ Москвѣ.

Между тѣмъ поляки взяли Смоленскъ, псевды захватили Новгородъ. Подъ самой Москвой стоялъ тупинскій вортъ. Съ трехъ сторонъ прозила Москвѣ опасность.

Послѣ сведенія царя Шуйскаго съ престола, въ Москвѣ не было царя; правили страной бояре. Они не хотѣли подчиняться вору, но не надѣялись съ нимъ сами справиться; поэтому они послали сказать польскому королю, что готовы признать русскимъ царемъ его сына, королевича Владислава, только чтобы онъ защитилъ ихъ отъ тупинскаго вора. «Лучше служить королевичу, чѣмъ быть побитымъ отъ своихъ холопей», — говорили московскіе люди. И вся Москва присягнула Владиславу. Польскій отрядъ вошелъ въ Москву, чтобы оборонить ее отъ вора.

Тяжелое это было время для русской земли. Поляки хозяйничали въ ней, какъ въ завоеванной странѣ. Польскій король распоряжался всею государствомъ, раздавалъ русскіе земли и города, деньги и сокровища—кому хотѣлъ, назначалъ своихъ правителей для Россіи. Московскихъ людей онъ называлъ своими подданными, хотя они присягали не ему, а его сыну Владиславу. Польскіе отряды бродили по всей странѣ.

Скоро началась новая борьба съ поляками. Въ самой Москвѣ дѣло дошло до драки. Это было на страстной недѣлѣ 1611 г. Началось дракой въ Китай-Городѣ, потомъ пошла свалка и въ Вѣломъ Городѣ. Обѣ стороны отчаянно бились. Русскіе свезли съ башенъ пушки, разставили ихъ по улицамъ и палили въ поляковъ. Улицы загораживали столами, лавка-

ми, дровами и изъ-за этого пререкрѣтія стрѣляли. Другіе залѣзали на кровли домовъ и сыпали оттуда кольями и камнями. Чтобы выгнать русскихъ изъ ихъ засадъ, поляки подошли къ городу. Пламя охватило дома, и Москва запылала. Въ Кремлѣ ночью было такъ свѣтло, какъ днемъ. Сами поляки говорили, что Москва была тогда похожа на самый адъ. Бѣлый Городъ и Замоскворѣчье выгорѣли до тла.

Между тѣмъ, тушинскій воръ былъ убитъ своими же людьми. Московскимъ людямъ больше нечего было его бояться. Поляки были имъ болѣе не нужны, не нуженъ былъ имъ и королевичъ Владиславъ. Можно было, забывъ о Тушинѣ, собрать всѣ силы и ударить на поляковъ.

Мининъ и Пожарскій.

Отъ смуты и отъ войны страдала вся русская земля. Много народа погибло, много людей разорилось; торговли остановилась, — купцамъ было опасно возить товары. Всѣ, кто страдалъ отъ этого разоренія, готовы были подняться на поляковъ.

Въ Москвѣ патриархъ Гермогенъ призывалъ русскихъ людей къ борьбѣ съ поляками. Въ Москву къ патриарху приходили ходоки, безстрашные люди, за вѣстями. Поляки, провѣдавъ, что патриархъ дѣйствуетъ противъ нихъ, посадили его въ темницу, подъ Чудовъ монастырь.

Призывали къ борьбѣ съ поляками и троїцкіе монахи, писавшіе объ этомъ грамоты и рассылавшіе ихъ по многимъ городамъ. Отозвались прежде другихъ большіе города Поволжья. Одна изъ грамотъ дошла до Нижняго; здѣсь ее прочли народу. Мясной торговецъ и городской староста, Кузьма Мининъ, выступилъ впередъ всѣми съ рѣчью, призывалъ ихъ идти на поляковъ, отчислить отъ нихъ Москву. Всѣ посадъ согласились съ нимъ. Написали всѣмъ міромъ приговоръ, чтобы собрать новыя полки и собрать денегъ на жалованье ратнымъ людямъ. «Если не хватитъ денегъ, мы и женъ и дѣтей заложимъ, а начатое дѣло не бросимъ», — говорили нижегородцы.

Тотчасъ же стали собирать деньги. Мининъ первый пожертвовалъ на ратныхъ, за нимъ и другіе купцы приносили деньги. Собирать и хранить казну приставили того же Минина; онъ обложилъ всѣхъ посадскихъ большимъ налогомъ. Такъ составилась большая казна.

Затѣмъ стали набирать полки. На службу къ нижегородцамъ пошло много людей служилыхъ; всѣмъ имъ нижегородцы положили большое жалованье, вдвое и втрое больше обыкновеннаго. Вообще все въ этомъ войскѣ было устроено исправно; купцы не жалѣли денегъ на общее дѣло.

Такъ устроили посадскіе люди свое войско. Связались и съ другими городами; отовсюду приходили деньги и подмога. Главнымъ воеводой выбрали князя Пожарскаго. Онъ лѣчился тогда въ своемъ имѣніи отъ раны, но принялъ избраніе и пріѣхалъ къ войску.

Такъ поднимались русскіе на поляковъ. Осенью 1612 г. русскіе полки подошли къ Москвѣ. Въ это время къ Москвѣ явился съ подмогой для поляковъ польскій воевода. Пожарскій встрѣтилъ его на Дѣвичьемъ холѣ и отбилъ. Тотъ переправился въ Замоскворѣчье и хотѣлъ подойти къ Кремлю оттуда. Здѣсь отбили его казаки. Поляки, сидѣвшіе въ Кремлѣ, не получили для себя подмоги.

Послѣ этого Пожарскій обложилъ Китай-Городъ и Кремль, гдѣ засѣли поляки. Черезъ два мѣсяца былъ взятъ Китай-Городъ, а затѣмъ и Кремль. 27 ноября 1612 г. полки Пожарскаго вступили въ Кремль. А еще черезъ три мѣсяца съѣхались въ Москву выборные люди и выбрали новаго царя, русскаго родомъ, изъ бояръ Романовыхъ, — Михаила Θεодоровича. Новому царю было всего 16 лѣтъ. Это былъ сынъ Филарета.

Вокрѣпленія, избавившіе Москву отъ поляковъ, были въослѣдствіи поставлены памятники, — въ Москвѣ, на Красной площади. На памятникѣ надпись: «Гражданину Минину и князю Пожарскому — благодарная Россія».

Время царя Алексѣя Михайловича.

Государство послѣ смуты.

Въ тяжелое время пришлось царствовать новому царю Михаилу Θεодоровичу. Смута обезсилила и разорила Россію. Много городовъ и селъ было разрушено и сожжено поляками, шведами и казаками. Въ уцѣлѣвшихъ строенияхъ часто ниго

не жить. Внутри домовъ свободно гулялъ вѣтеръ, хлопая ставнями и сохранившимися досками отъ дверей, и жутко завывалъ, нагоняя страхъ на сосѣдей и путниковъ. Путешественники часто проходили сотни верстъ и десятки селеній, не встрѣчая живого человѣка. Только трупы и кости людей и животныхъ гнили на улицахъ и въ избахъ, распространяя зловоніе. Медвѣди, волки и одичавшія собаки свободно разгуливали по такимъ селеніямъ. Дикіе звѣри веселились на трунахъ человѣческихъ и дрались изъ-за нихъ. Оставшіеся въ живыхъ люди скрывались въ непроходимыхъ дебряхъ, въ чащѣ темныхъ лѣсовъ, въ тайныхъ пещерахъ и лѣсахъ. Здѣсь было безопаснѣе для человѣка, чѣмъ въ иномъ селѣ, гдѣ сосѣдство мертвыхъ и звѣрей нагоняло страхъ, а «лихіе люди» — иноземцы и русскіе могли напасть, отнять послѣднее имущество, увести въ плѣнъ и убить. Поля не запахивались, потому что нечѣмъ было засѣвать ихъ; а у кого были сѣмена, тѣ боялись, что урожай однимъ другіе.

Голодные и холодные люди сами дѣлались, какъ звѣри: собирались въ шайки, грабили проѣзжихъ, разбивали селенія и города, уцѣлѣвшіе отъ бѣдствій смутнаго времени. Еще страшнѣе были шайки иноземцевъ, свободно рыскавшія по русской землѣ. У царя было мало войска, чтобы защищать народъ отъ лихихъ людей. Военныхъ людей едва хватало для защиты Москвы и другихъ большихъ городовъ отъ поляковъ и шведовъ.

Въ казнѣ не было денегъ на содержаніе даже этого небольшого войска, потому что почти никто не платилъ податей. Сборщики податей находили одиѣ пустыя деревни да голодныхъ и разоренныхъ стариковъ, дѣтей и женщинъ, съ которыхъ взять было нечего.

Государю Михаилу Феодоровичу трудно было одному справиться съ этими бѣдствіями. Ему помогали выборные отъ русской земли люди. Они собирались на земскихъ соборахъ и давали совѣты, какъ очистить русскую землю отъ иноземцевъ, прекратить разбой и наполнить казну деньгами.

* Въ воеводской избѣ.

Въ воеводской избѣ города Курска сидѣлъ воевода (главный начальникъ города) съ своими помощниками и писаря-

ми, которые въ то время назывались дьяками и подъячими. Они разговаривали о тѣхъ дѣлахъ, которыя пришлось имъ рѣшить въ теченіе дня: подсчитывали деньги, полученные имъ съ осужденныхъ воеводою людей; разсуждали о томъ, куда бы помѣстить пойманныхъ разбойниковъ, чтобы они не убѣжали. Воевода еще разъ осмотрѣлъ подарки, которые ему поднесли купцы съ просьбой, чтобы воеводскіе слуги не грабили ихъ и не оскорбляли въ ихъ же лавкахъ. Хотя воевода и принималъ подарки, но остался ими недоволенъ.

— Ишь, задумали толстосумы умилостивить меня боченкомъ вина да кускомъ аглицкаго сукна, — возмутился воевода. — Завтра же прикажу слугамъ взять у нихъ пять штукъ бархату для жены и дочерей, подѣлюсь съ вами, — подмигнулъ воевода своему помощнику и дьяку. — Да и пиръ мы давно устраивали. Велю прислать три боченка иноземнаго вина, бочку шва, миса и другихъ продуктовъ. А заспорить, поволочимъ ихъ опять въ судъ, за того мертваго человѣка, тѣло котораго въ прошломъ году пацли въ торговомъ ряду. Оно, конечно, можетъ, человѣкъ этотъ и своею смертію умеръ, но пусть докажутъ, что его не убили...

Но больше всего бесѣдовалъ воевода съ помощникомъ и дьякомъ о полученномъ въ этотъ день извѣстїи, что къ югу отъ Курска неспокойно: пужно оскидать набѣга татаръ, которыхъ затронули казаки.

— Сегодня же подробно отпishi государю о всемъ, что сказывалъ проѣзжій человѣкъ о татарахъ, — говорилъ воевода дьяку: — да передай стрѣльцкому полковнику, чтобы у стрѣльцовъ ружья, пушки и порохъ были въ исправности; прикажи также, чтобы собрали мастеровыхъ людей крѣпостныя ворота починить да шаль надъ рѣкою подсыпашь повыше, а то кое-гдѣ обвалился; да наряди сторожей на курганы и на банню, чтобы у меня не спали, — зорко смотрѣли бы въ степь, не покажутся ли сторожевые огни, а не то...

Въ это время кто-то сильно постучалъ сначала въ дверь, а потомъ въ ставню избы.

— Кого это нелегкая принесла въ эту пору? — нахмурился брѣсх воевода.

— Гонецъ отъ государя, — выкрикнулъ вбѣжавшій въ избу дежурный ярыжка (шолнцѣйскій). Воевода поблѣднѣлъ; всѣ присутствующіе встали. Вошелъ гонецъ.

— Отъ царя Курскому воеводѣ приказъ привезъ, — сказалъ гонецъ, подавая воеводѣ запыленный мѣшокъ съ грамотой государя. Тренистыми руками развернулъ воевода грамоту, благоговѣнно поцѣловалъ ее и сталъ читать про себя.

Долго разбиралъ ее воевода, — онъ былъ малограмотенъ, — наконецъ, облегченно издохнулъ и перекрестился.

— Слава Богу, — сказалъ онъ, — государь къ намъ милостивъ: требуетъ выбрать лучшихъ людей и прислать ихъ въ Москву на земскій совѣтъ... Ты, Макарычъ, — обратился воевода къ ярыжкѣ, — отведи гонцу избу для ночлега у купца Свиднева. А ты, подъячій, пойдѣ къ соборному протопопу и скажи: воевода завтра будетъ къ обѣднѣ, и чтобъ онъ, протопопъ, готовился прочесть народу указъ государя. Нашшите съ указа побольше списковъ и одинъ дайте протопопу. Да прикажи пройти по городу и выкрикнуть, что принель указъ государя, и чтобъ дворяне, кушцы, мастеровые и всякіе люди шли въ соборъ слушать этотъ указъ; да надо будетъ прочесть указъ народу нѣсколько разъ у воеводской избы, — это сдѣлай ужъ ты, дякъ; да пошли затѣмъ списки указа по селамъ, деревнямъ и помѣстьямъ, чтобъ всѣ тотъ указъ государя слушали и ровно черезъ двѣ недѣли собрались бы въ Курскъ выбирать людей, нужныхъ государю для земскаго совѣта. Поняли все, что я приказалъ? — спросилъ воевода у своихъ подчиненныхъ.

— Чего жъ не понять-то, — сказалъ дякъ, — намъ не въ первый это дѣло. — Собирайте бумаги да по домамъ, — обратился дякъ къ своимъ помощникамъ.

Купцы и подъячій, собравъ разбросанныя по столу бумаги, низко поклонившись воеводѣ и дяку, ушли; за ними вышелъ и воевода со своими помощниками.

* Выборы на соборъ.

На слѣдующій день узнали жители Курска и окрестностей о требованіи царя прислать на земскій соборъ выборныхъ людей.

Взволновала, встревожила весь городъ царская бумага. Раньше, бывало, на улицахъ и не видно почти никого; забьются куряне по своимъ избамъ, и всякій своимъ дѣломъ за-

нимается. До того доходило, что даже и днемъ изъ сосѣднихъ лѣса въ городъ заходили волы, не то, что ночью, тогда ужъ и подавно. А теперь вотъ цѣлую недѣлю толпятся куряне на улицахъ, — то тамъ соберутся, то здѣсь кричатъ, шумятъ: все толкуютъ о томъ, кого бы выбрать и въ Москву послать. Всѣ отказываются отъ выбора, — далекъ путь, надо-го ѣхать—свои дѣла упустить. Часто собирались куряне, судили-рядили, наконецъ, выбрали 7 выборныхъ людей: двухъ изъ кушцовъ и ремесленниковъ; двухъ отъ дворянъ, да одного изъ духовныхъ лицъ и двухъ изъ другихъ званій. Выбрали куряне «излюбленныхъ» людей, дали имъ крѣпкій наказъ, какъ и что говорить въ Москвѣ, на кого жаловаться и чего просить у государя, и отпустили ихъ въ дальній путь-дорогу.

Такъ производились выборы и во многихъ другихъ городахъ, куда пришли грамоты государя о посылкѣ въ Москву выборныхъ людей на соборъ.

Земскій соборъ.

Мрачно, темно въ большой палатѣ царскаго дворца. Мало свѣта проходитъ въ маленькія окна съ разноцвѣтными стеклами. Густой сумракъ стоитъ въ дальнихъ углахъ и за толстыми столбами, что подпираютъ низкій сводчатый потолокъ, чуть-чуть видны на стѣнахъ ярко раскрашенные цвѣты и всякіе узоры и лики святыхъ.

Темно въ палатѣ и душно. Жарко потоплены печи. Палаты биткомъ набиты людьми разныхъ сословій и по разному одѣты. Вотъ, всѣ въ черномъ, съ черными клобуками на головахъ стоятъ и сидятъ духовныя лица. Тутъ же помѣщаются въ богатыхъ одеждахъ, въ мѣховыхъ высокихъ шапкахъ бояре—главные совѣтники государя. Всю остальную комнату занимаютъ съѣхавшіеся изъ многихъ городовъ Россіи выборные люди: дворяне, кушцы, ремесленники и другіе. Ведутъ всѣ себя тихо и важно. И молчатъ. А передъ ними на высокомъ креслѣ въ парчевой богатой одеждѣ, въ царской шапкѣ и съ кресломъ на груди сидитъ самъ царь, а дякъ тутъ же стоитъ на возвышеніи и громкимъ голосомъ читаетъ грамоту. И говорится въ той грамотѣ, что на Русь грозятся напасть сосѣди, съ запада — поляки и шведы, съ юга — татары и турки; требу-

ютъ они уступки земель и денегъ и тогда только обѣщаютъ миръ. Вотъ и спрашиваетъ царь у выборныхъ людей своего царства: начинать ли съ опаснымъ врагомъ войну или мириться съ нимъ? А если воевать, то много людей надобно будетъ; потребуются и большія деньги, и всякіе запасы: хлѣбъ, пушки, порохъ, — и не на одинъ годъ. Пусть же Земскій Соборъ укажетъ, гдѣ взять такіа деньги и многіе запасы для войны, потому что въ казны нѣтъ денегъ. Поэтому пусть выборные люди подумаютъ объ этомъ хорошенько и дадутъ Государю свой совѣтъ письменно, чтобы ему про все то было извѣстно.

Такъ читалъ дьякъ выборнымъ людямъ Московской земли. Когда кончили онъ эти слова, царь всталъ и пошелъ въ свои палаты, а выборные люди земно поклонились ему и разошлись каждый со своимъ чиномъ: дворяне съ дворянами, купцы съ купцами, а духовныя лица съ духовными. И разошлись стали они совѣщаться, каждый чинъ промежъ себя.

Совѣщаются соборные люди, говорятъ о своихъ нуждахъ. Что рѣшать царю отвѣчать, то дьякъ и запишетъ на бумагу, а они подадутъ эту бумагу боярамъ. А бояре собируются въ царскихъ палатахъ на думу съ царемъ.

Слушаютъ царь и бояре эти отвѣты, и невесело становится имъ. Правда, выборные люди всѣ въ одинъ голосъ царю объявляютъ, что они рады биться, не щадя жизни своей, за вѣру христіанскую и за государя. Это и радостно царю, да въ томъ бѣда, что выборные люди на свое разоренье великое слезно жалуются. Плачутся дворяне на то, что разорила ихъ военная служба; мало у нихъ крестьянъ, и землю некому обрабатывать. Жалуются купцы на то, что отъ постоянныхъ податей и сборовъ обнищали многіе изъ нихъ до конца. И крестьяне бѣдствуютъ: разорили ихъ пожары, разбой, высокія подати и разныя повинности государю, и отъ такой, — говорятъ они, — великой бѣдности многіе крестьяне разбрелись во всѣ стороны и домишки свои побросали. А больше всего жалуются всѣ выборные люди на суды неправильныя, на воеводъ-взятчиковъ: донимаютъ народъ эта несправда больше лютыхъ татаръ и другихъ неприятелей. Однако, выборные люди не отказываютъ государю ни въ службѣ, ни въ податяхъ. «Мы заявляемъ тебѣ, государь, о нашихъ бѣдахъ, а ты поступиай, какъ хочешь», говорили выборные на соборахъ.

* Бунтъ Стеньки Разина.

Тяжело жилось русскимъ людямъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Страшныя болѣзни, насилия и несправедливости воеводъ и тяжелыя подати многихъ людей совсѣмъ разорили, а съ нихъ немилосердно требовали податей въ казну и работъ на помѣщиковъ. Отказаться отъ этихъ податей и работъ было нельзя: за отказъ строго наказывали—продавали послѣднее имущество и нещадно били.

Было одно только средство избавиться отъ всего этого: бѣжать къ казакамъ—вольнымъ людямъ, на Донъ или Волгу. Напрасно царь и бояре слали вольнымъ казакамъ грозныя грамоты, требуя отъ нихъ не разбивать и не грабить государевыхъ людей. Напрасно царскія войска пытались разыскать ихъ шайки, чтобы оружіемъ наказать ихъ. Вольные люди искусно прятались въ лѣсахъ и оврагахъ, въ пещерахъ и среди скалъ. Они отлично знали, куда идутъ войска, сколько ихъ и какъ отъ нихъ спрятаться. Привольное казачье житье привлекало къ нимъ много народа, и число казаковъ росло.

Среди казаковъ появился храбрый и удалой молодецъ Стенька Разинъ. Онъ умѣлъ такъ хорошо говорить, что его рѣчи всѣхъ одушевляли: трудно было не послушать его. А онъ всюду, гдѣ только встрѣчалъ людей, призывалъ ихъ къ мятежу.

— Въ Московскомъ государствѣ, — говорилъ онъ, — нездѣ страшная бѣдность, болѣзни, притѣненія, а зато на Москвѣ, у бояръ, какія палаты, какое богатство. И все это взято съ бѣдныхъ, подневольныхъ и голодныхъ. И теперь то же хотятъ сдѣлать съ вольными казаками. Не допустимъ этого, пойдемъ истреблять воеводъ и помѣщиковъ въ городахъ и бояръ въ Москвѣ.

И всѣ, кто слышалъ Разина, поплы за нимъ, все больше и больше увеличивая его силу. Съ своею шайкою Разинъ пришелъ съ Дона на Волгу, и волжскіе вольные люди также присоединились къ нему. Да не одни вольные люди, — цѣлыя города сдавались безъ боя. Бѣдные люди отворяли его войску ворота, и Разинъ почти безъ сопротивленія входилъ въ городъ, казнилъ воеводъ и другихъ начальниковъ, а ихъ войско присоединялъ къ своему. Такъ былъ взятъ городъ Царицынъ. Скоро войска Разина подошли къ Астрахани.

* Взятіе Астрахани.

Вечеромъ воевода города Астрахани обошелъ всѣ городскія стѣны и башни, осмотрѣлъ пушки и боевые запасы, разставилъ по мѣстамъ пушкарей и сторожей, раздалъ стрѣльцамъ запасное оружіе и велѣлъ женамъ стрѣльцовъ кипятить воду, чтобы кипяткомъ обваривать головы казаковъ со стѣнъ, когда они будутъ идти приступомъ на Астрахань.

Надъ городомъ спустились сумерки. И въ городѣ все тихо, хотя никто и не думаетъ спать. Слышится въ темнотѣ какой-то топотъ. Кое-гдѣ неслышно перебѣгаютъ человѣческія тѣни.

— Что это? Видишь? — спрашиваетъ дворянинъ, стоящій на часахъ надъ воротами.

— Гляди, точно лѣсъ двигается и шевелится.

— Вижу, вижу. Это — они. Звони въ колоколь, бей сполохъ (въ набатъ).

И вдругъ въ вечерней тишинѣ раздался звонъ башеннаго колокола. За нимъ другой, третій. Всѣ башни заговорили. Въ городѣ началась тревога. Теперь ясно было видно, какъ къ городу подвигались массы. Воевода выѣхалъ со двора, за нимъ остальные военные люди. Впереди бѣжали холопы съ зажженными факелами и освѣщали путь. Сойдя съ коня, воевода взопелъ на стѣну. Подъ стѣною слышались голоса:

— Давай лѣстницы, подставляй къ стѣнамъ. Дружно, атаманы-молодцы.

— Лей кипяткомъ на головы имъ, окаяннымъ, — закричала воевода. Послышался плескъ воды со стѣнъ. А внизу вдругъ раздается хохотъ:

— Вода-то у васъ, братцы, тепленькая. Не замерзла бы? — слышится внизу.

— И въпрямь вода не горячая. Что за притча. Остыла, что ли? — спрашивали другъ у друга защитники Астрахани.

Между тѣмъ въ другой части стѣны дѣлалось что-то неладное. Тамъ приставленъ былъ сплошной рядъ лѣстницъ, и по нимъ быстро взбирался на стѣну казакъ Разина. Слышенъ былъ шопотъ и сдержанный смѣхъ.

— Давай руку, такъ, такъ, влѣзай.

— Соколки, сюда, сюда, — слышались бабьи голоса,

— мы васъ давно ждемъ.

— А гдѣ батюшка, Степанъ Тимофеевичъ (Разинъ)?

— Ужъ онъ въ городѣ... городъ нашъ.

Астрахань взята была безъ выстрѣла. Оказалось, что и тайнѣ все было подготовлено для приѣма Разина и его войска. Мастеровые, стрѣльцы и холопы — всѣ ждали его, какъ своего спасителя, защитника отъ бояръ, отъ начальства и дворянъ. Они нарочно огудили горячую воду, спустили со стѣнъ лѣстницы и помогли казакамъ взобраться на стѣны. Воевода съ вѣрными ему войсками бросился было на казаковъ, но казаки и мятежники легко справились съ ними и всѣхъ ихъ перебили...

* Усмиреніе бунта.

Сильно взволновались москвичи, когда узнали объ успехахъ Разина. Царь созвалъ къ себѣ въ столовую избу бояръ на думу. Пришелъ и святѣйшій патріархъ съ другими духовными начальниками.

Думаютъ бояре, — есть имъ о чемъ подумать. На нихъ идетъ эта страшная буря, а кто ихъ укроетъ? Отъ воеводъ нѣтъ вѣстей, да и гонцы ихъ всѣ погибаютъ въ пути, — всѣхъ ловить и убиваютъ крамольники. Ходятъ слухи, что всѣ холопы и крестьяне разбѣжались, рѣжутъ, вѣшаютъ господъ, жгутъ боярскія усадьбы; что хлѣба въ поляхъ потоптаны, потравлены или выжжены; что скоро страшный атаманъ, котораго ни пули, ни сабля не берутъ, нагрянетъ въ Москву... Куда дѣваться? Царь спрашиваетъ совѣта у бояръ, но бояре молчатъ. Алексѣй Михайловичъ вопросительно поглядываетъ на святѣйнаго патріарха, — не вразумитъ ли его Господь? Но патріархъ только вздыхаетъ и творитъ молитву.

Вдругъ на крыльцѣ пронесся ропотъ не то изумленія, не то испуга:

— Гонецъ, гонецъ пригналъ! Съ какими вѣстями?

И столовая изба вся встрепенулась, точно шумъ вѣтра прошелъ по ней... Глаза всѣхъ уставлены на дверь...

Гонецъ въ дверяхъ, едва переступаетъ порогъ, онъ блѣденъ, шатается... Бояре его поддерживаютъ. Онъ говоритъ:

— Великій государь, воевода князь Юрій и твои государевы рати вора Стеньку Разина и его полчища разбила на голову... Самого Стеньку казаки выдали твоему воеводѣ...

Крик радости вырвался из сотни грудей. Все крестилось...

Стеньку привезли в Москву и привели на допрос к боярам. Дьяк царя стал его допрашивать, Стенька не отвѣчает. Что ни спрашивали у Разина, — онъ молчитъ. Повели въ застѣнокъ къ пыткамъ. Страшно истязали его, требуя признать свою вину. Стенька какъ-будто не слыпалъ вопросовъ и не чувствовалъ боли. Наконецъ, его казнили на глазахъ всего народа. Въ Москвѣ, на Красной площади, на высокомъ помостѣ Стенькѣ отрубили сначала руки, потомъ ноги и, наконецъ, голову. Вместе съ нимъ казнили и другихъ вожаковъ бунта. Между тѣмъ, царскія войска разгоняли послѣднія казачкія шайки; бѣглыхъ крестьянъ и холоповъ, наказавъ, возвращали къ ихъ прежнимъ господамъ.

Бунтъ на Волгѣ прекратился, и казаки на время затихли.

Присоединеніе Малороссіи.

Трудно было московскимъ людямъ воевать съ западными соседями. И войско, и оружіе были на западъ лучше, чѣмъ у насъ. Однако, царю Алексѣю Михайловичу удалось большое дѣло: — при немъ къ Москвѣ присоединилась цѣлая большая область, — Малороссія.

Малороссія лежала на югѣ, на Днѣпрѣ, тамъ, гдѣ когда-то начиналась русская исторія. Столицей Малороссіи былъ Кіевъ. Но давно уже этой страной завладѣли сосѣди-поляки. Польскіе помѣщики поработили себѣ въ Малороссіи русскихъ крестьянъ, сдѣлали ихъ своими крѣпостными. Польскіе священники старались обратить въ свою вѣру русскихъ людей и притѣсняли православныхъ. Русскимъ тяжело жилось въ этихъ мѣстахъ. Много народа уходило, какъ и на Московскую Русь, къ казакамъ, на Днѣпръ; но поляки добирались и до казаковъ. Тогда казаки начали борьбу съ поляками. Много разъ поднимали они бунты противъ польскихъ помѣщиковъ; но поляки всякій разъ усмиряли казаковъ и жестоко наказывали ихъ. Наконецъ, поднялъ возстаніе казачій гетманъ (атаманъ) Богданъ Хмельницкій; къ нему пристали не только казаки, но и крестьяне, и горожане; на помощь себѣ Хмельницкій нѣсколько разъ призывалъ татаръ изъ Крыма. Но справиться съ Польшей было нелегко; а татары къ тому же часто измѣняли.

Хмельницкій обратился за помощью къ московскому царю. Царь Алексѣй Михайловичъ обѣщаль свою помощь; казаки признали его своимъ царемъ.

Въ одномъ изъ городовъ Малороссіи, Переяславлѣ, собрались казаки во главѣ съ гетманомъ Хмельницкимъ. Сюда пріѣхали бояре, послы отъ московскаго царя. На главной площади устроили общую сходку. Хмельницкій вышелъ впередъ и спросилъ казаковъ, кого хотятъ они признать царемъ. Казаки закричали, что хотятъ царя московскаго. Тогда бояре взяли съ нихъ присягу на вѣрность московскому царю, и Малороссія сдѣлалась московскою страной.

Изъ-за этого пришлось, однако, воевать и съ поляками и со шведами. Поляки не хотѣли отдавать свое владѣніе, а шведы не хотѣли, чтобы вся добыча досталась одной Москвѣ. Война тянулась 13 лѣтъ и кончилась тѣмъ, что поляки вернули себѣ половину Малороссіи; Россія получила другую половину и городъ Кіевъ. Все-таки это было большое пріобрѣтеніе для Москвы.

О томъ, какъ воевали съ поляками казаки, поется въ казачьихъ пѣсняхъ, или думахъ, какъ ихъ называютъ малороссы. Объ удачахъ Хмельницкаго, о его побѣдахъ говорится такъ: «Что это за хмель? — Не тотъ ли это хмель, что около тычинокъ вьется? — То Хмельницкій, что съ ляхами бьется. Высыпалъ хмели изъ мѣха и надѣлалъ ляхамъ лиха». — Въ другой пѣснѣ поется о неудачахъ, когда поляки стали разбивать казаковъ: «Не тотъ это хмель, что на тычинки вьется. Не тотъ это казакъ Хмельницкій, что съ ляхами бьется. — А гдѣ же твои, Хмельницкій, вороные кони? — У поляковъ стоятъ на пригонѣ. — А гдѣ твои, Хмельницкій, кованые возы? — У поляковъ остались, брошены въ лозы». — Когда московскій царь помогъ казакамъ, отвоевалъ ихъ у Польши, — казаки стали пѣть еще такую пѣсню: «Ходитъ ляшекъ по рынку, — сабельку вынимаетъ. — Казакъ ляха не боится, шапки не снимаетъ».

Патріархъ Никонъ.

При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ жилъ знаменитый патріархъ Никонъ. Онъ былъ сынъ крестьянина и отличался большимъ умомъ. Возвысился онъ потому, что былъ начтаны въ священномъ писаніи и умѣлъ говорить прекрасныя про-

повѣди въ церкви. Царь Алексѣй Михайловичъ подружился съ Никономъ, называя его своимъ «особеннымъ другомъ», и позволялъ ему называться «великимъ государемъ», — а такъ назывались только одни цари. Когда Алексѣй Михайловичъ отлучался изъ Москвы на войну, онъ поручалъ Никону править вмѣсто себя государствомъ. Дружба съ царемъ дала Никону громадную власть, большую, чѣмъ власть обыкновенныхъ патріарховъ. Ему повиновались и его боялись не только духовенство, но и знатные бояре. Но скоро многіе стали открыто роптать на Никона и отказывались признавать его патріархомъ, когда онъ сталъ вводить перемѣны въ церковной службѣ. Перемѣны эти состояли въ исправленіи церковныхъ книгъ и нѣкоторыхъ церковныхъ обрядовъ (службъ).

Исправленіе книгъ.

Книги, по которымъ у насъ служатъ въ церкви, были сначала написаны на греческомъ языкѣ. На церковно-славянскій языкъ онѣ были переведены тогда, когда греки стали крестить славянъ. До времени Ивана Грознаго книги эти были не печатными, а рукописными. Считалось богоугоднымъ дѣломъ переписывать книги священнаго писанія; да и выгодно было это занятіе: четко переписанная и хорошо разрисованная книга цѣнилась очень дорого, — сотни рублей на наши деньги. Было много охотниковъ заниматься такимъ дѣломъ. Для многихъ переписка книгъ стала ремесломъ и средствомъ къ жизни, такимъ же, какъ, напримѣръ, сапожничество, земледѣліе, плотничество и т. д.

Переписчики часто бывали большими искусниками: они не только умѣли ясно, красиво и разборчиво писать, но вмѣстѣ съ тѣмъ разрисовывали начальныя буквы такими замысловатыми узорами и яркими красками, что и до сихъ поръ удивляешься, смотря на ихъ искусство. Но при всемъ томъ переписчики были малограмотны и совсѣмъ не учены. Часто они не понимали того, что переписывали. Непонятныя слова они замѣняли такими, которыя казались имъ болѣе ясными. Другіе дѣлали невольныя ошибки, такія же, какія дѣлаютъ теперь школьники, переписывая книги. Ошибокъ становилось все больше и больше, такъ какъ переписчики въ своихъ спискахъ повторяли старыя ошибки и прибавляли новыя.

Не было двухъ книгъ, переписанныхъ одинаково. Въ одной и той же молитвѣ въ разныхъ книгахъ были разные слова. Трудно было рѣшить, какаѣ изъ рукописныхъ книгъ были болѣе правильной. А рѣшить это можно было, сравнивая наши церковныя книги съ греческими. Такъ и сдѣлалъ патріархъ Никонъ. Никонъ поручилъ ученымъ людямъ, знавшимъ греческій языкъ, сличить русскія церковныя книги съ греческими и отыскать въ нихъ и исправить ошибки. Разницы съ греческимъ оказалось много. Русскіе крестились двумя перстами, а греки — тремя; русскіе пѣли «аллилуйя» два раза, а греки — три; русскіе служили обѣдно на семи просфорахъ, а греки — на пяти; русскіе писали Ісусъ, а греки Іисусъ и т. п.

Когда справщики окончили свою работу, Никонъ созвалъ соборъ духовныхъ лицъ. Соборъ этотъ постановилъ отобрать по церквамъ всѣ старыя книги, а вмѣсто нихъ разослать новыя, исправленныя. Никонъ тогда приказалъ писать иконы такъ, чтобы онѣ похожи были на греческія, а всѣ иконы не похожія на греческія, вынести изъ церквей. Иконамъ этимъ прокальвали глаза и зарывали ихъ въ землю.

Расколъ.

Нововведенія Никона оскорбили многихъ русскихъ людей.

— Спасались русскіе угодники по старымъ книгамъ; молились оцы наши и дѣды предъ старыми иконами. Зачѣмъ же Никонъ отвергаетъ теперь старыя книги? Зачѣмъ ругается надъ отеческими иконами? Это — грѣхъ, и патріархъ Никонъ дѣлать этого не долженъ, — роптали русскіе люди на Никона.

— Чѣмъ греческія святыни, греческіе обычаи лучше нашихъ? — съ горечью спрашивали другіе.

И многіе русскіе люди, — духовные и свѣтскіе, — сами не подчинялись Никону и другихъ въ проповѣдяхъ призывали къ тому же. Особенно рѣзко выступилъ противъ Никона священникъ Аввакумъ. Его обличительныя рѣчи раздражали Никона. Былъ созванъ церковный соборъ изъ духовенства, и на немъ отлучили отъ церкви и предали анасемѣ всѣхъ ослушниковъ Никона; а эти ослушники объявляли, что они не считаютъ Никона за патріарха, а тѣхъ, которые слушаются его, не признаютъ за православныхъ христіанъ. Такъ русскіе раскололись на двѣ части: противниковъ Никона стали называть

раскольниками, старообрями, а послушные Никону называли себя православными, а раскольники ихъ называли «никонианами».

Протопопъ Аввакумъ и послѣ этого не унимался. Онъ говорилъ проповѣди въ церкви, служилъ обѣдни въ сараѣ, говоря, что церкви осквернены Никономъ; обличалъ Никона, писалъ царю письма, укоряя его за то, что онъ слушаетъ Никона. За это Аввакума били, бросили въ темницу, посадили его на цѣпь и сослали въ Сибирь. Но Аввакумъ и тамъ продолжалъ свое дѣло, привлекая въ расколъ все больше и больше людей. Наконецъ, Аввакума сожгли на кострѣ. Сожгли и многихъ другихъ раскольниковъ. Этихъ людей старообры считаютъ своими святыми мучениками.

* Городъ Москва.

Лѣтъ 250 назадъ въ лѣтнюю пору къ Москвѣ подъѣзжали въ рогожной кибиткѣ торговый человекъ Демьянъ съ своимъ племянникомъ Никитою, впервые ѣхавшимъ въ Москву. Лошадка втащила кибитку на Поклонную гору, и передъ глазами путешественниками открылась Москва. Было раннее утро. Послѣ дождя, прибившаго пыль, воздухъ былъ особенно чистъ и прозраченъ. Москва разстлалась передъ взоромъ путниковъ, какъ на ладони. На тридцать верстъ раскинулась она въ окружности. Изъ зелени садовъ живописно выступало множество церквей, монастырей и домовъ; особенно ярко бросались въ глаза высокія колокольни, купола и кресты, блиставшіе золотомъ и разноцвѣтными красками. Но надъ всеѣмъ этимъ лѣсомъ строеній царилъ Кремль, окруженный бѣлыми стѣнами и сіявпшій позолотой кремлевскихъ храмовъ. Путники остановили лошадь и съ наслажденіемъ смотрѣли на великолѣпный видъ. Въ это время въ Москвѣ зазвонили въ церквахъ, и колокольные звуки понеслись, теряясь въ бездонномъ пространствѣ лазурнаго неба. Въ Москвѣ тогда насчитывалось до пяти тысячъ колоколовъ, и звонить было много охотниковъ.

— Такъ вотъ она Москва-то бѣлокаменная, — невольно вырвалось у Никиты.

— Погоди, братъ, — сказалъ дядя, — это она издали такъ хороша, а внутри она будетъ похуже. Скоро самъ увидишь.

* Въѣздъ въ Москву.

Отдохнувшая лошадка побѣжала подъ гору рысью, и вѣликии путники скоро очутились въ окраинной части Москвы, называвшейся «Землянымъ городомъ». Путники не увидели здѣсь ничего такого, чему бы они могли удивиться. Улицы, по которымъ они ѣхали, состояли изъ ряда простыхъ бревенчатыхъ избъ, разставленныхъ одна подлѣ другой безъ всякихъ промежутковъ. Въ нѣкоторыхъ избахъ было по два жилья — верхнее и нижнее. Крыши избъ сдѣланы изъ теса, иныя избы были крыты соломомъ, а высокія дымопня трубы сложены изъ досокъ. Дома въ Земляномъ городѣ большею частью строились на скорую руку, почему эта часть Москвы называлась «Скорородомъ». Попадались кое-гдѣ и кирпичныя хоромыны торговаго человека. Ихъ строилъ обыкновенно въ два жилья, съ большими окнами, затворенными желѣзными рѣшетками и съ оконными рамами, въ которыя вставлялась, вмѣсто стекла, слюда или толстыя зеленоватые стекла, въ родѣ бутылочныхъ. Изрѣдка передъ избами стояли березы, но ни садовъ, ни огородовъ не было видно. Улицы были узкія и извилистыя, съ колеями и рытвинами, заросшія травомъ. Мостовой не было. Лѣтомъ, въ сухое время, вѣтеръ поднималъ и гонялъ по нимъ клубы пыли; осенью стояла на нихъ невылазная грязь, а зимою ихъ заносили снѣжные сугробы.

* Бѣлый городъ.

Послѣ долгихъ и частыхъ разспросовъ, Демьянъ съ Никитою добрались до того мѣста, гдѣ жилъ ихъ землякъ. На другой день раннимъ утромъ Никита пошелъ смотрѣть на Москву. Изъ Землянаго города, который окружалъ царскую столицу, Никита перешелъ въ Бѣлый городъ. Здѣсь между простыми постройками начали все чаще встрѣчаться болѣе затѣливыя строенія. Изъ-за высокихъ заборовъ, частоколовъ поднимались тамъ и сямъ крылатыя вѣтряныя мельницы и густыя верхушки деревьевъ: исеия, клена, дуба. То были сады и роцци, окружавшіе деревянныя хоромы съ высокими крутыми крышами. Около такихъ хоромъ были расположены людскія, амбары, баня, сарай, конюшни, погреба и скотные дво-

ры. На многихъ такихъ хоромахъ видѣлись небольшіе деревянные или желѣзные кресты, означавшіе, что здѣсь домовая церковь.

«Видно, здѣсь бояре живутъ», подумалъ Никита. Вдругъ позади него раздался громкій крикъ: «гисъ». Онъ обернулся назадъ и увидѣлъ, что улица во всю ширину занята толпою какихъ-то людей, и пѣшихъ, и конныхъ. Все проѣзжавшіе и проходившіе кидались въ сторону и жались къ домамъ, снимая шапки. Впереди этой толпы бѣжали съ длинными палками въ рукахъ люди, одѣтые въ долгополыя одежды, у нѣкоторыхъ изъ нихъ вмѣсто палокъ были луки. Такіе же люди бѣжали и по обѣимъ сторонамъ поѣзда, размахивая палками и крича «гисъ», т.-е. «беретисъ». Люди эти были боярскіе холопы; они расчищали для своего господина дорогу отъ проходившихъ и проѣзжавшихъ по улицамъ. За толпой холоповъ ѣхали верхомъ, въ кафтанахъ разныхъ цвѣтовъ, въ шапкахъ съ цвѣтными суконными верхами, бѣлые дворяне, служившіе во дворахъ знаменитыхъ бояръ. Они сопровождали своего «милостивца» всюду при его выѣздахъ и были почетною стражею. Самъ бояринъ, въ богатой одеждѣ и высокой шапкѣ, важно ѣхалъ въ колымажѣ, запряженной въ шесть коней гуськомъ; сбруя на коняхъ была украшена блестящими и звонкими бляхами.

* Китай-городъ.

Никита пошелъ дальше и попалъ въ Китай-городъ. Въ этой части Москвы, примыкавшей къ Кремлю, было уже гораздо оживленнѣе, чѣмъ въ Бѣломъ городѣ.

По мѣрѣ приближенія Никиты къ Кремлю, толпа народа, двигавшаяся по улицамъ, все увеличивалась, и когда онъ вошелъ на Красную площадь, то передъ нимъ открылось пространство, наполненное народомъ, и его особенно поразила церковь Василия Блаженнаго своей причудливой постройкой и пестротой красокъ. За церковью Василия Блаженнаго въ то время былъ глубокій ровъ. Въ немъ жили тогда въ несметномъ количествѣ одичавшія собаки, потому что рядомъ со рвомъ былъ рынокъ на Красной площади.

Другой особенностью Красной площади былъ каменный помостъ, въ видѣ возвышенія, называемаго и до нынѣ «Лоб-

ное мѣсто». Въ торжественныхъ случаяхъ, а также при народныхъ смутахъ и бѣдствіяхъ съ него раздавались рѣчи царей, патриарховъ, бояръ или слышалось чтеніе дьяками царскихъ указовъ и боярскихъ приговоровъ; а порою неслись съ высоты Лобнаго мѣста надъ волновавшейся около него толпой буйные возгласы вожаковъ народныхъ смутеній.

Вокругъ Лобнаго мѣста и далѣе по всемъ направлениямъ шель по всей площади оживленный торгъ. Здѣсь стояли палатки и лавки, были разставлены на землѣ лари, короба и лотки, а также шла продажа съ рукъ.

Никита, очутившись въ такой толпѣ, не зная, что ему слушать, на что смотрѣть. Его окружили торговцы и торговки. Кругомъ него раздавались крики, визги и брань. Кто-то слегка дернулъ его за рукавъ. Онъ обернулся и увидѣлъ возлѣ себя безносаго челоуѣка.

— Можетъ, парень, этого хочешь? — таинственно проговорилъ онъ, запуская руку за пазуху своего кафтана и вытаскивая оттуда табакъ, завернутый въ тряпку. (Въ то время строго запрещалось курить и торговать табакемъ.)

— Видно, опять пытокъ захотѣлъ? — проговорилъ громко какой-то прохожій, тормоша безносаго за плечо.

— Не боюсь я пытокъ, — бойко отвѣчалъ продавецъ. — По царскому закону мнѣ отрѣзали носъ за то, что я табакъ нюхалъ и другимъ давалъ. А носъ-то, — шутливо продолжалъ онъ, — у меня былъ только одинъ, такъ теперь-то и рѣзать нечего...

— Носа нѣтъ, такъ кнутомъ выдеруть.

— И его успѣлъ отвѣдать... — поводя спиной, также шутливо отвѣчалъ табачникъ.

Зазывали Никиту и въ палатки, и въ лавочки, изъ которыхъ несли чадъ поджариваемаго масла при печеніи пироговъ, блиновъ и аладей, а также запахъ рыбы. Кабатчики зазывали Никиту почти силой въ кабаки, расположенные по площади.

Побродивъ по Красной площади, Никита перенелъ въ стоявшіе на ней торговые ряды. Ряды были тогда построены въ видѣ прямого сплошного строенія, состоявшаго изъ лавокъ и амбаровъ, съ широкими деревянными навѣсами для защиты отъ солнца, дождя и снѣга. Здѣсь же, въ видѣ узкихъ и низкихъ закоулковъ, были наставлены подвижныя лавочки

и лари. Всѣхъ такихъ рядовъ считалось двадцать. Торговали въ нихъ не только русскіе, но и иностранцы, преимущественно персы и армяне.

Затѣмъ Никита попалъ въ шапочный рядъ. Рядъ этотъ недаромъ назывался «разрыпнымъ», потому что тамъ въ буквальномъ смыслѣ рвали покупателя на части.

Бродя по торговымъ рядамъ, Никита зашелъ и въ «стригольный» рядъ. Здѣсь стригли прямо на улицѣ, и проходъ по всему стригольному ряду былъ постоянно застланъ волосами, какъ толстымъ войлокомъ.

Никита разговорился съ однимъ молодымъ человѣкомъ, который обѣщалъ ему кое-что объяснить по пути, — имъ лежала одна дорога. Когда они переходили Красную площадь, къ нимъ стали приставать какіе-то полупьяные люди. У каждаго изъ нихъ былъ въ рукѣ свертокъ бумаги, перо за ухомъ, а на шеѣ болталась привязанная на веревкѣ, ремнѣ или тесьмѣ чернильница. Нѣкоторые сидѣли на чурбанахъ передъ маленькими столиками; другіе высматривали, куда имъ было поудобнѣе приткнуться. Это были «площадные» подьячіе, писавшіе тутъ же на площади прошенія, жалобы, завѣщанія и другія бумаги. У иныхъ изъ подьячихъ торчала подъ мышкой переплетенная въ кожу книга законовъ. Но большая часть старыхъ подьячихъ такъ хорошо знали законы, что вовсе не заглядывали въ него, а писали на память. Около подьячихъ стоялъ шумъ и гамъ: они отбивали другъ у друга заказчиковъ, ругались и даже дрались на потѣху и посмѣище народа, который подзадоривалъ ихъ.

У Спасскихъ воротъ народъ сперся въ такую плотную толпу, что нельзя было пробраться дальше. Приходилось ждать.

— Эко, народу-то сколько, — проговорилъ Никита.

— Еще бы не быть. Тутъ въ эту пору тысяча пятнадцать, а не то и двадцать пройдетъ.

— Видно, на поклоненіе московскимъ угодникамъ?

— И за тѣмъ ходятъ. Идутъ тоже посмотреть на царскія палаты, а также въ суды по разнымъ судебнымъ дѣламъ.

— Никакъ изъ пицалей (ружей) стрѣляютъ? — издрогнувшись, спросилъ Никита, слышавъ вблизи сухой трескъ выстрѣловъ.

— А нешто не знаешь, что такъ заведено изстари. Стрѣляютъ около царскаго дворца стрѣльцы и тѣмъ пугаютъ коронъ, чтобы онѣ не садились на крыши царскихъ палатъ, — отвѣчалъ спутникъ Никиты. Никита съ интересомъ разглядывалъ Кремль: царскій дворецъ, церкви и кремлевскія стѣны.

Большое каменное зданіе состояло изъ отдѣльныхъ построекъ разной величины, эти отдѣльныя постройки соединялись, однако, въ одно цѣлое, тѣсняясь плотно одна къ другой или возвышаясь другъ надъ другомъ. Каждая отдѣльная постройка отличалась какой-нибудь особенностью: на одной была крыша покатая, въ видѣ скирда, на другой — въ видѣ бочки, на третьей — въ видѣ огромной луковницы, на четвертой — въ видѣ раскинутого шатра, и вдоль заостренной верхушки этого шатра, а также по краямъ его скатовъ шли золоченые высокие гребни. Надъ дворцомъ возвышались маковки и золоченныя, и обитыя блестящей жестию, и облитыя оловомъ съ разными вытиснутыми на немъ узорами. Между этими маковками поднимались башни и башенки то съ ровными, то съ зубчатыми верхушками. Дворецъ казался какою-то пестрою громадою: не только какая-нибудь цѣлая стѣна, но и отдѣльныя ея части были окрашены въ разные цвѣта.

Окна неодинаковой величины были расположены не въ ряду, а въ больномъ беспорядкѣ. Въ однихъ изъ нихъ были вставлены стекла, въ другихъ — слюда, расписанная разными узорами. Въ однихъ окнахъ были золоченныя, въ другихъ — простыя крашенныя желѣзныя рѣшетки. На стѣнамъ видѣлись изображенія двуглавыхъ орловъ, единороговъ, драконовъ и львовъ. Стѣны дворца пестрѣли изображеніемъ травъ, цвѣтовъ, разныхъ птицъ и небывалыхъ на свѣтѣ звѣрей, а также городками и зубчиками. Орлы и единороги, вырѣзанные изъ жести, то раскрашенныя, то позолоченныя, поднимались надъ башнями. Такія же фигурки, вырѣзанныя изъ жести, были разставлены во множествѣ надъ крышами дворцовыхъ строеній.

Во дворецъ съ разстилавшейся передъ нимъ площади вела широкая каменная лѣстница, съ вызолоченными по сторонамъ ея балясами и такою же замыкавшею ее рѣшеткою. Лѣстница эта называлась «Краснымъ крыльцомъ». На ней

въ день прѣзда бояръ къ Государю толпились паредворцы въ парчевыхъ и бархатныхъ одеждахъ, а съ главной ея площадки дьяки прочитывали народу царскіе указы.

*Царскій теремъ.

Очень хотѣлось Никитѣ посмотреть на царскій теремъ внутри, но сдѣлать этого онъ не могъ. Въ царскія палаты пропускали только знатныхъ людей, да и то съ особаго приглашенія царя. Бывавшіе въ царскомъ теремѣ люди такъ описывали его.

Небольшія уютныя хоромы царя освѣщены восковыми свѣчами, вставленными въ стѣнные подсвѣчники. Стѣны и потолки обшиты краснымъ тесомъ и разукрашены тонкой столлярной рѣзбой, а нѣкоторыя обвѣшаны яркими сукнами, атласами и парчею. Полъ устланъ мягкими коврами, а въ стѣнахъ и въ коридорахъ расписанъ красками, какъ шахматная доска и подъ мраморъ. Маленькія изъ слюды окошки красно расписаны. По угламъ хоромъ — жарко натопленныя изразцовыя печи: синія и зеленая, нѣкоторыя изъ нихъ четырехугольныя, другія круглыя. Всѣ онѣ съ низу до верху, по изразцамъ расписаны травами, цвѣтами, людьми, животными и разнымъ узоромъ. На стѣнахъ развѣшаны картины и царскіе портреты. Кругомъ стѣны разставлены лавки, покрытыя шелковыми стегаными подушками. Кое-гдѣ видны между лавокъ нѣмецкіе, польскіе столы съ кривыми рѣзными ножками на львиныхъ лапахъ; всѣ они хитро разрисованы.

Обшириѣ всѣхъ покоевъ — двѣ комнаты царя. Въ одной изъ нихъ царь принималъ бояръ и иноземныхъ пословъ. Въ углу ея, на возвышеніи, стояло большое царское кресло, обтянутое парчею. По стѣнамъ тянулись скамейки, покрытыя сукномъ. Въ другой комнатѣ царь занимался. Эта комната была обставлена богаче. Въ переднемъ углу ея, подъ образами, стояло большое кресло, но не на возвышеніи; передъ кресломъ — большой письменный столъ, покрытый алымъ сукномъ съ золотою бахромою. На столѣ — часы заморской работы, изображающіе всадника въ полномъ вооруженіи, и серебряная чернильница съ песочницей. Вокругъ чернильницы разложены лебяжьи перья, серебряный свистокъ, въ который свистѣлъ царь, когда нужно было позвать, перочинный но-

жикъ, карандаши въ серебряной оправѣ, зубочистка и ухвертка. Далѣе, баночки съ клеємъ: это — вещь очень необходимая, такъ какъ бумага въ то время рѣзалась на столбцы, которые по написаніи подклеивались одинъ подъ другимъ. Возлѣ письменнаго стола — другой маленькій столъ съ шахматной доской и съ ящичкомъ для шахматъ.

По стѣнамъ комнаты, гдѣ нѣтъ лавокъ, стоятъ шкапы съ полками и выдвигаемыми ящичками: въ нихъ хранятся бумаги, письма и любимыя вещи царя, его нарядныя платья, драгоценныя золотыя издѣлія, иноземная монета. Кромѣ того, въ комнатѣ — большая бібліотека со многими книгами, главнымъ образомъ, духовнаго содержанія, да нѣсколько длинныхъ, висячихъ полокъ съ посудой, съ золотыми и серебряными вещами иноземной работы.

Посуда и вещи эти — дары иностранныхъ государей и пословъ. И какихъ только фигуръ здѣсь нѣтъ. Вотъ нѣмка серебряная золоченая; держитъ она въ рукахъ сосудецъ съ крышкою; другая нѣмка съ лоханкою въ рукахъ, третья — съ ведромъ; кубокъ золотой въ видѣ крылатого змѣя; голова змѣя — большой изумрудъ, въ глазахъ яхонтъ, а во рту держитъ змѣй голову человѣчью. Вотъ медвѣдь, вотъ слонъ, корабликъ на колесахъ, — и не перечестъ всѣхъ затѣливыхъ фигуръ.

Съ ранняго утра въ приемной комнатѣ царя толпятся бояре, дворяне и родственники царя, ожидала его выхода. Одѣты они въ длинныхъ до пятъ кафтанахъ изъ голубого, коричневаго и темно-зеленаго сукна. Кафтаны — съ широкими откинутыми назадъ воротниками, унизанными золотомъ и жемчугомъ. Длинные рукава у этихъ кафтановъ, всѣ въ складкахъ, ниспадали до полу. На боярахъ мѣховыя шапки, выпинною въ три четверти аршина, съ небольшой мѣховой опушкою. Нѣкоторые бояре держатъ въ рукахъ широги. Это — именники, напоминающіе о себѣ царю такимъ подношеніемъ.

Но вотъ растворяются двери, и передъ боярами является царь. На головѣ его золотая шапочка съ лисьимъ мѣхомъ, украшенная жемчугомъ и изумрудомъ. На немъ шелковая, зеленого цвѣта одежда; на груди — большой крестъ, усыпанный алмазами. Царя поддерживаютъ подъ руки два ближнихъ боярина. Впереди царя идутъ два рынды (тѣлохранители) — молодые люди въ бѣлыхъ серебрястыхъ одеждахъ до земли. Одной рукой они держатъ топоры, положенные на плечо, въ

другой — свѣчи, которыми освѣщаютъ царю путь. Увидѣвъ государя, вся толпа земно ему кланяется.

Царь милостиво принимаетъ куличи и добрыя пожеланія отъ однихъ, другихъ, провинившихся, сурово обходитъ въ знакъ своей немилости. Нѣкоторые бояре поклонами въ землю благодарятъ царя за оказанныя имъ особыя милости, другіе просятъ назначить ихъ въ воеводы или хлопочуть за своихъ родныхъ и знакомыхъ. И всѣ они стараются превзойти другъ друга въ усердіи поклоновъ. Идущій за государемъ дыкъ записываетъ распорядженія царя.

Послѣ этого царь, сопровождаемый боярами, шествовалъ въ церковь и становился здѣсь на особомъ, возвышенномъ и покрытомъ мѣстѣ, напоминающемъ по своему устройству бесѣдку. Царь былъ богомоленъ. Онъ выстаивалъ въ церкви часъ по пяти и по шести сразу и клалъ по тысячѣ и болѣе земныхъ поклоновъ. Вернувшись отъ обѣдни, царь шелъ въ свои покои и до обѣда рѣшалъ съ боярами разные дѣла. Такъ было въ будни.

Въ праздничные дни царь въ эту пору принималъ высшее духовенство и патріарха, которые приносили царю поздравленіе съ праздникомъ, окропляли святой водой и благословляли крестомъ. Покончивъ съ дѣлами и торжественными пріемами, царь шелъ кушать вмѣстѣ съ приглашенными боярами, духовенствомъ, а иногда и иноземцами. На царскій столъ ежедневно подавалось до семидесяти разныхъ кушаній. Все это разсылалось царемъ заслуженнымъ боярамъ въ видѣ особой милости. Самъ царь принималъ пищу и питье только послѣ того, когда поданное кушанье отвеживалъ царскій стольникъ. Послѣ обѣда царь или ѣхалъ на Дѣвичье поле забавляться соколиной охотой, смотрѣлъ на кулачный бой, или засматывалъ часа на три до вечера. Вечеръ царь проводилъ среди своей семьи и близкихъ людей въ бесѣдахъ и развлеченияхъ.

*Жизнь въ теремахъ царевнъ.

Невесело жилось московскимъ царевнамъ въ ихъ золоченыхъ теремахъ. Онѣ жили въ большей неволѣ, чѣмъ дѣвушки-престолоудинки. Изъ постороннихъ мужчинъ никто не могъ входить въ ихъ терема, кромѣ патріарха, духовника да ближайшихъ пожилыхъ еродниковъ царевнъ. Изъ теремовъ ца-

ревны ходили въ дворцовыя церкви крытыми переходами. Въ церкви царевны становились на особомъ мѣстѣ за занавѣсью изъ цвѣтнаго сукна, черезъ которое онѣ никого не могли видѣть. Рѣдко выѣзжали царевны изъ кремлевскихъ хоромъ на богомолье или на лѣтнее житье въ какое-нибудь подмосковное дворцовое село. Но и во время этихъ переѣздовъ никто не могъ взглянуть на нихъ; царевнѣ обыкновенно возили ночью въ наглухо закрытыхъ каретахъ, съ поднятыми стеклами, а при проѣздѣ черезъ города и селенія стекла задергивались занавѣсками. Царевны не являлись ни на одномъ изъ праздниковъ, бывавшемъ въ царскомъ дворцѣ. Только при погребеніи отца или матери царевны могли идти по улицѣ пѣшкомъ, да и то въ непроницаемыхъ покрывалахъ и заслоненныя по бокамъ суконными полами, которыя со всѣхъ сторонъ несли около нихъ ихъ сѣнныя дѣвушки.

Въ дѣтствѣ царевнѣ холмили и пѣжили; учили кое-какъ читать и писать. Вырастали онѣ, и начиналась для нихъ скучная и однообразная жизнь въ теремахъ: утромъ и вечеромъ — продолжительныя молитвы, потомъ рукодѣлія, чтеніе изъ божественныхъ книгъ, бесѣды со старцами, нищенками и юродивыми. Развлекались онѣ пѣніемъ сѣнныхъ дѣвушекъ да забавами съ шутихами.

Скуки ради заходили иногда царевны въ мастерскую палату, — въ просторную комнату со многими окнами. Здѣсь до 50 женщинъ и дѣвушекъ постоянно шли наряды для царицъ и царевнъ. Въ мастерской можно было насмотрѣться на разныя богатые ткани. Тамъ были парча съ шелковыми узорами, бархатъ, атласъ, тонкіе миткали и кисея. Мастерницы шили не однѣ одежды, — онѣ занимались также шитьемъ церковныхъ облачений, вышивкой золотомъ и шелками плащаницъ и иконъ. Всѣ эти предметы дарились царской семьей въ церкви и монастыри. Здѣсь заготавливались также подарки для европейскихъ государей, для турецкаго султана и крымскаго хана. Вообще въ мастерской шла самая оживленная работа подъ надзоромъ ближнихъ боярынъ и самихъ царицъ.

Заглядывали иногда царевны и въ кладовую. Она была наполнена крашеными сундуками, обитыми бѣлымъ желѣзомъ, и коробами, въ которыхъ были сложены парчевые и бархатные наряды царевнъ, носильное и снальное бѣлье ихъ. Тамъ были тѣлографы — распашное платье, которое спереди

застегивалось пуговками или завязывалось лентами, рукава же тѣлогрѣи не надѣвались на руки, но откидывались назадъ, на спину. Дѣлался онѣ изъ тяжелой шелковой ткани и обшивались золотыми кружевами. Тамъ хранилась также дорогая мѣховая одежда и обувь.

Изъ четырехъ дочерей царя Алексѣя Михайловича только одна царевна Софья не хотѣла подчиниться скучной жизни терема.

Иногда царь позволялъ Софьѣ присутствовать въ своей палатѣ даже во время приѣма иноземныхъ пословъ. Софья часто сбрасывала съ лица покрывало и съ открытымъ лицомъ разговаривала съ боярами и даже иноземцами. Многие порицали Софью за то, что она этимъ нарушаетъ старину. Впрочемъ, не за одно это тогдашнія сплетницы осуждали Софью: порицали ее и за новинки, которыя она ввела у себя въ теремъ. Въ тѣ времена считалось неприличнымъ держать зеркало постоянно открытымъ, поэтому его прятали въ ящикъ, а висѣвшее на стѣнѣ зеркало закрывали сукномъ. Царевна Софья уговорила отца украсить ее комнату большими зеркалами, привезенными изъ-за границы, и оставить ихъ незамѣченными. Перестала также царевна жечь въ своихъ покояхъ ладанъ, замѣнивъ его розовой водою и пахучими порошками, которые сжигались въ серебряныхъ вазахъ. Царь отецъ все позволялъ своей любимицѣ. Особенно ласковъ онъ сталъ къ царевнѣ послѣ того, когда умерла ее мать царица. Новая жена царя Алексѣя Михайловича, царица Наталья Кирилловна, была молода и воспитана совсѣмъ не по-старинному. Она выросла въ домѣ боярина Матвѣева, любимца царя. Матвѣевъ не любилъ русской старины и заводилъ у себя въ домѣ порядки и обстановку нѣмецкую. Домъ его былъ убранъ картинами и часами. Къ Матвѣеву свѣзжались гости для бесѣды, а не для того только, чтобы ѣсть и пить до пьяна, какъ бывало у другихъ бояръ. Жена Матвѣева не была затворницею, выходила къ гостямъ и занимала ихъ разговорами.

Въ этомъ-то домѣ и воспиталась молодая царица Наталья Кирилловна. Поэтому царевна Софья всегда находила въ ней поддержку, когда заводила новшества у себя въ теремѣ, и самъ царь незамѣтно привыкалъ къ этимъ новшествамъ.

*Комедійная хоромина.

Молодая царица Наталья Кирилловна скучала въ царскомъ теремѣ. Живя до замужества въ домѣ Матвѣева, она привыкла къ открытой и веселой жизни; она развлекалась иноземными потѣхами. Самъ царь, бывая у Матвѣева, познакомился съ развлечениями, которыхъ не знали прежніе государи. Царскіе послы рассказывали о тѣхъ забавахъ и комедійныхъ потѣхахъ, которыми тѣшатся иноземные государи. Просьбы жены и царевны Софьи и совѣты Матвѣева заставили Алексѣя Михайловича завести у себя театр. Самъ царь не былъ врагомъ веселья и любилъ себя потѣшить и другимъ доставить удовольствіе.

Завести иноземную потѣху взялся бояринъ Матвѣевъ. У него были свои собственные музыканты, которые теперь должны были играть для увеселенія царской семьи. Недоставало только людей, умѣвшихъ разыгрывать театральныя комедіи. Матвѣевъ сначала пригласилъ нѣмецкихъ актеровъ, которые давали театральныя представленія въ Москвѣ. Они представляли въ лицахъ рассказы изъ священной исторіи. Игра ихъ понравилась царю, и онъ приказалъ завести своихъ актеровъ. Матвѣевъ поручилъ одному нѣмцу обучать русскихъ мальчиковъ «комедійнымъ дѣйствіямъ». Мальчики представляли не только мужчинъ, но и женщинъ. Ихъ наряжали въ военные доспѣхи, въ старинныя платья, такія, какія рисуютъ на иконахъ.

Разыгрывали обыкновенно какую-нибудь исторію изъ священнаго писанія, напримѣръ, бой Давида съ Голиафомъ, комедію о цѣломудренномъ Іосифѣ и Пентефрѣи, жалостную комедію объ Адамѣ и Евѣ.

Такъ, въ комедіи о Давидѣ и Голиафѣ одни актеры изображали еврейское войско, а другіе — войско филистимлянъ. Тѣ и другіе были одѣты въ военные доспѣхи, имѣли копьа и луки. Изъ ряда филистимлянъ выходилъ Голиафъ — громадный человекъ, весь въ оружіи, въ латахъ и шлемѣ. Онъ бранилъ евреевъ, называлъ ихъ трусами и вызывалъ изъ ихъ войска поединщика. Изъ рядовъ евреевъ выходилъ юный Давидъ. Онъ былъ съ одной пращицей. Голиафъ смѣялся надъ еврейскимъ богатыремъ. Давидъ говорилъ, что его сила не въ ору-

жи, а въ Богѣ, и бросалъ въ Голиава камнемъ. Голиавъ падалъ. Давидъ отвязывалъ мечъ Голиава и отрубалъ ему голову. Филистимляне бѣжали. Евреи гнались за ними и били ихъ. Представляли здѣсь и смѣшныя исторіи. Такъ, въ комедіи «Иудеи и Олоферово дѣйство» евреи берутъ въ плѣнъ ассирійца-воина. Надъ нимъ евреи рѣшили посмѣяться. Они объявили, что отрубить Сусакину мечомъ голову. Сусакинъ приготовился къ смерти. Выгнулъ шею, а палачъ ударилъ его не мечомъ, а лисьиимъ хвостомъ. Сусакинъ вообразилъ, что онъ уже убитъ, но продолжаетъ послѣ смерти все видѣть и слышать. Онъ говоритъ: «Я не знаю, что со мною дѣлается. Живъ ли я или мертвъ? Я чувствую, какъ жизнь моя вышла изъ живота въ правую ногу, а изъ ноги въ горло, и душа вышла изъ меня черезъ правое ухо. Однако, я все вижу. Здѣсь мои чулки и башмаки; тамъ — шляпа; здѣсь — кафтанъ и штаны. Только не знаю, гдѣ же моя голова». Онъ вездѣ ищетъ голову и проситъ присутствующихъ отдать ему голову, если кто ее спряталъ.

Эти комедійныя дѣйствія разыгрывались въ особой «Потѣшной палатѣ». Палата эта была построена въ видѣ полу-кружія. Въ концѣ палаты стоялъ высокій помостъ, обитый алымъ сукномъ. По концамъ его были разставлены кудрявыя сосенки и небольшія ели, служившія украшеніемъ и вмѣстѣ обетановкой для игры (декораціей). Передъ помостомъ было устроено особое царское мѣсто съ поставленными на немъ креслами, а за этимъ мѣстомъ находился «тайникъ» (коридорчикъ), часть котораго была заслонена рѣшеткою, изнутри закрытою сукномъ. Смотрѣть можно было только украдкой, приподнимая суконную занавѣску. Въ этомъ тайникѣ было поставлено кресло для царицы, а позади его — сидѣнья для царевны и боярѣ; здѣсь же могли стоять, съ разрѣшенія царицы, боярыни и сѣнныя дѣвушки.

Вдоль стѣнъ были устроены лавки, покрытыя краснымъ сукномъ, — мѣста для боярѣ; за лавками помѣщались служилые люди разныхъ чиновъ, допускаемые въ Потѣшную палату съ разрѣшенія государя. Въ сторонѣ отъ помоста (сцены) на возвышеніи помѣщались музыканты и стоялъ органъ.

Представленія въ палатѣ были очень продолжительныя. По десяти часовъ высиживалъ царь съ своей семьей и бояра-

ми, не отрываясь отъ «комедійныхъ зрѣлищъ» и получая несказанное удовольствіе отъ игры актеровъ.

По удовольствію эти были доступны только для царской семьи да избранныхъ лицъ; остальные москвичи не имѣли доступа въ «комедійную храмину», а другихъ театровъ тогда не было.

*Вербное воскресенье.

Сильно любилась Никитѣ Москва. Ему не сидѣлось въ родномъ городѣ и черезъ два года онъ снова пріѣхалъ въ Москву по торговому дѣлу. Пріѣхалъ онъ наканунѣ Вербнаго воскресенія. Знакомые посоветовали Никитѣ пойти утромъ въ Кремль посмотреть на торжественное «шествіе патріарха на ослинѣ».

Никита чуть свѣтъ пошелъ въ Кремль, а тамъ уже былъ весь городъ. Каждый москвичъ старался стать поближе къ тому мѣсту, гдѣ будетъ проходить крестный ходъ. Послѣ богослуженія народъ валомъ повалилъ изъ церкви на площадь.

Вотъ появились стрѣльцы, которые быстро раздвинули толпу, очистивши свободный путь. Велѣдъ за ними показались дѣти, которые разбрасывали вербу, разстилали попоны и ковры и пѣли: «Осанна въ вышнихъ, благословенъ грядый».

Затѣмъ открылось торжественное зрѣлище. Окруженный боярами и тѣлохранителями, шелъ царь въ богатомъ царскомъ одѣяніи. Онъ велъ въ поводу лошадь, на голову которой была надѣта ослиная маска съ длинными ушами. Лопадь была покрыта богатыми попонами и парчей. На ней возсѣдалъ патріархъ въ блестящемъ облаченіи, благословлявшій народъ. По бокамъ шло въ полномъ облаченіи духовенство, бояре и дворяне. Непрестанно раздавалось пѣніе: «Осанна». Подъ ноги лошади бросали вербу, многіе бросали свою одежду. Медленно и важно двигалось это шествіе среди стѣнъ народа, который падалъ ницъ передъ царемъ и патріархомъ.

Никитѣ разъяснили, что шествіе это совершается въ Москвѣ ежегодно въ воспоминаніе входа Господня въ Иерусалимъ. Хотя и покончилъ Никита на Страстной недѣлѣ свои дѣла въ Москвѣ, но знакомцы уговаривали его остаться на Пасху. Много веселья и развлеченій обѣщали ему, и Никита недаромъ провелъ всю Свѣтлую недѣлю въ Москвѣ.

*Народныя развлечения.

Весна была теплая, сухая и ясная. Звонъ пяти тысячъ колоколовъ непрерывно стоялъ надъ Москвою. Народъ весело проводилъ время на улицѣ. Почти въ каждомъ дворѣ были устроены качели. Черезъ толстый чурбанъ перекладывалась доска. На концахъ ея становились по человѣку и то поднимались, то опускались, часто подскакивая высоко надъ землею. Тутъ же были веревочныя качели. На площадяхъ крутились верчатки, поднимающія сидящихъ въ люлькахъ молодыхъ дѣвицъ и парней. Все это не было новостью для Никиты: такія качели устраивались по всей Руси, были онѣ и въ родномъ городѣ Никиты. Не перевелись онѣ и въ наши дни.

Не были также новостью для Никиты и кулачные бои, которыми потѣшались парни, разбивавшіе себѣ носы и подставлявшіе синяки для своего собственнаго удовольствія.

Съ большимъ интересомъ смотрѣлъ Никита на представленія Петрушки. Смотрѣть ихъ собиралась большая толпа зрителей, особенно дѣтей. Представленія эти давали кукольникъ со своими куклами. На двухъ палкахъ развѣшивалась простыня, закрывавшая руки и голову кукольника. Изъ простыни кукольникъ высовывалъ свои куклы и выставилъ то одну, то нѣсколько куколъ, говоря за нихъ на разные голоса. Сперва является Петрушка съ длиннымъ носомъ. Онъ вретъ всякую чепуху стихами, картавя и гнусая. Затѣмъ показывается цыганъ и предлагаетъ Петрушкѣ лошадь. Петрушка торгуется, покупаетъ лошадь, и цыганъ уходитъ. Петрушка садится на лошадь, но она начинаетъ брыкаться и сбиваетъ Петрушку на землю. Петрушка стонетъ отъ боли. Является докторъ и начинаетъ осматривать Петрушку, причиняя ему боль. Петрушка заводитъ драку съ докторомъ и убиваетъ его палкой. Приходитъ полицейскій, но Петрушка и его избиваетъ палкой. На самого Петрушку нападаетъ собака, кусаетъ его за носъ и обращаетъ въ бѣгство, при смѣхѣ зрителей.

Большое удовольствіе доставляли зрителямъ и медвѣжьи потѣхи. Медвѣдей водили изъ села въ село, изъ города въ городъ такъ же, какъ теперь ходятъ съ обезьянками. Медвѣдя съ дѣтства обучали разнымъ штукамъ и выходкамъ. Ему продѣлали въ ноздри кольцо съ цѣпью, чтобы заставить его слушать-

ся и уклонять въ случаѣ, если Мишка разозлится. Медвѣди подъ звуки гуслей и дудокъ плясали, иногда — съ человѣкомъ, нарядившимся козою; боролись съ жожакомъ. Жожакъ, обращаясь къ Мишкѣ, говорилъ:

— А ну-ка, Мишенька Иванычъ, родомъ бояричъ, ходи да покаживай, говори да поговаривай, да не гнись дугой, словно мѣшокъ тугой. Да ну, повернись, развернись, добрымъ людямъ покажись. Покажи, какъ теща блины пекла да угорѣла, — головушка заболѣла. — И Мишка старался подражать тещѣ.

— А, ну, какъ красныя дѣвицы моются, бѣлятся, румянятся, въ зеркало глядятся да изъ-подъ рученьки женшиковъ выглядываютъ. И Мишка изображалъ дѣвушекъ.

— А ну, какъ малые ребятишки горохъ поровали — тишкомъ, тайкомъ: гдѣ сухо, тамъ брюхомъ, гдѣ мокро, тамъ на колѣнчкахъ. Мишка лезалъ на брюхѣ и ползалъ на колѣнкахъ, изображая маленькихъ воринекъ. Послѣ представленія Мишка бралъ мѣшокъ и ходилъ по толпѣ съ поклономъ, прося заплатить ему за потѣхи.

Продѣлки неуклюжаго Мишки доставляли зрителямъ большое удовольствіе и вызывали смѣхъ. Никита видѣлъ дома медвѣжьи потѣхи, но въ Москвѣ ихъ было больше, и жожаки старались перещеголять другъ друга въ показываніи различныхъ медвѣжьихъ штукъ.

Никита пошелъ на окраину Москвы, въ Земляной городъ. Здѣсь потѣшали народъ веселые люди — скоморохи. Въ смѣшныхъ маскахъ, въ вывернутыхъ на изнанку шубахъ они плясали, кривлялись и балагурили, играя на гусляхъ, дудкахъ и сопѣлкахъ. Никита подошелъ къ скоморохамъ, собравшимъ вокругъ себя особенно большую толпу зрителей. На пригоркѣ стоялъ шатеръ. Изъ шатра вышелъ скоморохъ, наряженный знатнымъ бояриномъ. На немъ была высокая черная шапка изъ дубовой коры. Онъ важно сѣлъ на колоду, подперся въ бока и уродливо надулся, оттопыривъ нижнюю губу. Онъ представлялъ важнаго боярина-воеводу. Двое другихъ скомороховъ, изображавшихъ простой народъ, униженно кланялись ему въ ноги и подносили въ лукошкѣ кучу камней и песку, на которой лежалъ свернутый лопухъ. Этимъ они представляли поднесеніе воеводѣ подарковъ и взятокъ.

— Выслунай, милостивецъ, — говорили они жалобно, смѣшнымъ тономъ, — не побрезгуй нашимъ даромъ.

Сидящій начиналъ ихъ бранить. Такъ выемѣшали скорморохи воеводъ-взыточниковъ.

*Школа.

У насъ теперь стараются завести школу въ каждомъ селѣ; въ городахъ ихъ десятки и сотни. Дѣти учатся въ такихъ школахъ совсѣмъ бесплатно или за самую маленькую плату.

Но такъ было въ старыя времена. Тогда училища были рѣдки даже въ большихъ городахъ. При этомъ не было особыхъ школъ и учителей, какъ въ наше время, а каждый грамотный человѣкъ могъ открыть у себя на дому училище. Чаще всего школы открывались духовными лицами. Учителя сами мало знали и учениковъ своихъ не могли обучить многому. Родители приводили своихъ дѣтей къ учителю и сначала договаривались съ нимъ о платѣ. Договорившись, они били по рукамъ, тутъ же пили магарычъ, и мальчикъ поступалъ въ науку къ учителю. Ученикъ молился Богу, кланялся въ ноги учителю и садился за ученье.

Обученіе азбукѣ давалось нелегко. Вызубривъ азбуку съ ея трудными названіями буквъ — азъ, буки, вѣди, глаголь, добро, есть, живете и т. д., ученикъ приступалъ къ слогамъ или складамъ, сначала изъ двухъ буквъ — согласной и гласной: буки-азъ — ба, буки-иже — би, вѣди-онъ — во; потомъ изъ трехъ буквъ: буки-рцы-азъ — бра, твердо-рцы-еры — ты и т. д. Склады читались обыкновенно велухъ, хоромъ, и шумъ въ школѣ стоялъ отъ этого такой, что за нѣсколько домовъ было слышно.

Научившись складывать изъ слоговъ слова, ученикъ приступалъ къ изученію Часослова. Это дѣлалось очень торжественно. Наканунѣ дома служили молебень. Утромъ передъ отходомъ въ школу родители давали ученику горшокъ каши и деньги въ бумажкѣ. Это онъ долженъ былъ передать учителю.

Часословъ твердили наизусть такъ же, какъ азбуку. По окончаніи Часослова приступали къ вытверживанію Псалтыря, Апостола и другихъ книгъ. За каждую выученную книгу получали съ родителей ученика особую плату. Научившись

бѣгло читать, ученики плохо понимали прочитанное, потому что учителя не объясняли смысла прочитаннаго, не переводили молитвы на русскій языкъ. Это было чтеніе безъ разумѣнія.

Учили въ этихъ школахъ также письму и пѣнію. Нелегко давалась тогда ученикамъ эта грамота, а во многихъ школахъ и такой грамотѣ не обучали. Чаще всего учителя обучали дѣтей съ голоса молитвамъ и церковному чтенію изъ Часослова и Псалтыря и другихъ церковныхъ книгъ. Ученикъ, выучившій на память Часословъ, оставался безграмотнымъ: онъ не могъ читать другія книги, потому что онъ читалъ по памяти, а не разбиралъ по слогамъ и буквамъ, какъ читаютъ въ наше время.

Каждый учебный день ученикъ, входя въ школу, клалъ три поклона передъ образами и кланялся въ ноги учителю. Затѣмъ, усѣвшись на скамью за столъ, онъ начиналъ «повторять задья», т.-е. пройденное вчера. Повторивъ задья нѣсколько разъ, ученикъ принимался разбираться и перечитывать новый урокъ, т.-е. слѣдующія страницы книги, какую изучалъ. Уроковъ на домъ не давали, а проходили ихъ въ классѣ. Учитель вызывалъ учениковъ по очереди. Вызванный выходилъ изъ-за стола, кланялся учителю въ ноги и начиналъ стоя «сказывать» свой урокъ. Если учитель былъ недоволенъ, то приказывалъ ученику отвѣчать урокъ, стоя на колѣняхъ, иногда на гречихѣ и горохѣ.

Нерѣдко ученикъ получалъ подзатыльникъ, а то суровый учитель прохаживался по спинѣ и другимъ мѣстамъ ученическаго тѣла плеткой и розгами, которыя тутъ же висѣли на стѣнѣ, подъ рукою учителя. Въ то время наказанія учениковъ считались неизбѣжными; учителей за битье не осуждали, потому что все думали, что безъ розги невозможно обучить грамотѣ. Розгѣ и ремню писали даже похвалу стихами. Такъ, въ одной учебной книгѣ того времени мы читаемъ:

Розга совсѣмъ здоровью не вредить,
Розга разумъ дѣтямъ въ голову вгоняетъ,
Учить молитвъ и злыхъ всѣхъ стегаетъ.
Розга хотя и бьетъ, но не ломитъ кости,
А дѣтей отучаетъ отъ всякой злости.
Благослови, Боже, тѣ лѣса,

Которые родят хорошія розги, на долги времена;
Цѣлуйте розгу, плеть и жезлъ лобзайте.

Кончивъ занятія, школьники вставали съ своихъ мѣстъ и пѣли хоромъ молитву: «Нынѣ отпуцаеши»... Послѣ молитвы ученики должны были замкнуть на застѣжки свои книги, посмотрѣвъ, не осталось ли въ листахъ указки, и бережно клали книги на полку. Затѣмъ начиналась уборка школы. Ученики выметали соръ, вытирали пыль, выносили лохань съ грязной водой отъ умыванья, приносили свѣжую воду. За порядкомъ наблюдалъ старшій ученикъ, назначенный учителемъ. Окончивъ занятія, ученики шумно расходились по домамъ, какъ это они дѣлаютъ и въ наше время.

Въ праздники ученики приходили въ школу, поздравляли учителя съ праздникомъ и приносили ему дары — по большей части съѣстные принасы, кто что могъ. Учитель бесѣдовалъ съ дѣтьми о праздникѣ, рассказывалъ имъ о святомъ или событіи, въ память котораго былъ праздникъ.

Такъ учились въ древней Руси всѣ, кого отдавали въ школу. Кто хотѣлъ научиться большому, долженъ былъ самъ разыскивать новыя книги.

Но книги въ то время были не для всѣхъ доступны, потому что стоили очень дорого; и всѣ онѣ были, главнымъ образомъ, духовнаго содержанія.

*Нѣмецкая слобода.

При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ въ Москвѣ жило очень много иноземцевъ. Это были солдаты, офицеры и различные мастера. Отъ нихъ русскіе учились военному искусству, а также разнымъ мастерствамъ: лить колокола и пушки, дѣлать изъ желѣза оружіе и разные инструменты.

Многіе иноземцы надолго и даже на всю жизнь поселились въ Москвѣ. Жили они не въ самой Москвѣ, а на ея окраинѣ, въ Нѣмецкой слободѣ, гдѣ теперь Нѣмецкая улица.

Въ слободѣ было много красивыхъ каменныхъ домовъ, иногда въ два-три этажа. Дома имѣли большія свѣтлыя окна и были выѣлены и покрыты красными черепичными крышами. Террасы (крыльца) выходили въ тѣнныя сады и пали-

садники. Здѣсь между плодовыми деревьями и подчищенными дорожками нестрѣли цвѣтники съ красивыми душистыми цвѣтами. Сады и палисады были огорожены узорчатыми рѣшетками.

Въ огородахъ у нѣмцевъ росли такіе овощи и зелень, которые не были вовсе извѣстны москвичамъ. Такъ, напримѣръ, цѣлыя гряды были засѣяны салатомъ, который нѣмцы употребляли въ пищу въ сыромъ видѣ. Русскіе смѣялись надъ ними, говоря, что нѣмцы, какъ коровы, ѣдятъ сырую траву.

Улицы Нѣмецкой слободы были покрыты каменной или деревянной мостовой; по сторонамъ онѣ были окопаны канавками для стока воды; а у самыхъ домовъ возвышались дорожки для пѣшеходовъ, обсаженныя деревьями. Надъ канавками были перекинута красивые мостики.

На улицахъ слободы бывало много народа, особенно въ праздничные дни и по вечерамъ. Здѣсь разъѣзжали всадники въ короткихъ одеждахъ иноземнаго покроя, съ накинутыми поверхъ плащами и въ широкополыхъ шляхахъ. Зажиточные кушцы катались въ расписныхъ каретахъ. По дорожкамъ гуляли иноземцы со своими семействами. Тутъ были и молодые люди въ шелковыхъ чулкахъ и разноцвѣтныхъ кафтанахъ нѣмецкаго покроя; и женщины въ платьяхъ, затѣйливо отдѣланныхъ оборками и бантами, въ шляхахъ съ перьями и лентами.

На прудахъ кавалеры и дамы катались на лодочкахъ. Иногда проходили по слободѣ спѣшившіи къ больному «докторъ» въ узкомъ темномъ костюмѣ съ большимъ бѣлымъ воротникомъ.

Изъ открытыхъ оконъ слышалось пѣніе и звуки музыки. А въ самой Москвѣ въ это время улицы были пусты и безмолвны, такъ какъ подъ вечеръ всѣ жители расходились по домамъ, и жизнь замирала.

Надъ слободой возвышалась обширная каменная церковь, отличавшаяся отъ другихъ домовъ только крестомъ на ея крышѣ. По воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ въ эту церковь сходились на молитву иностранцы по звону колоколовъ; изъ церкви неслись пѣніе и звуки органа.

Церковныхъ ходовъ въ слободѣ не было. По слободѣ изрѣдка важно и медленно шагаль пасторъ въ черной одеждѣ,

съ бѣлымъ длиннымъ воротникомъ и четырехугольной шапкою на головѣ, съ остриженными волосами и гладко выбритымъ лицомъ.

Нѣмцы въ это время имѣли въ своей слободѣ училище, больницу и богадѣльню.

Время Петра Перваго.

Военныя потѣхи Петра.

Петръ Алексѣевичъ былъ самымъ младшимъ сыномъ царя Алексѣя Михайловича. Десяти лѣтъ отъ роду онъ былъ избранъ къ царю послѣ смерти старшаго брата Теодора; но за малолѣтствомъ Петра государствомъ управляла его старшая сестра Софья.

Въ дѣтствѣ Петръ былъ очень живой и бойкій мальчикъ. Онъ любилъ игру, а въ игрушкахъ у него не было недостатка. Въ его комнату приносили лошадокъ въ полной упряжкѣ, коляски и дудки, но особенно нравились Петру военныя игрушки: барабаны, луки со стрѣлами, дѣтскія ружья. Игра въ солдаты была любимой забавой маленькаго Петра. Игралъ Петръ не одинъ: съ нимъ играли его сверстники знатнаго и простаго происхожденія.

Цѣлые дни потѣшался Петръ подѣ Москвой въ селѣ Преображенскомъ со своими товарищами: они стрѣляли изъ ружей и луковъ, играли въ войну и маршировали. Эти дѣтскія войска Петра назывались «потѣшными». Лѣтъ четырнадцати Петръ сталъ заниматься съ своими потѣшными настоящими военными упражненіями: онъ завелъ пушки, ружья, строилъ настоящія крѣпости, которыя разбивали бомбами. Потѣшные, одѣтые въ иноземныя военныя мундиры, ходили по Москвѣ, какъ настоящіе солдаты, съ барабаннымъ боемъ, съ ружьями черезъ плечо. Подѣ деревней Кожухово (недалеко отъ Симона монастыря,) былъ устроенъ настоящій бой. Часть потѣшныхъ изображала русскихъ, другая часть — поляковъ. Полки заступались въ крѣпости, а русскіе напали на нее.

Во время этихъ маневровъ стрѣляли изъ ружей, рубили саблями. Потѣшные разгорячились такъ, что были даже ра-

неные и убитые. Русскіе взяли у поляковъ крѣпость. Изъ этихъ «потѣшныхъ» вышли два гвардейскіихъ полка — Семёновскій и Преображенскій. Это были лучшіе полки въ войскѣ Петра. Въ нихъ радными служили главнымъ образомъ дворяне.

Флотъ.

Петръ въ дѣтствѣ любилъ заглядывать въ кладовыя своихъ родственниковъ. Тамъ часто попадались ему интересныя заморскія вещи, до которыхъ Петръ былъ большой охотникъ.

Въ одномъ абмарѣ ему попалась лодка, какую онъ еще не видалъ.

— Что это? — спросилъ Петръ у нѣмца Тиммермана, который часто объяснялъ Петру разныя иноземныя вещицы.

— Старый иноземный ботикъ (корабликъ).

— А чѣмъ же онъ лучше нашихъ? — спросилъ Петръ.

— А тѣмъ, государь, что онъ ходитъ на парусахъ не только по вѣтру, а и противъ вѣтра.

— Ты умѣешь имъ править?

— Нѣтъ, государь, въ морскомъ дѣлѣ я ненавыченъ.

— А кто же умѣетъ?

— Да Брантъ, который при покойномъ родителѣ твоёмъ корабль строилъ.

Петръ велѣлъ привести Бранта.

Черезъ нѣсколько дней ботъ уже плавно качался на водѣ у берега рѣки Нюзы. Веселый, оживленный, въ костюмѣ голландскаго матроса, Петръ быстро вскочилъ въ ботъ, гдѣ уже сидѣлъ у руля Брантъ и держалъ въ рукахъ паруса.

Ботъ отчалилъ отъ берега. Довольно свѣжій вѣтеръ дулъ внизъ по теченію рѣки. Брантъ сдѣлалъ движеніе рулемъ, и ботъ повернулся носомъ противъ вѣтра. Петръ стоялъ у мачты. Брантъ потянулъ снасти. Парусъ вдругъ надулся въ одну сторону, и ботъ накренился, вотъ опрокинется. Но ботъ, едва не зачерпнувъ воды, стрѣлой понесся противъ вѣтра и противъ теченія. Петръ выпрямился, словно выросъ. Ботъ повернулъ назадъ. Теперь парусъ надулся ровно, прямо, и ботъ летѣлъ, какъ птица. Петръ, держась за мачту, дрожалъ отъ восторга. Отъ быстрого бѣга, при порывѣ вѣтра, ботъ вдругъ ткнулся носомъ въ берегъ. Брантъ справился съ нимъ и по-

вернулъ, но новый порывъ вѣтра налетѣлъ сбоку, и боть ударился носомъ въ другой берегъ.

— Отчего такъ? — тревожно спросилъ Петръ.

— Вода узка, государь, — разгуляться негдѣ.

— А гдѣ можно?

— На морѣ или на озерѣ.

Скоро Петръ катался уже на Переяславскомъ озерѣ, а потомъ и озеро показалось ему тѣсно. Онъ перебрался на Бѣлое море. Но на ботикѣ здѣсь кататься было нельзя; для моря пришлось строить большіе корабли. Не для однихъ прогулокъ служили они. Петръ задумалъ превратить эти корабли въ военную силу такъ же, какъ это онъ сдѣлалъ съ своими «потѣшными». У Россіи были моря, но не было военного флота; безъ кораблей трудно было воевать съ заморскими соседями. Прежде всего пришлось Петру воевать съ турками, отнимать у нихъ Азовъ на Азовскомъ морѣ.

Петръ выстроилъ въ Воронежѣ много кораблей. На нихъ онъ спустился Довою къ морю и отвоевалъ у турокъ городъ Азовъ. Подъ Азовомъ Петръ впервые перешелъ отъ забавъ и прогулокъ съ своими потѣшными къ настоящему военному дѣлу.

Какъ Петръ учился.

Петръ рано началъ обучаться грамотѣ. Учителемъ его былъ дьякъ Зотовъ. Онъ обучалъ Петра, какъ обучали тогда всѣхъ дѣтей въ школахъ. Петръ вытвердилъ азбуку, зубрилъ Часословъ, Псалтирь и учился писать. Писалъ Петръ очень неразборчиво и съ большими ошибками.

Впрочемъ, Зотовъ умѣлъ оживлять скучные уроки. Онъ рассказывалъ Петру исторію его предковъ, показывалъ ему картинки, изображавшія войны и дѣла прежнихъ царей; покупалъ для Петра картинки, изображавшія жизнь иностранцевъ въ Западной Европѣ.

Не всегда Зотовъ могъ давать объясненія на вопросы Петра. Волей-неволей Петру приходилось разспрашивать иностранцевъ, жившихъ въ Нѣмецкой слободѣ.

Петръ скоро сдружился съ этими иностранцами, очень часто самъ ѣздилъ въ Нѣмецкую слободу и проводилъ тамъ время въ развлеченіяхъ, въ разспросахъ и разговорахъ о замор-

ской жизни и дивныхъ вещахъ, какія есть въ другихъ странахъ. Петръ съ любопытствомъ слушалъ этихъ нѣмцевъ, учился у нихъ, чему они только могли его научить. Но чувствовалъ, что въ Москвѣ трудно научиться тому, о чемъ рассказывали нѣмцы; да и захотѣлось Петру своими глазами посмотреть на чужія страны.

Захвативши съ собой нѣсколько молодыхъ москвичей, Петръ отправился за границу въ приморскіе города. Онъ побывалъ въ Голландіи, Англии и въ нѣмецкихъ земляхъ. Всѣмъ интересовался, всему учился и заставлялъ учиться своихъ спутниковъ. Особенно усердно изучалъ Петръ строеніе морскихъ кораблей. Въ одеждѣ простого плотника, съ топоромъ и пилой въ рукахъ онъ усердно работалъ вмѣстѣ съ другими плотниками надъ постройкой корабля. Всѣ иностранцы дивились такому простому и трудолюбивому царю. Толпою окружали они то мѣсто, гдѣ работалъ царь-плотникъ. Это мѣшало Петру, онъ сердился и разъ даже побилъ одного зѣваку при смѣхѣ присутствующихъ.

Очень понравилась Петру жизнь въ Западной Европѣ. Ему захотѣлось и у себя завести все то, что онъ увидѣлъ на Западѣ. Но для этого нужно было многому научить русскихъ. Петръ сталъ посылать ихъ за границу для обученія и вызвалъ въ Россію иностранцевъ еще въ большемъ количествѣ, чѣмъ это дѣлали его предки.

Но больше всего хотѣлось Петру приобрести Балтійское море. Моремъ всего удобнѣе было ѣздить въ Западную Европу и привозить отсюда иностранные товары.

Но берега Балтійскаго моря принадлежали шведамъ. Петръ рѣшилъ отвоевать Балтійское море у шведовъ.

Война со шведами.

Швеція въ то время была самымъ сильнымъ государствомъ. Шведскія войска считались самыми храбрыми и непобѣдимыми во всей Европѣ. Рѣшаясь на войну съ Швеціей, Петръ Великій заключилъ военный союзъ съ Даніей и Польшей противъ шведскаго короля Карла XII. Шведскій король былъ очень юный, государственнымъ дѣлами не занимался, а больше развлекался охотой.

Съ такимъ королемъ нетрудно справиться тремъ госуда-

рямъ, — думалъ Петръ, начиная войну съ Карломъ XII. Но Петръ ошибся. Карлъ оказался очень храбрымъ и умѣлымъ полководцемъ. Не успѣли союзники Петра соединиться, какъ Карлъ неожиданно напалъ на Данію и заставилъ ее сдаться. Въ это время около 35 тысячъ русскаго войска осаждало шведскую крѣпость Нарву. Командовали ими больше иноземцы. Карлъ съ небольшимъ войскомъ скорымъ маршемъ подошелъ къ русской арміи. Была мятель; вѣюга была русскимъ войскамъ прямо въ глаза. Русскіе изъ-за мятели не замѣтили приближенія шведовъ и не разглядѣли того, что ихъ было мало, всего 8 тысячъ человекъ. Быстрое нападеніе шведовъ произвело большой безпорядокъ среди русскіхъ. Ряды русскіхъ смѣшались.

— Спасайтесь, православные, — крикнулъ къ-то.

Все брошено къ мосту, перекинутому черезъ рѣку Нарову. Пушки и ружья, военные запасы, провизія, палатки, обозы — все было брошено. На мосту — ужасающая давка. Кто падалъ, того свои давили ногами. Офицеры смѣшались съ солдатами, лошади съ людьми. Вдругъ обрушился мостъ. Раздались отчаянные крики. Люди падали въ рѣку и запрудили ее живымъ мостомъ; вода вышла изъ береговъ, унося и живыхъ и мертвыхъ къ морю.

А шведы однихъ убивали, другихъ стлкивали съ обрывистаго берега въ бурныя волны, третьихъ захватывали въ плѣнъ и, отнявъ оружіе, гнали назадъ. Одни потѣпные полки Петра (Семеновскій и Преображенскій) упорно и храбро сражались. Но ихъ поколебали другіе бѣжавшіе полки, и они тоже побѣжали. Около 80 офицеровъ было взято въ плѣнъ. До 6 тысячъ погвбло при отступленіи отъ Нарвы къ Новгороду. Но большая часть русскіхъ войскъ сдалась шведамъ, шведамъ достались также пушки, ружья и много добычи.

Карлъ думалъ, что Петръ Великій совсѣмъ разбитъ, и пошелъ на третьяго союзника — польскаго короля.

Полтавская битва.

Тяжело было Петру послѣ Нарвскаго пораженія. Большая часть пушекъ была отнята шведами; лучшія войска разбиты; Петръ видѣлъ, какъ плохо обучены его полки; не было у него и хорошихъ полководцевъ. На счастье Петра и Россіи

Карлъ семь лѣтъ воевалъ съ польскимъ королемъ и далъ русскимъ время оправиться. Петръ тѣмъ временемъ набиралъ новые полки, снабжалъ ихъ новымъ оружіемъ; онъ переливалъ колокола въ пушки. И въ то же время войска обучались военному искусству во время стычекъ со шведами.

Между тѣмъ Карлъ справился съ польскимъ королемъ и пошелъ опять на Петра. На предложеніе мира Карлъ гордо отвѣчалъ, что заключить съ Россіей миръ только въ самой Москвѣ и свергнуть Петра съ престола. Со своими войсками Карлъ двинулся изъ Польши въ Малороссію. Здѣсь казацкій гетманъ Мазепа передался Карлу и обѣщавъ, что къ нему пристанутъ все казаки. Но казаки не пошли за Мазепой; Карлъ напрасно рассчитывалъ на побѣду. Его войска уменьшились отъ походовъ, сраженій и болѣзней; одѣты они были плохо, не сытно кормились, потому что русскіе уничтожали все вокругъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ стояли шведы; а посылаемые изъ Швеціи припасы русскіе перехватывали. Русская армія, наоборотъ, была сыта, хорошо одѣта и вооружена и отдохнула за это время.

Карлъ остановился подъ Полтавой. Сюда же привелъ свои войска и Петръ. Шведскіе генералы совѣтовали Карлу отступить. Войска наши, — говорили они, — утомлены, плохо вооружены и не такъ многочисленны, какъ русскіи. Казаки остались Петру вѣрны. Русскіе заняли лучшія мѣста для боя. У нихъ позади укрѣпленія и продовольствія. У насъ ничего этого нѣтъ.

— Вы правы, — соглашался Карлъ, — но я все-таки не отступлю. — Генералы просили, чтобы Карлъ хотя себя поберегъ; но Карлъ показывалъ свою храбрость, гдѣ нужно и не нужно. Разъ вечеромъ онъ осматривалъ русскія укрѣпленія и слишкомъ близко подѣхалъ къ нимъ. Русская пуля ранила ему ногу. Онъ не могъ самъ ѣздить на конѣ, и его стали носить на носилкахъ.

27 іюня 1709 года начался бой. Въ началѣ шведы тѣснили русскіхъ. Но въ рѣшительную минуту Петръ вывелъ свѣжіе полки, и шведы послѣ пятничасоваго боя побѣжали. Карлъ бѣжалъ въ Турцію. Большая часть его арміи была взята въ плѣнъ.

Петръ послѣ того еще 12 лѣтъ воевалъ со Швеціей и от-
вѣлъ у нея нѣсколько областей по берегамъ Балтійскаго моря.
За эту войну онъ былъ названъ Императоромъ и Великимъ.

Основаніе Петербурга.

Прекрасенъ и обширенъ нынѣшній Петербургъ, съ пря-
мыми и широкими улицами, съ огромными и красивыми дома-
ми, съ чудесными храмами. Много тысячъ народа живетъ въ
немъ. Широкая рѣка Нева катитъ свои волны въ гранитныхъ
берегахъ мимо красивыхъ и громадныхъ зданій. Таковъ Пе-
тербургъ теперь.

Двѣсти лѣтъ назадъ на томъ же мѣстѣ было глухое и
тонкое болото, поросшее кое-гдѣ сосновымъ лѣсомъ и мелкимъ
кустарникомъ. Сырой туманъ висѣлъ надъ этой мѣстностью.
Вѣтры шумѣли въ лѣсахъ, и на рѣкѣ издымались волны.

Жителей въ этой мѣстности было очень мало. На пра-
вомъ берегу Невы было нѣсколько бѣдныхъ финскихъ дере-
вень. Жители занимались рыболовствомъ. Здѣсь недалеко отъ
моря и основалъ свою столицу Петръ и назвалъ ее Санктъ-Пе-
тербургомъ, т.-е. городомъ св. Петра, по имени своего свято-
го. Это было въ 1703 году.

Глухая и заброшенная мѣстность вдругъ оживилась, на-
полнилась народомъ и огласилась стукомъ топоровъ, трескомъ
сваливаемыхъ вѣсковыхъ деревьевъ и шумомъ работы. Живо
пошло дѣло подъ призоромъ самого Царя.

Для работъ сюда были выписаны тысячи рабочихъ со
всей Россіи.

На одномъ изъ острововъ Невы Петръ велѣлъ срубить
себѣ для жилья простую избу. Двѣ комнаты этой избы Петръ
украсилъ, обивъ стѣны холстиной и уставивъ простую ме-
белью и плотничными инструментами.

Петръ, чтобы скорѣе заселить Петербургъ, употреблялъ
всѣ мѣры, — онъ переселялъ сюда цѣлыя деревни и дворян-
скія семьи, приглашалъ своихъ приближенныхъ строиться
здѣсь. Люди ѣхали на болото, вырубали лѣса, расчищали ули-
цы, — и городъ росъ. Постройки были въ большинствѣ слу-
чаевъ деревянныя. Но нерѣдко встрѣчались и каменные па-
латы съ колоннами и большими окнами.

Здѣсь же Петръ построилъ верфи, на которыхъ кора-

бельные мастера дѣлали корабли для Балтійскаго флота. Ско-
ро у Петра образовался здѣсь большой военный флотъ, съ ко-
торымъ онъ разбивалъ шведовъ на морѣ и ѣздилъ въ нѣмец-
кія страны, чтобы показать свое военное могущество. Вме-
стѣ съ военными кораблями близъ Петербурга плавали торговые
корабли и русскіе, и иностранные. Вся Нева у Петербурга
была занята кораблями, и Петръ радовался, видя, какъ ино-
земцы прѣзжаютъ въ его Петербургъ.

*Бороды и одежды.

Петръ возвратился изъ-за границы въ Москву. По ста-
рому обыкновению, знатные бояре явились къ царю на по-
клонѣ въ своихъ долгополыхъ кафтанахъ, съ длинными бо-
родами. Самъ Петръ былъ безъ бороды, въ нѣмецкомъ корот-
комъ платьѣ и парикѣ. Онъ ласково подзывалъ къ себѣ бояръ,
разспрашивалъ ихъ о здоровьѣ, шутилъ съ ними и неожидан-
но рѣзалъ то одному, то другому бороду. Рѣзалъ клочками,
такъ что поневолѣ приходилось боярамъ коротко подстригать
или брить свои бороды. Потомъ Петръ началъ подрѣзывать помы
у боярскихъ кафтановъ. Бояре приходили отъ этого въ ужасъ.
Бороды считались украшеніемъ мужчины, по бородамъ при-
выкли отличать православныхъ отъ иновѣрцевъ — нѣмцевъ;
одежду свою русскіе тоже очень любили, потому что такую
одежду носили ихъ предки.

— Кто стрижетъ бороду и носить нѣмецкую одежду,
тотъ самъ подобенъ нѣмцамъ-еретикамъ, — думали русскіе
люди.

— Государь самъ сталъ похожъ на нѣмца и насъ хотеть
лишить православнаго образа и подобія Божія, — роптали
про себя бояре; но ослушаться Петра не могли.

А Петръ думалъ иначе. Въ нѣмецкомъ короткомъ платьѣ
работать удобнѣе, — говорилъ онъ.

Разъ русскій станеть по виѣшнему виду похожъ на нѣм-
ца, иноземцы не будутъ насмѣхаться надъ русскою одеждою и
бородами, а русскіе не будутъ смотрѣть на иноземцевъ, какъ
на медвѣдей, которыхъ водятъ для потѣхи по улицамъ. Тогда
русскіе охотнѣе будутъ сблизжаться съ нѣмцами и учиться у
нихъ уму-разуму. Петръ, наконецъ, издалъ строгій указъ,
чтобы всѣ москвичи въ три дня побрили себѣ бороды и пере-

одѣлись въ нѣмецкое платье. Только духовные и крестьяне могли носить прежнюю одежду и бороду. Кто не слушался указа, тѣхъ тащили въ полицію и силою брили имъ бороды; если же это были люди богатые, то съ нихъ брали по 200 и 100 рублей штрафа. Портнымъ строго запрещалось шить и продавать платье стараго русскаго покрою. Многие люди открыто роптали на Петра за эти распоряженія. Имъ казалось, что Петръ вмѣстѣ съ бородами и кафтанами хочетъ разрушить православную вѣру и старыя дѣдовскіе обычаи. Многие соглашались скорѣе перенести тяжелое наказаніе, чѣмъ стать похожими на нѣмцевъ.

Засѣданіе Сената при Петрѣ Великомъ.

Было пасмурное зимнее утро. Около 6 часовъ къ большому каменному зданію на одной изъ улицъ Петербурга одна за другой подкатывали громоздкія кареты, запряженныя четверкой и шестеркой лошадей. Изъ каретъ выходили вельможи и, поддерживаемые слугами, важно шествовали въ подъѣздъ дома. Здѣсь они небрежно сбрасывали на руки слугъ свои шубы и оставались въ пышныхъ наудренныхъ парикахъ и въ роскошныхъ французскихъ кафтанахъ, съ лентами черезъ плечо, съ орденами и звѣздами. Оправившись передъ венеціанскимъ зеркаломъ, вельможи величаво поднимались по лѣстницѣ, ведущей въ обширный залъ. Было еще темно, и залъ освѣщался люстрой, съ тускло горящими въ ней сальными свѣчами. Посреди комнаты, подъ самой люстрой, стоялъ длинный столъ, накрытый сукномъ; на столѣ лежали царскіе указы и законы; по краямъ стола противъ стульевъ сѣрѣли листы толстой грубой бумаги и гусинныя перья. У стѣны стоялъ столикъ секретаря. Прибывающіе вельможи занимали мѣста. Начиналось засѣданіе сената.

Петръ мало жилъ въ своихъ столицахъ. Онъ то разъѣзжалъ на своей одноколкѣ по обширной Россіи, посѣщая къ войскамъ, присматривая за сооруженіемъ кораблей, крѣпостей и каналовъ, посѣщая заводы и мастерскія; то уѣзжалъ за границу учиться, заключать союзы, а иногда лечиться. Чтобы управленіе безъ него шло своимъ чередомъ, Петръ учредилъ сенатъ, которому довѣрилъ управлять государствомъ въ свое отсутствіе. Въ сенатъ Петръ назначилъ людей, преданныхъ

ему, уже отличившихся ранѣе своею службою и усердіемъ. Петръ приказалъ повиноваться сенату, какъ самому государю, и грозилъ жестокими наказаніями тому, кто осмѣлился бы ослушаться сената.

Сенаторы обязаны были слѣдить главнымъ образомъ за тѣмъ, чтобы во-время сбирались съ населенія подати, солдаты для арміи и провізія для войскъ.

Вотъ и теперь собрались сенаторы, чтобы обсудить важныя дѣла.

Главный вельможа, которому Петръ поручилъ наблюдать за порядкомъ въ сенатѣ, посмотрѣлъ на песочные часы, показывавшіе 6, и заявилъ, что «пора начинать». Сенаторы заняли свои мѣста. Старшій сенаторъ прочелъ приказъ государя, въ которомъ Петръ писалъ, что войско нуждается въ хлѣбѣ, а доставка хлѣба изъ дальнихъ губерній замедлилась; поэтому царь требовалъ, чтобы сенатъ немедленно приказалъ собрать нужные запасы хлѣба съ ближайшихъ деревень, не смотря на то, что деревни эти уже уплатили причитающійся съ нихъ налогъ.

Окончивъ чтеніе письма Петра, главный сенаторъ сказалъ: «Теперь, господа сенаторы, выскажите ваше мнѣніе». Свѣтлѣйшій князь Меньшиковъ, князь Голицынъ и другіе сенаторы заявили, что воля государя должна быть исполнена: войско голодать не можетъ.

Но вотъ поднялся князь Яковъ Феодоровичъ Долгорукій. — Господа сенаторы! — заговорилъ онъ. — Воля государя для насъ священна; но не забывайте, что мы дали клятву «имѣть о монаршей и государственной пользѣ неусыпную заботу, — доброе поддерживать, и что вредно можетъ быть, то всемирно отвращать». Этого требовалъ отъ насъ самъ государь, когда призвалъ насъ управлять въ его отсутствіе государствомъ, потому я прямо говорю: приказъ государя собрать хлѣбъ съ окрестныхъ деревень мы исполнить не должны, онъ вреденъ для государя. Посудите сами: съ крестьянъ только что собрали большія подати, у нихъ осталось хлѣба только-только, чтобы самимъ пропитаться. Если забрать у нихъ и этотъ послѣдній хлѣбъ, то имъ не миновать помереть съ голоду или такъ разориться, что послѣ совсѣмъ не смогутъ платить подати.

— А развѣ не вредно для государя и государства оста-

вить войско безъ хлѣба, — вдругъ перебилъ Долгорукаго Меньшиковъ.

— Правильно, — поддержали его нѣсколько сенаторовъ.

— Я еще не кончилъ свою рѣчь, — замѣтилъ князь Долгорукій.

— Можешь и не кончать, — сердито сказалъ Меньшиковъ. — Сенаторы встали съ мѣсть и сразу многіе заговорили, размахивая руками. Поднялся шумъ. Никто другъ друга не слушалъ. Главный сенаторъ сталъ успокаивать шумѣвшихъ и, взявши со стола одинъ изъ указовъ, властнымъ голосомъ сказалъ: «Прошу всѣхъ замолчать и не забывать указа государя. Я вамъ прочту его: «Въ засѣданіи сената чтобы лишнихъ словъ и болтовни не было; во время засѣданія слѣдуетъ только о дѣлѣ говорить, другъ друга не перебивать, но дать окончить, и потомъ другому говорить, какъ честнымъ людямъ полагается, а не какъ бабамъ-торговкамъ».

Сенаторы сѣли по мѣстамъ; водворилась тишина, и кн. Як. Ѳ. Долгорукій продолжалъ:

«Господа сенаторы! Вы зашумѣли, не дослушавши меня. Заботясь о крестьянахъ, я не забываю государственныхъ войскъ и согласенъ, что оставлять ихъ голодными не подобаетъ. Я только говорю, что на прокормленіе голодныхъ нельзя брать послѣдній кусокъ хлѣба у бѣдныхъ, когда его можно собрать съ богатыхъ. Въ моихъ житницахъ лежитъ много запаснаго хлѣба; еще больше его находится въ кладовыхъ Меньшикова; да найдутся лишніе запасы и у другихъ сенаторовъ. Вотъ этотъ хлѣбъ мы и пошлемъ государю, а тамъ, гляди, — придутъ запасы изъ дальнихъ губерній, и государь нашей службы не забудетъ»...

Князь Долгорукій умолялъ. Остальные сенаторы, видимо, растерялись. Они чувствовали правду словъ Долгорукаго, но жертвовать отъ своихъ избытковъ имъ не хотѣлось.

— Этого дѣла сейчасъ такъ рѣшить нельзя.

— Объ этомъ надо подумать!

— Просимъ отложить этотъ вопросъ до другого раза, — раздались сразу нѣсколько голосовъ.

Всталъ главный сенаторъ и заявилъ:

«Дѣло это, господа сенаторы, неотложное; мы его должны рѣшить сегодня же».

— Мы просимъ отложить, — раздались снова голоса сенаторовъ.

— Не могу, — сказалъ главный сенаторъ, — я напомню вамъ указъ государя.

Беретъ со стола грамоту и читаетъ:

«По прочтеніи дѣла въ сенатѣ поговорить и подумать полчаса; а если дѣло трудное, и сенаторы будутъ просить отсрочки «для мысли», то отложить до завтра, а на неотложное дѣло прибавить полчаса, часъ, въ крайности до трехъ часовъ; и какъ по песочнымъ часамъ пройдетъ срокъ, тотчасъ подать бумагу и чернила, чтобы каждый сенаторъ записалъ и подписалъ свое мнѣніе». — Вотъ вамъ указъ, а вотъ и мой сказъ: «сейчасъ 7 часовъ, — сказалъ главный сенаторъ, смотря на песочные часы; черезъ часъ, ровно въ восемь, вы должны будете всѣ подать свое мнѣніе». Послѣ этого сенаторы встали со своихъ мѣсть, разбились на группы и стали горячо спорить между собою.

Когда песочные часы показали 8, сенаторы снова заняли свои мѣста и, хотя имъ и не хотѣлось согласиться съ кн. Долгорукимъ, они все же присоединились къ его мнѣнію, зная, что оно справедливо и будетъ угодно государю.

Между тѣмъ курьеръ доложилъ, что пришелъ фабрикантъ Тамсень и нѣсколько кушцовъ, за которыми послать главный сенаторъ съ приказомъ явиться въ сенатъ. Главный сенаторъ сообщилъ товарищамъ, что пригласилъ кушцовъ чтобы съ торговъ дать подрядъ на поставку паруснаго полотна для вновь выстроенныхъ военныхъ кораблей, и велѣлъ ввести кушцовъ.

Меньшиковъ объяснилъ имъ цѣль приглашенія и отъ лица сената предложилъ кушцамъ подать письменное заявленіе, сколько можетъ каждый изъ нихъ доставить полотна и по какой цѣнѣ; при чемъ для написанія заявленія приказалъ разсадить ихъ по разнымъ комнатамъ, чтобы между кушцами не произошло соглашенія.

Черезъ полчаса сенаторы разсматривали заявленія кушцовъ. Подрядъ остался за Тамсеномъ, потому что полотна его фабрики отличались, какъ было извѣстно, особой плотностью, хотя цѣны ихъ были выше сравнительно съ другими. Но Тамсень имѣлъ, кромѣ того, благожелателей среди большинства сенаторовъ, которые не одинъ разъ получали отъ него въ подарокъ прекрасныя издѣлія его фабрики.

Прошло три мѣсяца. Петръ возвратился въ Петербургъ и назначилъ засѣданіе сената у себя въ Лѣтнемъ дворцѣ. Сенаторы поспѣшили собраться всё въ назначенный часъ, такъ какъ Петръ не любилъ опаздывающихъ и отсутствующихъ. Онъ потребовалъ себя на просмотръ дѣла, рѣшенныя сенатомъ въ его отсутствіе. Одни рѣшенія онъ одобрялъ, на другія сердился, называлъ ихъ безпутными, какъ бы въ насмѣшку царю сдѣланными. Особенно сердился онъ на медленность работы сенаторовъ: — «не умѣете вы цѣнить времени; вѣдь пропущенное время — смерти невозвратной подобно; а вы въ своей работѣ уподобляетесь раку».

Когда Петру доложили, что его приказъ о вторичномъ сборѣ хлѣба съ крестьянъ сенатъ не выполнилъ по наставленію кн. Якова Долгорукаго, Петръ сначала вспылить; но подумавши, подошелъ къ Долгорукому и сказалъ: «Вотъ ты больше всёхъ меня бранишь и такъ больно досаждаешь мнѣ своими спорами, что я часто едва не терплю терпѣнія, а какъ разсужу, то и вижу, что ты искренно меня и государство любишь и правду говоришь». Царь съ благодарностью поцѣловалъ князя.

Петръ I на заводѣ и фабрикѣ.

Еще до Петра Великаго русскіе цари заводили у себя разные фабрики и заводы, на которыхъ работали главнымъ образомъ иноземцы, а русскіе отдавались имъ въ обученіе. Но со времени Петра заводы, фабрики и мастерскія стали усиленно развиваться. Царь оказывалъ предпримчивымъ фабрикантамъ покровительство и любилъ мимоѣздомъ завернуть на заводъ и собственноручно на немъ поработать.

На одномъ изъ такихъ заводовъ кипѣла горячая работа. Мастеръ-кузнецъ Гордѣй въ кожаномъ передникѣ и чепчикѣ тридцать рабочихъ-молотобойцевъ изъ приписанныхъ къ заводу крестьянъ стояли у пылающаго горна съ тяжеловѣсными желѣзными молотами.

— Повернуть! — командовалъ Гордѣй, и четверо рабочихъ, ухвативъ громадную желѣзную полосу двумя клещами, повернули ее на другой бокъ. Мѣхи снова загудѣли. Яркій

свѣтъ горна освѣтилъ мрачное помѣщеніе мастерской, въ которой выдѣлилась фигура Гордѣя съ ремешками на головѣ и съ широкой бородой и груша молотобойцевъ съ законченными и кое-гдѣ обожженными лицами и толстыми мускулистыми руками.

Въ это время вбѣжалъ въ мастерскую механикъ англичанинъ и крикнулъ:

«Государь къ намъ жалуетъ!»

Всѣ присутствующіе повернули головы ко входу, гдѣ черезъ минуту, дѣйствительно, показалась уже знакомая Гордѣю высокая фигура царя Петра въ простомъ кафтанѣ Преображенскаго полка, въ треугольной шляпѣ и башмакахъ съ желѣзными пряжками. За царемъ почтительно слѣдовали управляющій завода, мѣстный губернаторъ и комиссаръ, въ парадныхъ мундирахъ, парикахъ и орденахъ. Петръ смѣло ступилъ на черный полъ кузницы и пошелъ, хрустя башмаками по изгарю, густымъ слоемъ лежавшей на земляномъ полу, тогда какъ сопровождающія Петра лица нерѣшительно остановились на порогѣ, боясь зашачкать щегольскіе башмаки и цвѣтные чулки.

— Здорово, ребята, — звучно произнесъ Петръ, приветствуя рабочихъ, которые съ поклономъ разступились, чтобы пропустить царя къ горну.

— А, Гордѣй, здравствуй! Какъ поживаешь, — говорилъ Петръ, подходитъ къ горну и увидѣвъ Гордѣя, который распорядился около совѣсьмъ готовой полосы. — А что полоса-то готова? А ну, вели показывать — я посмотрю.

— Сейчасъ, Государь, — сказалъ Гордѣй и командовалъ:

— Вынимай!

Къ полосѣ подвели двое щипцовъ на цѣпяхъ, подвѣшенныхъ къ потолку, ухватили ее, вытащили изъ горна, и она тихо шипя и прыская искрами, какъ-будто поплыла ослѣпительной полосой по воздуху, направляясь къ огромной наковальнѣ, вокругъ которой выстроились молотобойцы. Концы полосы легъ на наковальню. Гордѣй подошелъ къ ней, вооруженный маленькимъ молоткомъ.

И далъ первый ударъ по тому мѣсту, по которому должны были бить тяжкіе молоты рабочихъ. Тотчасъ начали падать на полосу глухіе удары молотобойцевъ, и за каждымъ ударомъ

сыпались во все стороны обильными искры. При первых ударах молотовъ Петръ не утерпѣлъ. — Дай-ка молотъ, — сказалъ царь одному изъ молотобойцевъ, сталъ на его мѣсто, занесъ молотъ, какъ перышко, и, дождавшись своей очереди, пока подвизывали ему кожаный передникъ, ударилъ въ тактъ съ другими по полосѣ такъ, что искры полетѣли въ разныя стороны.

— Довольно! — командовалъ Гордый. Бухнулъ послѣдній по очереди ударъ царя, и молотобойная музыка прекратилась. Изъ-подъ сбившейся на затылокъ треуголки Петра выбились пряди волосъ, взмокшихъ отъ обильнаго пота; онъ снялъ шляпу и, отдуваясь, отеръ потъ платкомъ. Оглушительное «ура» раздавалось подъ тяжелыми сводами громадной кузницы.

— Государь, — произнесъ растроганный механикъ-англичанинъ, — это дѣло, эту ковку надо записать на золотой доскѣ. Это счастье для кузницы, для всего завода!..

— Э, полно, механикъ, — весело отвѣтилъ Петръ, — больно много пришлось бы досокъ прибавить.

— Сейчасъ я покажу вамъ фабрику, которая не уступитъ вашимъ нѣмецкимъ, — весело говорилъ Петръ герцогу Голштинскому, жениху своей дочери, когда они въ сопровожденіи свиты подъѣзжали къ большому каменному дому на одной изъ улицъ Москвы.

— Фабрика эта, — продолжалъ объяснять Петръ своему гостю, — принадлежитъ предпринимчивому кушу Тамсену. Онъ изготовляетъ не только всякаго рода грубыя полотна, тикъ и нанку, но и такое полотно, которое почти такъ же тонко, какъ голландское.

— Кто же у него работаетъ? — спросилъ герцогъ.

— Сначала мастера были выписаны имъ изъ Голландіи. Но Тамсень достигъ того, что въ короткое время все сиданіе у него за станками рабочіе — русскіе, и что есть даже и русскіе мастера, которые, какъ онъ надѣется, скоро совершенно замѣнятъ ему иностранныхъ.

Въ это время сани, на которыхъ ѣхали царь и герцогъ, вкатили въ обширный дворъ, и съ крыльца раздались звуки трубы. Это хозяинъ, желая выразить радость по поводу пріѣз-

да дорогихъ гостей, пригласилъ трубачей, а самъ съ низкимъ поклономъ встрѣтилъ царя посрединѣ двора.

— А ну, Тамсень, не посрами земли русской — покажи герцогу товаръ лицомъ, — проговорилъ царь, милостиво по-трещывая по спитѣ хозяина.

Гости послѣдовали за Тамсеномъ въ помѣщеніе фабрики, и зашли прежде всего въ прядильное помѣщеніе. Здѣсь прали шерсть дѣвушки, отданныя на прядильню въ наказаніе за разные проступки лѣтъ на 10 и болѣе, а нѣкоторыя и на всю жизнь; между ними было нѣсколько съ вырванными поздравленіями. Въ первой комнатѣ, гдѣ ихъ сидѣло до тридцати изъ самыхъ молодыхъ и хорошенькихъ, было необыкновенно чисто. Все женщины, прывшія одна подлѣ другой вдоль стѣны, были одѣты одинаково и даже очень красиво, именно все онѣ имѣли бѣлыя юбки и бѣлыя камзолы, обшитыя зелеными лентами. Замужнія женщины были въ кичкахъ, сдѣланныхъ у нѣкоторыхъ изъ золотой и серебряной парчи и обшитыхъ галуномъ; а дѣвушки — простоволосыя съ заплетенными косами и съ повязкою изъ ленты или тесьмы. Между ними сидѣла одна дѣвушка, которая служила 7 лѣтъ въ драгунахъ и за то была отдана сюда. По приказанію Тамсена, она сыграла на балалайкѣ, а двѣ другія дѣвушки стали танцовать, прыгать и дѣлать разныя фигуры...

Царь былъ, видимо, доволенъ порядкомъ и чистотой, царившими въ этой комнатѣ.

— А ну, Тамсень, покажи намъ ткацкую.

Въ ткацкую пришлось идти черезъ комнаты, гдѣ расковывалась и разбиралась привезенная изъ Кіева шерсть, съ разводными тамъ по приказу Петра, овецъ особой породы. Въ комнатахъ этихъ не было прежней чистоты; напротивъ, воняло почти нестерпимо. Тамсень постарался поскорѣ вывести высшихъ гостей изъ этой атмосферы. Вопли въ обширное помѣщеніе, раздѣленное тонкими, не доходящими до потолка перегородками. Здѣсь стояло до ста пятидесяти ткацкихъ станковъ, на которыхъ выдѣлывали все сорта полотна, прекрасныя матеріи для скатертей и салфетокъ, тонкій и толстый тикъ, разной ширины простыни, тонкіе канифасы для камзоловъ, цвѣтные носовые платки и множество другихъ подобныхъ вещей.

— Сколько же стоит вамъ содержаніе этой фабрики?
— спросилъ герцогъ.

— До 400 руб. (около 3½ тысячъ) въ мѣсяцъ, — самодовольно отвѣтилъ Тамсенъ.

— А куда вы сбываете товары?

— О, сбывать онъ мастеръ, — отвѣтилъ за Тамсена Петръ.
— Завелъ въ Москвѣ и въ Питерѣ нѣсколько собственныхъ лавокъ и важно торгуетъ; кромѣ того, отпускаетъ большое количество товаровъ за границу, — въ Данію, Польшу и Пруссію. Не желаете ли своихъ голштинцевъ надѣлать его товарами, — очень советую: у меня царица все столовое и нижнее бѣлье имѣетъ съ его фабрики.

— А главный мой благодѣтель и покупатель — это царь, — вмѣшался въ разговоръ Тамсенъ: больше всего приходится выполнять товаровъ на армию и флотъ, гдѣ требуется мой товарецъ не только на рубахи и штаны солдатскіе, но и на паруса. Спасибо батюшкѣ царю, не даетъ работѣ останавливаться.

— Сколько же вы платите рабочимъ, которые сидятъ за станками?

— Русскимъ рабочимъ, по милости царя, ничего не платимъ: къ намъ постоянно приводятъ гулящихъ людей, которые обязаны работать у насъ за хлѣбъ и одежду. Впрочемъ, вонъ въ той комнатѣ сидятъ челоѣкъ тридцать свободныхъ работниковъ, которые ткуть за деньги.

— Высока ли плата?

— Не спрашивайте, — отвѣтилъ за Тамсена Петръ. — Тамсенъ скуповать, и больше даю на содержаніе арестантовъ, чѣмъ онъ своимъ рабочимъ.

Въ это время Тамсенъ отошелъ въ сторону и разговаривалъ съ своимъ управляющимъ.

— Но, государь, — сказалъ тихо герцогъ, — не слишкомъ ли большими льготами надѣляешь ты этого Тамсена, заставляя на него бесплатно работать своихъ подданныхъ?

Петръ на минуту задумался; но потомъ встряхнулъ головой и оживленно заговорилъ:

— Много у насъ желѣзной и мѣдной руды, шерсти, льна и другихъ богатствъ, — а русскій народъ и казна покупаютъ оружіе, косы, ножи, полотна, сукна у иностранцевъ, которые скупаютъ у насъ за безцѣнокъ сырые товары и выдѣланные

изъ нихъ товары намъ же продаютъ по высокой цѣнѣ. Не лучше ли сукна, оружіе и другіе товары выдѣлывать на Русь, не переключивая иностранцамъ лишнихъ денегъ. Для этого я и завожу фабрики и заводы, не жалѣя средствъ и пособій предпримчивымъ людямъ.

Въ это время къ Петру подошелъ Тамсенъ и, низко поклонившись, сказалъ: «Удостою, государь, отвѣдать хлѣба-соли: у меня все готово»...

— Отчего не отвѣдать, — сказалъ Петръ, у котораго всегда была хорошая аппетитъ. И гости пошли съ хозяиномъ въ чистую комнату, гдѣ стоялъ уже накрытый столъ.

Отношеніе современниковъ къ Петру Первому.

Россія при Петрѣ стала сильной державой, къ которой съ уваженіемъ относились другія государства; границы Россіи расширились присоединеніемъ новыхъ земель и морскихъ береговъ. И внутри страны Петръ произвелъ большія измѣненія и улучшенія въ управленіи государствомъ и народнымъ хозяйствомъ и поднялъ просвѣщеніе въ странѣ. Царствованіе Петра представляется намъ теперь славнымъ и яркимъ.

Не такимъ казалось оно для современниковъ Петра. Непрерывныя войны и тяжелыя подати («подушная подать»), истощая народныя силы и средства, вызывали ропотъ у населенія.

«Да, царя далъ намъ Богъ война, — говорили въ народѣ: все бѣ ему воевать! Ужь и то вся чернь отъ войны разорилась: можно бѣ теперь дать людямъ и покой»...

Одинъ разоренный помѣщикъ жаловался во всеуслышаніе: «Теперь спрашиваютъ съ крестьянъ нашихъ подводы, мы и такъ ужъ отъ подвоя, отъ поборовъ и податей разорились. Теперь еще и сухарей спрашиваютъ. Государь совсѣмъ свою землю разорилъ и опустошилъ».

«Мироѣды, — ворчали другіе: — весь міръ переѣлъ, — на него только переводу нѣтъ: только переводить добрыя головы!»

Недовольны были подданные Петра и тѣмъ, что онъ ввелъ иностранныя обычаи и иностранное платье, преслѣдуя непослушныхъ штравами и наказаніями.

«Тяжелыя времена пришли, — жаловались въ народѣ: — теперь по городамъ вездѣ заставы, нашего православнаго

христианина въ городъ въ русскомъ платьѣ не пропускають, бьютъ, мучаютъ и штрафы берутъ».

«Государь нашъ принялъ звѣриный образъ, — говорили другіе: — носить собачьи кудри (т.-е. парикъ) и нарядилъ людей бѣсомъ: подѣлалъ нѣмецкое платье и епанчи богомерзкія».

Роптали русскіе люди на Петра и за то, что онъ постоянно былъ съ иноземцами, давалъ имъ видныя должности и заставлялъ русскихъ людей учиться у иноземцевъ.

Одинъ вищій говорилъ про Петра: «Нѣмцы его обошли... Надъ нами царствуетъ теперь... нѣмецъ».

Всѣ эти рѣчи доходили до Петра, и царь жестоко расправлялся съ своими противниками шутками и казнями.

Народъ ропталъ на жестокость Петра, упрекалъ его за кровожадность.

«Государь съ молодыхъ лѣтъ привыкъ рубить барановъ, а теперь упражняется надъ стрѣльцами, — говорили въ народѣ: — котораго дня государь крови изощетъ, тогда онъ и веселье, а котораго дня не изощетъ, тогда и хлѣбъ ему не ѣстся. Мы за такого государя Богу за здравіе не молимъ»...

Тяжело было народу отъ тѣхъ жертвъ, которыя требовалъ отъ него Петръ во имя блага государства, для будущаго поколѣній народа; нелегко было и Петру съ народомъ, который не понималъ его замысловъ и ропталъ, бунтами отвѣчалъ на возлагаемая на его плечи непосильныя тяжести.

«Видимъ мы всѣ, — писалъ одинъ изъ выдающихся современниковъ Петра (Посошковъ), — видимъ, какъ нашъ монархъ трудится, да ничего не успѣваетъ, потому что пособниковъ ему немного: онъ на гору только самъ-десять тянетъ, а подъ гору миллионы тянутъ»...

Россия послѣ Петра Великаго.

Преемники Петра Великаго.

Послѣ смерти Петра Великаго сначала царствовала его жена, Екатерина I; послѣ нея за короткій промежутокъ времени въ 35 лѣтъ (1727—1762 г.) перемѣнилось пять государей, въ числѣ которыхъ было два внука Петра Великаго, его

племянница Анна Иоанновна и родная дочь Елизавета Петровна.

Это было трудное для Россіи время. Тяжелыя войны съ сосѣдними нагнурями русскій народъ. А тутъ еще приближенные къ государынямъ и малолѣтнимъ государямъ вельможи враждовали между собою, стремясь къ приобрѣтенію большей власти и богатства. Въ управленіи народомъ не было справедливости и милосердія. Особенно мрачную память по себѣ оставило царствованіе Анны Иоанновны.

Крѣпостница на престолѣ.

Объ Аннѣ Иоанновнѣ одна современница писала: Анна «престрашнаго была вида. Отвратное лицо имѣла; такъ была велика, что, когда между гвардейцевъ идетъ, всѣхъ головою выше, и чрезвычайно толста».

И по характеру своему Анна была груба и жестока. Любимымъ ей занятіемъ была охота. Говорятъ, что у Анны во дворцѣ стояло всегда заряженное ружье, изъ котораго она стрѣляла изъ окна въ пролетающихъ птицъ. Въ заведенномъ при Зимнемъ дворцѣ охотничьемъ манежѣ (закрытое помѣщеніе) въ теченіе трехъ мѣсяцевъ было убито 9 оленей, 16 дикихъ козъ, 4 кабана, 1 волкъ, 374 зайца, 68 утокъ и т. д. Охота эта скорѣе походила на бойню. Любимымъ времяпрепровожденіемъ Анны было послѣобѣденное время, когда она вполнѣ становилась собою: въ своемъ свободномъ капотѣ, съ головою, повязанною по крестьянски краснымъ платкомъ, ложилась она на кровать и послѣ часового отдыха, открывъ дверь въ сосѣдную комнату, кричала своимъ придворнымъ женщинамъ, изъ знатныхъ княжескихъ и вельможныхъ семействъ:

«Ну, дѣвки, пойте!»

Анна тѣшилась иногда комедіями, но изъ нихъ наибольшее удовольствіе испытывала она отъ тѣхъ, въ которыхъ потасовки и драки составляли главныя дѣйствія, и своимъ грубымъ хохотомъ Анна поощряла дерущихся артистовъ и придворныхъ шутовъ.

Въ шуткахъ своихъ она превращала вельможекъ изъ знатныхъ княжескихъ домовъ. Князи М. А. Голицына Анна насильно развела съ женою и женила на уродливой камчадалкѣ, при чемъ свадьбу справляли въ домѣ, сдѣланномъ изъ льда.

Одних вельможа долженъ былъ сидѣть на конелкѣ съ ящцами и кудахтать, изображая изъ себя насѣдку.

Придворные частенько испытывали на своемъ лицѣ силу богатырскаго кулака императрицы. Такъ, рассказываютъ, что княгиня Долгорукова, перешедшая въ католичество, была отправлена со всей своею семьей въ ссылку. Прощаясь съ императрицей, княгиня нагнулась, чтобы поцѣловать государынѣ руку; вмѣсто руки для поцѣлуя, Анна дала ей сильнѣйшую пощечину, осыпала ругательствами и прогнала ее со словами: «пошла вонъ, мерзавка!» Пощечинами же Анна принудила свою племянницу Анну Леопольдовну выйти замужъ за ненавистнаго ей человѣка.

Въ царствованіе Анны Иоанновны происходили жесточайшія казни, отличавшіяся своимъ обиліемъ такъ же, какъ и варварскою лютостью. Сравнительно «милостивымъ» наказаніемъ считались при Аннѣ кнутъ, вырваніе ноздрей, уродованіе лица и урѣзаніе языка. Подсудимыхъ сначала жестоко пытали въ застѣнкѣ, откуда они съ окровавленной сивной, вывернутыми руками, едва живые, выводились на эшафотъ, гдѣ имъ постепенно обрубали руки, ноги и голову.

Палачи Анны такъ расправлялись не только съ простолюдинами и съ священниками, забывшими въ царскій день отслужить молебенъ, но также съ вельможами и своими министрами. Вельможамъ она мстила за то, что они хотѣли ограничить ея самодержавную власть.

Еще при Екатеринѣ I, женѣ Петра I-го, былъ образованъ Верховный Тайный Совѣтъ изъ высшихъ сановниковъ и вельможъ государства. Ни одно распоряженіе императрицы не могло пройти безъ одобренія Верховнаго Совѣта.

Послѣ смерти Петра II-го, вельможи, засѣдавшіе въ Верховномъ Совѣтѣ, рѣшили избрать на царство Анну Иоанновну, но потребовали отъ нея еще большаго ограниченія царской власти: Анна должна была подписать грамоту, въ которой обѣщалась безъ Верховнаго Тайнаго Совѣта не начинать войны и не заключать мира, не назначать новыхъ податей, не раздавать высшихъ чиновъ и земель въ награду, не выходить замужъ и т. д. «Если какого изъ этихъ обѣщаній не исполню, — писала Анна, — то лишена буду короны российской».

Грамотой этой не только была недовольна сама Анна, подписавшая ее поневолѣ: большинство дворянъ, генераловъ

и архіереевъ также были недовольны тѣмъ, что власть забирала теперь въ свои руки немногіе вельможи, не желавшіе дѣлиться ею ни съ кѣмъ. Гвардейскіе дворянскіе полки, привыкшіе получать награды отъ царской власти, тоже высказались противъ ограничительной грамоты, и Анна, опираясь на недовольныхъ, разорвала подписанную ею ограничительную грамоту. Ставши самодержавною императрицей, Анна въ теченіе всего своего царствованія мстила ссылками и казнями вельможамъ за ихъ «затѣйку», какъ называли ограничительную грамоту.

На ряду съ вельможами жестокой казни подвергались и министры Анны, навлечавшіе на себя гнѣвъ или подозрѣніе ея любимца, вѣмца Бирона, который управлялъ государствомъ, пользуясь неограниченнымъ довѣріемъ императрицы.

Тяжело становилось отъ Бирона не однимъ вельможамъ и министрамъ. Стремясь обогатиться, пока имѣлъ власть, Биронъ не давалъ льготы и послабленія разореннымъ войнами крестьянамъ, подвергая ихъ жестокимъ наказаніямъ, а имущество ихъ продавъ за недоимки. Доставалось и помѣщикамъ, если ихъ крѣпостные несправно платили подати: недоимки крестьянъ пополнялись изъ имущества помѣщиковъ.

Въ лицѣ Анны Иоанновны на русскомъ престолѣ царствовала женщина съ тишичными чертами крѣпостницы помѣщицы, какихъ было въ это время немало въ разныхъ углахъ крѣпостной Россіи, съ тою разницею, что помѣщики и вельможи тиранили въ это время отданныхъ имъ въ полную власть крестьянъ, а императрица стала такою же крѣпостницею надъ вельможами и помѣщиками.

Ломоносовъ.

При императрицѣ Елизаветѣ, дочери Петра Великаго, появился на Руси первый русскій ученый. Это былъ Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ.

Ломоносовъ былъ сынъ крестьянина Архангельской губерніи. Онъ рано выучился читать и сильно полюбилъ чтеніе.

Мальчику приходилось читать только церковныя книги. Ломоносовъ скоро и хорошо научился читать. Его завистливые сверстники не разъ били его за то, что онъ учился лучше ихъ.

Изъ свѣтскихъ книгъ удалось прочитать Ломоносову толь-

во грамматику и арифметику. Ломоносовъ зачитывался ими такъ, что забывалъ про домашнія дѣла. Отецъ и мать его бранили и называли дармождомъ за то, что онъ читаетъ, а не помогаетъ имъ работать. Но Ломоносовъ не былъ лѣнтивъ, — онъ охотно помогать отцу и цѣлое лѣто проводилъ съ нимъ на Бѣломъ морѣ за рыбной ловлей. Здѣсь Ломоносовъ любовался природой и особенно сѣвернымъ сияніемъ, которое воспринималъ потомъ въ стихахъ.

Когда Ломоносовъ выросъ, отецъ хотѣлъ его женить, но сынъ рѣшилъ поступить иначе. Онъ слышалъ отъ бывалыхъ людей, что въ Москвѣ есть школы, учителя и разныя книги. Тамъ можно научиться многому интересному. Ломоносовъ тайкомъ ушелъ изъ отцовскаго дома и съ обозомъ купцовъ доѣхалъ до Москвы. Въ Москвѣ Ломоносовъ сначала поступилъ въ школу на Сухаревой башиѣ; но въ ней учили мало и плохо. Поэтому Ломоносовъ сталъ просить, чтобы его приняли въ высшую школу — Академію, въ Москвѣ. Крестьяне въ эту школу не принимались; чтобы поступить въ Академію, Ломоносовъ выдалъ себя за поповскаго сына. Ему покровительствовали одни архіереи. — «Не бойся, — говорилъ онъ Ломоносову, — хотя бы всѣ стали называть тебя самозванцемъ, я твой защитникъ».

5 лѣтъ проучился Ломоносовъ въ Москвѣ. Самъ онъ потомъ описывалъ, какъ тяжело ему жилось въ это время. Много заставляло его бросить ученіе. Отецъ писалъ ему: «Ты мой единственный сынъ, оставилъ меня, оставилъ и все имущество, которое я нажилъ для тебя кровавымъ потомъ; теперь это имущество расхищать чужіе».

Въ то же время Ломоносовъ испытывалъ странную бѣдность: ему выдавали 3 копейки на день жалованья, изъ нихъ онъ тратилъ одну копейку на хлѣбъ, другую на квасъ, а третью — на бумагу, обувь и все остальное.

Много огорченій причинили ему школьники. Ломоносовъ поступилъ въ школу, когда ему было лѣтъ 20. Школьники, малые ребята, кричать, бывало, и пальцами указываютъ: «Смотрите, какой болванъ лѣтъ въ 20 пришелъ учиться».

«Такимъ образомъ, — пишетъ Ломоносовъ, — жилъ я пять лѣтъ и науки не оставилъ».

По окончаніи высшей московской школы, Ломоносова послали за границу продолжать ученіе. Мин тому научился тамъ

даровитый Ломоносовъ. Возвратившись въ Россію, онъ не только повторялъ то, что ему сообщили нѣмцы, но пошелъ дальше своихъ учителей — онъ сталъ самъ объяснять природу, дѣлалъ различныя опыты и старался русскихъ обучать тому, что самъ зналъ.

Онъ первый сталъ писать и произносить торжественныя рѣчи. Его стараніями была открыта высшая школа въ Москвѣ — университетъ. Этотъ знаменитый человѣкъ былъ первымъ русскимъ ученымъ, поэтомъ и учителемъ изъ русскихъ. Его знали не только въ Россіи, но и за границей.

Дворъ Императрицы.

Богато были убраны Петербургскіе дворцы, гдѣ жила императрица Екатерина II, вступившая на престолъ послѣ своего мужа Петра III, племянника Елизаветы. Роскошныя ковры, бархаты и шелкъ волнами украшали залы царскихъ дворцовъ. На столахъ и полкахъ были разложены вещи изъ золота и серебра съ драгоценными камнями. По стѣнамъ стояла дорогая мебель. Въ гардеробныхъ шкапахъ помѣщались тысячи платьевъ, принадлежавшихъ императрицѣ. Всѣ эти вещи, украшенія и бездѣлушки выдѣлывались за границей, главнымъ образомъ во Франціи и тамъ покупались за дорогую цѣну.

Дворцы были наполнены придворными императрицы. Здѣсь было множество знатныхъ дамъ въ пышныхъ нарядахъ, украшенныхъ драгоценностями и роскошными кружевами.

Не менѣе роскошно одѣвались придворные мужского пола: бархаты, шелкъ, кружева, перстни, пашудренные парики, все это стоило громадныхъ денегъ. Часто за одинъ такой костюмъ богачи платили большую деревню съ жильемъ, постройкими и крѣпостными. Особенно блистала императрица во время частыхъ баловъ. Во дворецъ собиралась вся знать того времени. Здѣсь были славные полководцы, министры, любимцы государыни, князья, ученые, иностранные посланники. Всѣ говорили на французскомъ языкѣ. Одни весело танцевали, другіе обсуждали государственныя дѣла, третьи сообщали новости и сплетни, четвертые съ важными лицами вели ученые бесѣды. Это были собранія, не похожія на Петровскія ассамблеи. При Петрѣ было все просто и бѣдно;

знатные перемѣшивались съ простыми; теперь вокругъ императрицы толпились только люди, знаменитые своимъ умомъ, образоваіемъ, властью или близостью ко двору. Да и роскоши такой не было при дворѣ Петра.

Между этою сіяющей богатствомъ, весельемъ и довольствомъ толпой появляется императрица одна или со своими приближенными. Всѣ относились къ ней съ глубокимъ почтеніемъ, но не стѣснялись ее и продолжали попрежнему веселиться. Государыня подходила къ гостямъ, вела съ ними бесѣды, иногда выслушивала просьбы, совѣтовалась съ министрами, вела переговоры съ иноземными посланниками. Государыня уходила къ себѣ иногда довольно рано, а гости еще продолжали веселиться часто до глубокой ночи.

СозывъЕкатериною II выборныхъ отъ народа.

Почти 150 лѣтъ тому назадъ въ Москвѣ происходило нѣчто изъ ряда вонъ выходящее. 30 іюля 1767 г. вся Вѣлокаменная была на ногахъ съ ранняго утра. Это былъ день представленія императрицѣ собранныхъ ею со всѣхъ концовъ Руси депутатовъ. Массы всякаго люда чуть не съ восхода солнца заходили въ Кремль, особенно тѣснились у Чудова монастыря и Успенскаго собора. Сюда попадали лишь наиболѣе счастливые и усердные; остальные любопытные цѣлымъ моремъ головъ заливали весь длинный путь отъ стѣнъ Кремля до Головинскаго дворца (у Лефортова), гдѣ остановилась за недѣлю передъ этимъ, вернувшаяся изъ далекаго путешествія на юго-восточныя окраины своего обширнаго государства императрица.

Часу въ шестомъ, въ исходѣ, густая толпа, тѣснившаяся ближе къ дверямъ Чудова монастыря, раздалась, чтобы очистить дорогу участникамъ сегодняшняго торжества, ѣхавшимъ и шедшимъ въ монастырь, назначенный сборнымъ мѣстомъ для нихъ.

Потянулась разношерстная толпа участниковъ праздника: блестящіе петербургскіе сановники смѣнялись невзрачными фигурами свободныхъ крестьянъ; за этими послѣдними сановито выступала могучая фигура сына Сѣчи Запорожской; гордо проходили родовитые дворяне; панью смѣло всходили на крыльцо монастыря забавлявшіе толпу своимъ чуднымъ ви-

домъ дикари далекаго сѣвера и Сибири, а ихъ смѣняли важные бароны Остзейскаго края... Къ семи часамъ утра уже всѣ были въ соборѣ. Два часа спустя почти на другомъ концѣ Москвы толпа неистово восторженно встрѣчала «матушку-императрицу», двинувшуюся торжественнымъ и пышнымъ кортежемъ (поѣздомъ) въ тотъ же Кремль, чтобы тамъ, въ Успенскомъ соборѣ, помолиться объ успѣхахъ великаго дѣла, ею затѣяннаго. Могучей волной переливались восторженные клики москвичей по всему пути императорскаго поѣзда. А поѣздъ оставленъ былъ поразительно пышно. Онъ состоялъ почти изъ двухъ десятковъ парадныхъ экипажей, занятыхъ высшими придворными чинами и сопровождаемыхъ лакеями, гайдуками, арапами, скороходами, одѣтыми въ роскошныя ливреи. Сама императрица ѣхала въ каретѣ, запряженной осьмеркой лошадей и окруженной нѣкоторыми изъ высшихъ придворныхъ чиновъ верхами; весь поѣздъ сопровождался отрядомъ гвардіи. На императрицѣ была пурпурная мантия и малая корона. Въ поѣздѣ участвовалъ и будущій императоръ (Павелъ).

Едва императрица вошла въ Успенскій соборъ, какъ изъ Чудова монастыря длинной вереницей потянулись въ тотъ же соборъ всѣ собравшіеся тамъ; это уже было не безпорядочное движеніе, какъ три часа тому назадъ, а церемониальное шествіе...

Служба кончилась. Императрица съ сыномъ и всей свитой удалилась въ Кремлевскій дворецъ. А пятисотенная толпа представителей свободнаго населенія имперіи тутъ же, въ соборѣ, стала приносить присягу. По принесеніи присяги, всѣ депутаты тѣмъ же порядкомъ направились въ Кремлевскій дворецъ предстать предъ свѣтлыми очми императрицы.

По Дитятину.

Что сдѣлали выборные.

Собравшіеся сюда люди привезли съ собою пожеланія и просьбы населенія, которое ихъ избрало.

Въ этихъ пожеланіяхъ дворяне требовали расширенія своихъ правъ, чтобы ихъ не подвергали тѣлесному наказанію и освободили бы ихъ отъ всякихъ податей. Просили дворяне также и о томъ, чтобы кушамъ и фабрикантамъ запрещено было владѣть крѣпостными и населенными землями. Дворяне

считали только себя въ правѣ владѣть всѣмъ этимъ за военные заслуги свои и своихъ предковъ.

Купцы и фабриканты, въ свою очередь, просили расширить ихъ права и вольности: имъ хотѣлось, чтобы законъ разрѣшилъ имъ владѣть крѣпостными наравнѣ съ дворянами; они требовали также, чтобы дворянамъ и крестьянамъ запретили торговать и заводить свои фабрики, такъ какъ это было невыгодно для купцовъ и фабрикантовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ купечество просило облегчить его отъ податей и тяжелыхъ повинностей.

Привезали свои пожеланія и крестьяне, которые еще не были отданы помѣщикамъ: въ своихъ «наказахъ» они говорили о своихъ мѣстныхъ нуждахъ и тоже просили облегчить ихъ положеніе, уменьшить подати и защитить ихъ отъ обидъ сильныхъ и властныхъ людей.

Всѣ эти просьбы и пожеланія стали читать и обсуждать собравшіеся въ Москву выборные. Сама государыня, хотя и не присутствовала въ засѣданіяхъ, но приказала читать на собраніяхъ свое сочиненіе: «Наказъ», въ которомъ давала собравшимся совѣтъ — замѣнить старые, часто жестокіе законы новыми болѣе мягкими и справедливыми. Совѣтовала она уничтожить пытки, жестокія наказанія, въ родѣ урѣзыванія носа, рукъ и т. д.

Полтора года обсуждали выборные наказания и новые законы. Часто они не могли сговориться между собою, такъ какъ дворяне требовали для себя того, что было невыгодно для купцовъ и фабрикантовъ, а эти послѣдніе своими просьбами нарушали интересы дворянъ.

Когда началась война съ Турціей, государыня распустила выборныхъ по домамъ подъ тѣмъ предлогомъ, что многимъ изъ нихъ нужно было ѣхать на войну, и больше уже ихъ не созывала.

Но выборные собирались не напрасно: государыня изъ ихъ пожеланій и рѣчей узнала о нуждахъ Россіи и въ своемъ законодательствѣ старалась исполнить пожеланія дворянства и купечества, расширяя ихъ права. Дворяне получили особую грамоту, въ которой исполнялись ихъ просьбы о льготахъ и вольностяхъ. Жители городовъ получили право выбирать членовъ городской думы, которая должна была заботиться о благоустройствѣ города. При Екатеринѣ же Россія была раздѣ-

лена на губерніи и уѣзды, которые большею частью сохранились и донныѣ.

Только крѣпостные крестьяне не получили облегченія своей участи.

Войны послѣ Петра Великаго.

Послѣ Петра Великаго русскіе лучше научились воевать. О нихъ знали теперь въ западной Европѣ; разные народы призывали ихъ къ себѣ на помощь. Русскія войска ходили помогать австрійцамъ и французамъ, воевали съ прусскимъ королемъ, занимали его столицу. Потомъ русскіе воевали съ поляками и турками. У поляковъ они отобрали большую часть ихъ владѣній; остальное взяли себѣ австрійцы и пруссаки; такъ что сама Польша перестала существовать. У турокъ русскіе отняли сѣверные берега Чернаго моря и Крымъ. При этомъ русскіе одерживали блестящія побѣды. Они умѣли теперь побѣждать и сильнѣйшаго врага. Въ одной битвѣ съ турками русскихъ было въ десять разъ меньше, чѣмъ турокъ и, однако, русскіе разбили турокъ. Въ другой разъ, русскій генералъ Суворовъ съ малыми силами взялъ неприступную турецкую крѣпость Измаилъ. Этой побѣдѣ дивились вездѣ въ Европѣ.

Таковы были русскія побѣды при царицѣ Екатеринѣ II. При ея сынѣ, императорѣ Павлѣ, русскимъ пришлось воевать съ французами. Во Франціи въ то время происходила революція. Этимъ хотѣли воспользоваться сосѣди. Съ разныхъ сторонъ напали они на Францію. Но французы сумѣли отразить враговъ и сами вторглись въ ихъ земли. Цѣлыя страны были покорены французами. Опасность грозила и остальной Европѣ. Тогда нѣсколько державъ составили союзъ, чтобы общими силами побѣдить французовъ и положить конецъ ихъ завесаніямъ. Къ этому союзу они звали и русскихъ. Австрійскій императоръ просилъ русскаго царя прислать ему на помощь русскія войска и во главѣ ихъ Суворова.

Суворовъ.

Суворовъ былъ замѣчательный полководецъ. Онъ ни разу никѣмъ не былъ побѣжденъ. Никакой врагъ не казался ему страшенъ. Смѣло водилъ онъ своихъ солдатъ на бой, бросая

съ ними въ штыки, съ малыми силами прогонялъ сильнѣйшаго врага, бралъ неприступныя крѣпости, не позволялъ солдатамъ отступать, обращаться въ бѣгство. Солдаты обожали Суворова. Онъ жилъ, какъ простой солдатъ. Спалъ на снѣгѣ, вставалъ на разсвѣтѣ, въ 8 часовъ утра уже обѣдалъ, и ѣлъ то же, что и солдаты. Въ бою и на походѣ Суворовъ ходилъ въ простой рубахѣ, самъ училъ солдатъ, шутилъ съ ними, какъ съ равными, пѣлъ съ ними пѣсни.

Когда Суворову пришлось воевать съ французами, онъ былъ уже совсѣмъ старикъ, подъ 70 лѣтъ. Жилъ онъ въ своемъ имѣннн. Тутъ онъ, отъ нечего дѣлать, звонилъ къ обѣднѣ, читалъ въ церкви Апостола, бѣгалъ въ деревенскими ребятишками, игралъ съ ними въ бабки. Царь Павелъ призвалъ Суворова въ Петербургъ и велѣлъ ему ѣхать съ войсками за границу. Австрійскій императоръ отдалъ ему подъ начальство свои войска. Вся союзная армія была подчинена Суворову. Съ этими войсками онъ пошелъ въ Италію, чтобы очистить ее отъ французскихъ войскъ.

Суворовъ въ Италіи.

Въ Италіи Суворовъ воевалъ такъ же удачно, какъ и всюду. Онъ бралъ у французовъ крѣпость за крѣпостью, три раза разбилъ французовъ и въ полтора мѣсяца очистилъ отъ нихъ всю сѣверную Италію. Случилось одинъ разъ, что французы начали одолѣвать, и русскія войска отступали. Суворовъ слѣдилъ за битвой, лежа у дороги и прислонившись къ большому камню. Была страшная жара. Суворовъ былъ въ одной рубахѣ; какъ былъ въ одной рубахѣ, вскочилъ онъ на коня и бросился за отступающими. «Заманивай, ребята, заманивай врага, пибче, бѣгомъ!» — кричалъ онъ имъ, какъ-будто они заманивали врага, а не отступали. «Молодцы, ребята, спасибо, что догадались». Потомъ вдругъ остановилъ ихъ и закричалъ: «Теперь пора назадъ, ребята, и хорошенько ихъ!» Солдаты бросились въ штыки и одолѣли.

Такъ воевалъ въ Италіи Суворовъ. Своими русскими солдатами онъ былъ доволенъ, называлъ ихъ «чудо-богатырями». Слава самого Суворова гремѣла по всей Европѣ. Во всѣхъ городахъ Италіи его встрѣчали съ почестями, служили молебны, устраивали празднества. Оба императора, русскій и австрій-

скій, осыпали Суворова своими наградами. Русскій государь возвелъ его въ князья и велѣлъ войскамъ отдавать ему царскія почести. Иноземные государи называли Суворова своимъ братомъ.

Изъ Италіи Суворовъ долженъ былъ идти въ Швейцарію, очищать ее отъ французовъ. Австрійскія войска не пошли съ нимъ; тамъ ждали его русскія войска, заранѣе туда отправленные. Къ нимъ на подмогу и долженъ былъ идти Суворовъ.

Швейцарскій походъ Суворова.

Чтобы пройти изъ Италіи въ Швейцарію, Суворову надо было перейти черезъ Альпы. Это — горы, самыя высокія во всей Европѣ, съ неприступными вершинами, крутыми спусками и подъемами, бездонными пропастями и ущельями. Къ тому же была осень, холодъ, туманы, лили дожди. Суворовъ дѣлилъ съ солдатами всѣ тягости и опасности перехода, то шелъ пѣшкомъ, то ѣхалъ на казацкой лошади, въ простой плащъ и накрывшись легкимъ плащомъ. Въ рукахъ у него была только нагайка.

Всего труднѣе было пройти въ одномъ мѣстѣ, гдѣ изъ прохода въ горѣ русскіе прямо выпли къ рѣкѣ, бурлившей въ узкомъ ущельѣ, и надо было перейти черезъ рѣку. На большой высотѣ, надъ этимъ ущельемъ, былъ перекинутъ мостъ; его называли Чортовымъ мостомъ. За этимъ мостомъ засѣли французы, и какъ только русскіе показались у моста, ихъ осыпали пулями и ядрами. Суворовъ послалъ часть своихъ войскъ въ обходъ; имъ пришлось перейти рѣку въ бродъ и векарабаться на той сторонѣ на крутой берегъ. Тогда французы бросили мостъ и отступили, но при этомъ разрушили цѣлую половину моста. Русскіе бросились за ними въ штыки, но на серединѣ моста остановились: дальше былъ провалъ. Тогда солдаты, бывшіе на томъ берегу, разорили какой-то сарай, притащили досокъ и бревенъ и замостили провалъ на мосту. Офицеры связали доски и бревна своими шарфами. Только такъ можно было перейти черезъ Чортовъ мостъ.

○ Такъ перешли русскіе черезъ Альпы. 16 дней длился этотъ переходъ. Когда Суворовъ перешелъ въ Швейцарію, у него оставалось всего 18.000 человекъ. Не было ни пушекъ, ни съѣстныхъ припасовъ. А въ Швейцаріи были тѣ же горы, тѣ же непроходимыя горныя тропинки. Приходилось опять

карабкаться по кручамъ, обледевшимъ отъ наступившихъ морозовъ, висеть надъ пропастями. Итти приходилось гуськомъ. Мѣстами всякая тропинка пропала. Лошади то и дѣло срывались въ пропасть, и люди — также. Обувь пришла въ ужасный видъ, подошвы отвалились, а камни такъ и сыпались изъ-подъ ногъ. Иной разъ ничего не оставалось, какъ съѣсть на землю и прямо катиться внизъ.

Когда Суворовъ вступилъ въ Швейцарію, онъ узналъ, что ждавшія его русскія войска разбиты уже французами и отступили. Суворовъ остался одинъ со своимъ небольшимъ и утомленнымъ войскомъ. Подмоги нигде было ждать, а французы окружали со всѣхъ сторонъ. Они уже думали, что вот-вотъ возьмутъ въ плѣнъ всю русскую армію и самого Суворова. Но и на этотъ разъ Суворовъ не былъ побѣжденъ. Онъ отбилъ нападеніе французовъ, отразилъ ихъ такъ, что они долго не могли притти въ себя.

17 дней длился переходъ по горамъ Швейцаріи. Третья часть всей русской арміи погибла. Но съ остальными войсками Суворовъ все же выбрался изъ горъ и ушелъ отъ французовъ. Императоръ Павелъ прислалъ ему званіе генералиссимуса русскихъ войскъ и писалъ ему, что онъ теперь побѣдилъ самую природу.

Это былъ послѣдній походъ Суворова. Вскорѣ по возвращеніи въ Россію онъ умеръ.

Какъ жили раньше дворяне-помѣщики.

Въ XVIII вѣкѣ русское дворянство освободилось отъ обязательной службы. Дворянамъ было разрѣшено служить или не служить, по ихъ желанію. Послѣ этого многіе дворяне стали выходить въ отставку и уѣзжать въ свои имѣнія.

Беззаботно и весело жили богатые дворяне въ своихъ имѣніяхъ. На нихъ работали крѣпостные, жившіе на ихъ землѣ. Они воздѣлывали ихъ землю, вырабатывали всѣ предметы, необходимые для домашняго обихода, доставляли имъ деньги. Вотъ какъ рассказываетъ поэтъ Некрасовъ устами помѣщика о привольномъ дворянскомъ житьѣ въ крѣпостное время:

... Жили мы,
Какъ у Христа за пазухой,
И знали мы почетъ.

Не только люди русскіе, —
Сама природа русская
Покорствовалась намъ.
Бывало, ты въ окружности
Одинъ, какъ солнце на небѣ;
Твои деревни скромныя,
Твои лѣса дремучіе,
Твои поля кругомъ!
Пойдешь ли деревенькою —
Крестьяне въ ноги валятся;
Пойдешь лѣсными дачами —
Столѣтними деревьями
Преклонятся лѣса.
Пойдешь ли пашней, нивою, —
Вся нива сплыветъ колосомъ
Къ ногамъ господскимъ стелется,
Ласкаетъ слухъ и взоръ.
Тамъ рыба въ рѣчкѣ плещется:
«Жирѣй, жирѣй до времени!»
Тамъ заяцъ лугомъ крадется:
«Гуляй, гуляй до осени!»
Все веселило барина...
Краса и гордость русская,
Блѣзли церкви Божіи
По горкамъ, по холмамъ,
И съ ними въ славу спорили
Дворянскіе дома.
Дома съ оранжереями,
Съ китайскими бесѣдками,
И съ англійскими парками;
На каждомъ флагъ игралъ,
Игралъ-манилъ привѣтливо
Гостепримство русское
И ласку обѣщало.
Французу не привидится
Во снѣ — какіе праздники
Не день, не два — по мѣсяцу
Мы задавали тутъ.
Свои индѣйки жирныя,
Свои наливки сочныя,

Свои актеры, музыка.
Приелуги — цѣлый полкъ:
Пять поваровъ, два пекаря,
Двухъ кузнецовъ, обойщика,
Семнадцать музыкантиковъ
И двадцать два охотника
Держать я...
Бывало, насъ по осени
До полусотни съѣдется
Въ отъѣзжія поля;
У каждаго помѣщика
Сто гончихъ въ напуску;
У каждаго по дюжинѣ
Борзовщиковъ верхомъ;
При каждомъ съ кашеварами,
Съ провизіей обозъ.
Какъ съ пѣснями, да съ музыкой
Мы двинемся впередъ —
На что кавалерійская
Дивизія твоя!
Дышала грудь помѣщичья
Свободно и легко.
Во времена боярегія,
Въ порядки древне-русскіе
Переносился духъ!
Кого хочу — помилую,
Кого хочу — казню.
Законъ — мое желаніе!
Кулакъ — моя полиція!..
Въ моей Сурминской вотчинѣ *)
Крестьяне все подрядчики:
Бывало, дома скучно имъ, —
Всѣ на чужую сторону
Отпроятся съ весны...
Ждешь — не дождешься осени.
Жена, дѣтнчки малыя
И тѣ гадаютъ, ссорятся:
«Какого имъ гостинчику
Крестьяне принесутъ!»
И точно: поверхъ барщины,

Холста, яицъ и живности, —
Всего, что на помѣщика
Сбиралось искони, —
Гостинцы добровольные
Крестьяне намъ несли!
Изъ Кіева — съ вареньями,
Изъ Астрахани — съ рыбою,
А тотъ, кто подостаточнѣй,
И съ шелковой матеріей:
Глядь, чмокнуть руку барынѣ
И свертокъ подаетъ!
Дѣтямъ игрушки, лакомства,
А мѣ, сѣдому бражнику,
Изъ Питера вина!

Такъ жили богатые дворяне. Но были и небогатые помѣщики, которые жили просто и скромно. Они имѣли мало земли и крѣпостныхъ, поэтому мало получали доходовъ. Вести роскошную и безпечную жизнь они не могли за неимѣніемъ средствъ, и имъ приходилось даже работать иногда вмѣстѣ со своими крестьянами. Жили они въ скромныхъ домикахъ, и бывали случаи, когда и этотъ домъ дѣлили пополамъ. Въ одной половинѣ помѣщались господа, а въ другой ихъ крѣпостные. Барская половина мало чѣмъ отличалась отъ «людской»: хотя въ ней не жили вмѣстѣ съ людьми домашнія животныя, но обстановка ея была очень проста, а порой и убога.

Какъ жили раньше крѣпостные.

Къ барской усадьбѣ примыкали деревни, въ которыхъ жили крѣпостные; за деревнями тянулись обширные поля и лѣса.

Крестьяне платили помѣщику оброкъ и ежегодно доставляли къ его столу «столовый запасъ».

Предъ праздникомъ Рождества и Пасхи на дворѣ помѣщика появлялось нѣсколько крестьянскихъ саней или телѣгъ, нагруженныхъ съѣстными принасами. Привозились куры, гуси, бараны, яйца, молочные и другіе продукты. Самъ помѣщикъ или его приказчикъ принималъ запасы и строго слѣдилъ за тѣмъ, чтобы все было привезено въ опредѣленномъ количествѣ.

Кромѣ оброка была еще барщина. Крестьяне работали на барской землѣ и усадьбѣ: пахали, сѣяли, убирали хлѣбъ и т. д. На это уходило у нихъ почти все время, и его мало оставалось для обработки своего участка земли. Между тѣмъ нужно было прокормить себя и семью, оплатить подати въ казну. Отъ работы на барщинѣ не освобождались и женщины, и дѣти. Бабы и дѣвки работали на огородѣ помѣщика, чистили дорожки въ саду и обирали ягоды.

Кромѣ оброчныхъ и барщинныхъ крестьянъ, въ услуженіи у помѣщика были дворовые люди. Земли они не имѣли, хлѣбопашествомъ не занимались, а пропитаніе и жалованье получали отъ помѣщика. Въ каждой барской усадьбѣ жилы десятки, а въ богатой и сотни дворовыхъ людей. Среди нихъ были столяры, портные и портнихи, обучавшіеся въ лучшихъ московскихъ мастерскихъ. Безъ двора помѣщикъ того времени не могъ обходиться, потому что все необходимое дѣлали для него собственныя ремесленники и мастера.

Дворовые люди жили въ барской усадьбѣ. Они помѣщались въ деревянныхъ постройкахъ, окружавшихъ помѣщичій домъ. Холостые жили въ общихъ избахъ, семейные — въ отдѣльныхъ. Кормились дворовые за общимъ столомъ.

Съ разсвѣта до ночи кипѣла работа въ барской усадьбѣ. Приготовлялись сукна, выдѣлывались ковры, ткались полотна; въ дѣвичьей сидѣли годами мастерицы за отдѣлкой одного платья; кружевницы слѣпли за плетениемъ тонкихъ кружевъ.

При домѣ было множество лакеевъ, горничныхъ, при взрослой прислугѣ для посылокъ держались дѣвочки и мальчики-казачки.

Помѣщикъ имѣли большую власть надъ крѣпостными. Отъ ихъ воли зависѣла вся жизнь крестьянина: помѣщикъ могъ заставить своего крѣпостного дѣлать любую работу: пахаря превратить въ кузнеца или въ повара; художника и артиста — въ пастуха и пахаря. Крѣпостной вступалъ въ бракъ съ указанной ему баринномъ невѣстой и насильно разводился съ своею женой, когда это угодно бывало барину. Имуществомъ своего крѣпостного помѣщикъ распоряжался, какъ своимъ.

Баринъ былъ судьбою надъ своими крестьянами, и судъ его всегда былъ простъ: за вину, а иногда и безъ всякой вины, крестьянина наказывали розгами и плетью на конюшнѣ, слы-

дали въ Сибирь или отдавали въ солдаты. Нѣкоторые помѣщики прославились своею безчеловѣчною жестокостію по отношенію къ крестьянамъ, часто забивая ихъ до смерти.

Жаловаться на помѣщика крестьянамъ строго воспрещалось.

Крѣпостного помѣщикъ могъ проиграть въ карты, промѣнять на какую-нибудь вещь, продать, какъ товаръ. На ярмаркахъ того времени можно было видѣть, какъ рядомъ съ домашней скотиной и съѣстными припасами продавались взрослые крестьяне и дѣти, продавались не только цѣлыми семьями, съ грудными дѣтьми, но и поодиночкѣ: отца продавали въ одно мѣсто, мать — въ другое. Въ газетахъ печатались иногда такіа объявленія: «Продается малосольная осетрина. 8 сивыхъ меринговъ и мужъ съ женой».

Отечественная война.

Война съ французами.

Сто съ лишнимъ лѣтъ тому назадъ Франція много воевала съ Англіей, Австріей, Россіей и съ другими государствами. Во время этихъ войнъ особенно прославился французскій генералъ Наполеонъ Бонапартъ. Онъ отличался большою храбростію и легко побѣждалъ неприятелей. Съ солдатами онъ былъ ласковъ и щедръ, умѣлъ возбуждать въ нихъ храбрость, и солдаты готовы были идти за нимъ на смерть.

Наполеонъ побѣдилъ многихъ государей и отнялъ у нихъ земли и власть. Въ самой Франціи никто не смѣлъ ему противиться, и Наполеонъ заставилъ французовъ признать себя императоромъ. Государя Австріи, Пруссіи, Россіи и Англіи соединились противъ него, но онъ разбилъ ихъ войска. Своими побѣдами Наполеонъ нагналъ такой страхъ на всю Европу, что всѣ государя Западной Европы стали во всемъ слушаться его.

Наполеонъ рѣшилъ силою заставить и русскаго царя Але-

ксандра I повиноваться ему такъ же, какъ повиновались ему другіе государи.

Онъ въ 1812 г. собралъ громадную по тому времени армию, — въ ней было около 500 тысячъ солдатъ. Кромѣ французовъ, въ этой арміи были итальянцы, пруссаки, австрійцы и многіе другіе народы. Съ этимъ войскомъ Наполеонъ вторгся въ Россію. Армія была хорошо обучена и вооружена. Русскіе едва могли выставить противъ этой арміи 200 тысячъ чело- вѣкъ.

Командовали русскими войсками генералы Барклай-де-Толли и Багратионъ. Они должны были отступать передъ грозными силами Наполеона, потому что французскія войска были несравненно сильнѣе русскихъ. Послѣ мелкихъ стычекъ подъ Смоленскомъ и въ другихъ мѣстахъ, русскіе отступили къ Москвѣ. Но русскіе солдаты не хотѣли отступать и роптали на своихъ полководцевъ, думая, что они хотятъ измѣною предать Россію Наполеону. Тогда царь назначилъ главнымъ начальникомъ надъ русскими войсками генерала Кутузова; его любили солдаты и довѣряли ему. Кутузовъ рѣшилъ дать Наполеону сраженіе. Онъ отвелъ русскія войска на Бородинское поле, которое находится въ 60 верстахъ отъ Москвы, и объявилъ, что на этомъ мѣстѣ онъ будетъ защищать Москву отъ французовъ.

Бородинскій бой.

Бородинскій бой произошелъ 26 августа 1812 года. Было ясное утро. Первый пушечный выстрѣлъ раздавался со стороны французовъ; ему отвѣтили русскія пушки, и бой закипѣлъ.

Наполеонъ направилъ огромныя силы своихъ солдатъ прямо въ середину русской арміи. Здѣсь земляныя укрѣпленія переходили изъ рукъ въ руки. На одномъ курганѣ было поставлено много русскихъ пушекъ. Пушки своими ядрами мѣтко попадали во французовъ и косили ихъ рядами. Французы начали жестоко обстрѣливать этотъ курганъ. Ядра попадали въ ящики съ зарядами, и они одинъ за другимъ разрывались, со страшнымъ трескомъ, убивая русскихъ солдатъ осколками и обломками.

Съ зловѣщимъ визгомъ влетаютъ въ ряды русскихъ фран-

цузскія ядра. Офицеры и солдаты падаютъ, убитые наповалъ. У котораго оторвало голову, кого разорвало пополамъ и раскидало въ разныя стороны. Гулъ и грохотъ выстрѣловъ стоятъ такіе, что не слышно уже ружейныхъ выстрѣловъ и криковъ сражающихся по сосѣдству. Не хватаетъ зарядовъ. Мчатся за новыми запасами, ихъ привозятъ; на мѣсто убитыхъ и раненыхъ становятся свѣжіе бойцы, и бой продолжается безъ перерыва. Французы придвигаются все ближе и ближе.

Вотъ французская пѣхота идетъ въ пытки. Русскіе стрѣляютъ въ нее въ упоръ, а она, устлая путь убитыми, бѣжитъ на курганъ со пытками на перевѣсь и занимаетъ его. Пушкири отброшены; но сейчасъ же срывается съ мѣста стоящая за курганомъ русская пѣхота и съ крикомъ «ура» выбиваетъ французовъ съ кургана и гонитъ далеко назадъ. Бой кипитъ, и конца ему не видно.

Отъ мѣста сраженія несутъ вереницы носилокъ съ ранеными; идутъ сами раненые, всѣ обезображенные и въ крови. Неприятельскія ядра часто добиваютъ ихъ. Стоны и вопли смѣшиваются съ визгомъ ядеръ и свистомъ пуль. Русскія войска рѣдѣютъ; многіе полки потеряли больше половины солдатъ. Начинаетъ темнѣть. Бой замираетъ. Лѣвый бокъ и середина русской арміи отброшены далеко назадъ.

Много русскихъ и французовъ было убито и ранено въ этомъ бою. Русскіе не были разбиты и могли сражаться; но это значило истребить всю русскую армию. Кутузовъ рѣшилъ отступать, оставивъ Москву неприятелю. На утро французы увидѣли, что путь къ Москвѣ свободенъ.

Бѣздъ Наполеона въ Москву.

Французы двинулись къ Москвѣ. Наполеонъ съ Поклонной горы со своими генералами любовался видомъ на Москву. Широко раскинувшись, она блистала тысячами цвѣтовъ, сіяла золотыми маковками церквей. По всему городу зеленѣли сады. Поерединѣ высился Кремль. У стѣнъ его вилаась Москва-рѣка.

— Такъ вотъ, наконецъ, этотъ прославленный городъ! — воскликнули французы.

Наполеонъ двинулся къ городу. Онъ подъѣхалъ къ Дорогомиловской заставѣ, сонелъ съ лошади и отправился вдоль рѣки-Москвы. Напрасно Наполеонъ ждалъ, что къ нему явят-

ся вельможи и принесли ключи отъ воротъ Москвы въ знакъ покорности. Этому не случилось. Москвичи, узнавъ, что русское войско отступило, посѣгнувши выѣхать изъ Москвы, захвативъ съ собою самое необходимое. Драгоценности и богатства, какъхъ нельзя было съ собою взять, были спрятаны въ землѣ, въ погребахъ и даже на днѣ рѣки. Въ Москвѣ остались одни бѣдняки да слуги, которымъ господа поручили охранять свои дома.

Французскія войска безъ боя заняли древнюю столицу Россіи и думали отдохнуть въ барскихъ домахъ, на русскихъ хлѣбахъ, и поживиться оставленными богатствами. Но они обманулись въ своихъ надеждахъ.

Пожаръ Москвы.

Въ самый день вступленія французовъ въ Москву начались пожары. Многіе жители, уходя изъ Москвы, въ озлобленіи зажигали свои дома или лавки, чтобы ихъ добро не досталось врагу. Пожары происходили и отъ костровъ, разведенныхъ на улицахъ французами. Москва, тогда еще почти вся деревянная, быстро разгоралась. Когда загорѣлось Замоскворѣчье, то въ Кремлевскомъ дворцѣ лопались въ окнахъ стекла, а на крышу его все время сыпались горящія головки и искры. Наполеону было уже не безопасно оставаться здѣсь, и его убѣждали уѣхать въ загородный Петровский дворецъ.

Когда Наполеонъ со своей свитой вышелъ изъ Кремля, отправившись въ безопасное убѣжище, то прямой дорогой нельзя уже было пройти, — она вся была въ пламени. Наполеонъ шель среди треска этихъ горящихъ костровъ, при грохотѣ разрушающихся стѣнъ и падавшихъ вокругъ горящихъ бревенъ и раскаленныхъ желѣзныхъ кровельныхъ листовъ. Эти обломки затрудняли путь. Пламя, возвышавшееся надъ кровлями и яростно пожиравшее зданія, силой вѣтра переносилось надъ головами. Сильный жаръ жегъ глаза. Удушливый воздухъ, горячій пепелъ и вырывавшееся отовсюду пламя спирали дыханіе. Наполеонъ заблудился въ переплетающихся улицахъ и переулкахъ, и только случайно попавшійся ему солдаты вывели его на дорогу.

Три дня продолжался пожаръ Москвы. Пожаръ этотъ ис-

требило много запасовъ, которые не успѣли вывезти москвичи, и тѣмъ самымъ обрекали французовъ на голодъ.

Наполеонъ посылалъ отряды солдатъ въ окрестности Москвы за провизіей. Но кругомъ Москвы было все истреблено, а дальше то и дѣло нападали на французовъ мелкіе отряды русскихъ. Они неожиданно выходили изъ-за засады, били французовъ, брали ихъ въ плѣнъ и быстро снова скрывались по знакомымъ имъ лѣсамъ и оврагамъ.

Гибель французовъ.

Приближалась зима съ ея холодомъ и голодомъ. Наполеонъ долго ждалъ, пока русскій царь запроситъ у него мира, но не дождался. Русскіе не хотѣли нападать на французовъ, ожидая, пока морозы и голодъ погубятъ ихъ.

Тогда Наполеонъ рѣшилъ покинуть Москву. Онъ приказалъ взорвать стѣны Кремля и другихъ казенныхъ зданій послѣ того, какъ французскія войска выйдутъ изъ Москвы. Русскіе нападали на отступавшихъ французовъ иногда большими, а чаще маленькими отрядами, не давая имъ покоя и перехватывая обозы съ провизіей. Армія Наполеона таяла. Къ началу ноября у него осталось солдатъ почти въ десять разъ меньше, чѣмъ было (60 тысячъ вмѣсто 500 тысячъ); да и эти остатки были обречены на смерть отъ голода и наступившихъ морозовъ.

Это не были прежніе стройные, блестящіе полки, хорошо одѣтые, вооруженные и сытые. Теперь по дорогамъ тянулись кучки людей, голодныхъ, изувѣченныхъ, одѣтыхъ самымъ страннымъ образомъ: въ женскія шубки и въ священническія облаченія.

Начались жестокіе морозы. Рѣдко можно было встрѣтить солдата и офицера, у котораго не были отморожены руки, ноги, лицо.

Люди шли молча и понуро; раздавался только глухой шумъ шаговъ, трескъ снѣга и сдавленные стоны умирающихъ. На оставшихъ нападали мужики и бабы съ вилами и топорами. Вязали французамъ руки и гнали ихъ въ свои деревни «въ плѣнъ».

Ночью солдаты раскладывали костры. Вокругъ нихъ завязывалась борьба. Всякій старался стать ближе къ огню.

Слабыхъ и больныхъ отталкивали безъ жалости, оставляя ихъ замерзать. Послѣ каждой такой почивки на мѣстѣ оставались груды замерзшихъ труповъ.

Особенно много погибло французовъ при переправѣ черезъ Березину. Рѣка еще не замерзала; пришлось наводить мосты. Французскія войска скопились у переправы. Въ это время подошли русскіе и начали обстрѣливать французовъ. Французы въ беспорядкѣ ринулись къ переправѣ, тѣснили другъ друга, падали на мосту, образуя груды тѣлъ, черезъ которыя нельзя было проходить. Имущество, лошади, люди, все это смѣшалось, падали съ мостовъ въ воду. Многие всадники бросались влѣвъ въ ледяныя волны и гибли въ водѣ. А русскія ядра и пули врывались въ толпу французовъ, внося въ нее смерть. Самъ Наполеонъ едва переправился на другой берегъ Березины.

Много французовъ погибло, еще больше было взято въ плѣнъ, и отъ арміи Наполеона уцѣлѣли жалкіе остатки. Наполеонъ оставилъ свои войска и поспѣшилъ во Францію набирать свѣжихъ солдатъ. Вслѣдъ за нимъ усаказали и генералы, поклянувши солдатъ на произволъ судьбы.

Такъ кончилась отечественная война. Наполеону теперь перестали подчиняться государи Западной Европы: они вошли въ союзъ съ русскимъ императоромъ, разбили Наполеона, взяли его въ плѣнъ и сослали на пустынный островъ, гдѣ онъ и умеръ.

Время Николая I.

Декабристы.

I.

Утромъ 14 декабря 1825 года на Сенатской площади въ Петербургѣ происходило что-то необычное.

Съ разныхъ сторонъ Петербурга къ зданію Сената двигались съ распущенными знаменами разныхъ полковъ солдаты отдѣльными группами и отрядами. Появленіе солдатъ на Сенатской площади не было новостью: здѣсь и раньше проис-

ходили ученья, смотры и плацъ-парады. Необычнымъ теперь казалось только то, что солдаты шли въ полномъ беспорядкѣ, крайне возбужденные, частью безъ офицеровъ, нѣкоторые отряды подъ командой штатскихъ. Цѣликомъ пришелъ только Московскій полкъ. Подходившія войска толпились на площади; видимо, не было у нихъ одинаго вождя, потому что сразу командовало много офицеровъ, среди нихъ были моряки и штатскіе. При общей растерянности, офицерамъ едва удалось построить собравшихся солдатъ въ четырехугольникъ. Пока это проеходило, на площади собиралась толпа любопытныхъ, среди нихъ съ криками «ура!» бѣгали уличные мальчишки.

Въ это же время со двора Зимняго дворца выдвигались другія войска, съ артиллеріей, частью на коняхъ. Строить ихъ только что вступившій на престолъ Николай I-й, окруженный генералами и другими чинами высшаго командованія. Со стороны императора выѣзжало нѣсколько генераловъ и даже вел. кн. Михаилъ Павловичъ, которые приближались къ стоявшимъ близь Сената и обращались къ нимъ съ призывомъ разойтись, обѣщали помилованіе отъ имени императора, грозили открыть стрѣльбу по собравшимся. Въ отвѣтъ раздавались крики: «Ура!» «Да здравствуетъ Константинъ!» Въ генераловъ летѣли полѣнья, на нихъ замахивались саблями, а одного изъ нихъ (Милорадовича) застрѣлили.

Послѣ генераловъ на площадь выступилъ митрополитъ въ полномъ облаченіи и съ крестомъ въ рукахъ. Подойдя къ войскамъ, онъ обратился къ нимъ съ слѣдующей рѣчью: «Войны! Успокойтесь... Вы противъ Бога, церкви и отечества поступили: Константинъ Павловичъ (братъ Николая) письменно и словесно трикратно отрекся отъ російской короны, и онъ ранѣ насъ присягнулъ на вѣрность брату своему Николаю Павловичу, который добровольно и законно восходитъ на престолъ. Синодъ, Сенатъ и народъ присягнули. Вы только одни дерзнули возстать противъ сего. Богъ свидѣтель, что это истина, и я, какъ первосвященникъ, умоляю васъ: успокойтесь, присягните»...

Изъ среды войскъ раздался голоса:

— Это неправда! Гдѣ Константинъ?

— Въ Варшавѣ.

Солдаты кричали:

— Нѣтъ, онъ не въ Варшавѣ, а на послѣдней станціи въ

оковахъ... Подайте его сюда! Ура, Константинъ! Какой ты митрополитъ, когда на двухъ недѣляхъ и двумъ императорамъ присягнулъ. Ты — измѣнникъ, ты — дезертиръ Николаевскій: не вѣримъ вамъ — поди прочь!..»

Владыка долженъ былъ поспѣшно отступить подъ угрозой возбужденныхъ солдатъ.

Наконецъ, на площадь попробовалъ выѣхать самъ Николай Павловичъ; онъ желалъ осмотрѣть расположеніе возставшихъ; но едва онъ показался, какъ по немъ сдѣлали залпъ.

Тогда Николай двинулъ въ атаку противъ возставшихъ конницу, но она не выдерживала ружейныхъ залповъ и съ уропомъ отступала. Такъ стояли въ нерѣшительности другъ противъ друга два лагеря.

Стало вечерѣть.

Тогда Николай далъ приказъ обстрѣлять противниковъ картечью.

Первый выстрѣлъ ударилъ высоко въ зданіе Сената. За нимъ раздались второй, третій и четвертый... и уже прямо въ толпу и солдатъ.

Колонны и толпы солдатъ пришли въ смятеніе и бросились бѣжать, куда попало.

Значительная часть солдатъ бросилась черезъ перила на ледъ и стала здѣсь строиться, но ледъ обломился, и многіе погибли въ холодныхъ водахъ Невы; бѣгущихъ по улицамъ преслѣдовала неумолимая картечь, которая положила массу жертвъ и разрушила много зданій.

Николай скоро уѣхалъ во дворецъ и написалъ въ своемъ дневникѣ:

«Я императоръ, но какую цѣною, Боже мой! Цѣною крови моихъ подданныхъ...»

II.

Такъ начался первый день царствованія Николая I-го. Въ ту же ночь и въ слѣдующіе дни были арестованы вожаки возстанія, и слѣдствіе, которымъ руководилъ самъ императоръ, обнаружило, что возстаніе готовилось давно, еще въ царствованіе брата Николая, Александра Павловича.

Александръ I, изгнавъ Наполеона изъ Россіи, двинулся съ своими войсками во Францію, гдѣ русская армія провела болѣе двухъ лѣтъ, сражаясь съ Наполеономъ и водворяя въ

Западной Европѣ порядки, угодные Александру и его союзникамъ. Русскія войска, а особенно образованные офицеры за это время хорошо познакомились съ порядками, царившими въ Западной Европѣ. По возвращеніи на родину, офицерство увидѣло, какъ отстала Россія отъ Западной Европы; всѣмъ ясно было, что Россіи нужны реформы, для народа нужна свобода отъ крѣпостной зависимости и отъ произвола самодержавной власти и чиновниковъ.

Между тѣмъ Александръ I о государственныхъ дѣлахъ и преобразованіяхъ мало думалъ.

Управленіе государствомъ онъ передалъ въ руки недостойныхъ министровъ, которые ввели произволъ, грубость и насиліе въ дѣла управленія.

Особенно тяжелы были военные порядки.

Побѣдоносныя русскія войска покою не имѣли отъ постоянныхъ ученій, парадовъ и шагистики.

Старые солдаты, побѣдоносно прошедшіе всю Европу и прослужившіе 15—20 лѣтъ и болѣе, въ томъ числѣ гвардейскіе полки, занурялись ежедневными ученьями, въ которыхъ совсѣмъ не было надобности.

Безсмысленныя строгости, битье, порка, забиваніе на смерть за неправильно сдѣланный шагъ, за недостающую пуговицу на мундирѣ, вызывали озлобленіе и бунты среди солдатъ и лучшихъ офицеровъ.

Отъ казарменной жестокости страдали не одни регулярныя войска. Александръ I хотѣлъ все взрослое крестьянское населеніе превратить въ войска. Множество селеній было обращено въ военные поселенія. Крестьяне съ ихъ семьями и хозяйствами были отданы въ полное распоряженіе военныхъ властей. Часть дня крестьяне должны были обучаться военному строю, а другую часть заниматься своимъ хозяйствомъ, подъ надзоромъ офицеровъ; при этомъ крестьянинъ не смѣлъ распорядиться ни своимъ добромъ, ни своимъ свободнымъ временемъ, не былъ онъ хозяиномъ и въ своей семьѣ. Самые браки заключались не по доброй волѣ, а по приказу офицера.

За малѣйшую оплошность военныхъ поселянъ подверга-

ли дранью палками, прохожденію сквозь строй и другимъ жестокииъ истязаніямъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ началось гоненіе на науку, на просвѣщеніе. Лучшіе люди того времени, видѣвшіе за границей иную жизнь, свободные порядки, приходили въ отчаяніе отъ всего того, что происходило въ Россіи.

— Такою-то благодарностью отплатилъ царь своему народу, помогшему ему изгнать Наполеона, сохранить свой тронъ и прославиться на всю Европу, — думали они.

Недовольные составляли тайныя общества, въ которыхъ обсуждали, какъ спасти Россію. Нѣсколько такихъ обществъ, состоявшихъ главнымъ образомъ изъ офицеровъ, рѣшили добиться свободнаго управленія въ Россіи, свергнувши царскую власть или ограничивъ самодержавіе путемъ введенія конституціи.

Неожиданная смерть Александра I показалась подходящимъ случаемъ для осуществленія ихъ плановъ.

У Александра I не было дѣтей; наследникомъ считался братъ его Константинъ Павловичъ, который въ это время былъ въ Варшавѣ. Россія присягнула ему; но Константинъ отказался отъ престола въ пользу брата своего Николая Павловича, котораго не любили въ войскахъ за его крутой нравъ и солдатскія манеры.

Когда былъ изданъ приказъ о новой присягѣ Николаю, недовольные офицеры отказались присягать и склоняли къ тому же свои войска. Имъ удалось часть войскъ увлечь за собой на Сенатскую площадь; но дерзительностью своихъ дѣйствій вожаки возстанія проиграли дѣло и жестоко поплатились за это.

Часть ихъ была казнена; другіе сосланы въ Сибирь на рудники, гдѣ многіе годы въ цѣпяхъ несли свой каторжный трудъ. Среди пострадавшихъ были князья (Трубецкой, Оболенскій), полковники и писатели (Пестель, Рылѣевъ). Это были лучшіе люди своего времени.

Современники и потомство съ большимъ сочувствіемъ относились къ этимъ страдальцамъ и борцамъ за лучшую жизнь народа, за свободу крестьянъ и всей Россіи.

Послѣ „Денабристовъ“.

Чиновники Николай I.

Императоръ Николай I не довѣрялъ своимъ подданнымъ и все управленіе страной отдалъ чиновникамъ, которые заботились не столько о благѣ народа, сколько о томъ, чтобы съ виѣшней стороны все обстоило благополучно, чтобы народъ вель себя покорно даже тогда, когда его грабили, разоряли и всячески притѣсняли тѣ же чиновники.

1. Судь.

«Я расскажу вамъ для примѣра объ одномъ пріятелѣ, — говорилъ одинъ изъ такихъ чиновниковъ писателю Герцену. — Судьей онъ былъ лѣтъ двадцать, — вотъ была голова! Придетъ, бывало, къ нему мужикъ съ просьбицей; судья сейчасъ пускаетъ къ себѣ, такой ласковый, веселый.

— Какъ, дядюшка, твое имя и батюшку твоего какъ звали?

Мужикъ называетъ.

— Ну, здравствуйте, Ермолай Григорьевичъ; изъ какихъ мѣстъ Господь несетъ?

— А мы Дубиловскіе.

— Знаю, знаю. Мельницы-то, какъсь, ваши выраво отъ дороги?

— Точно, батюшка!..

— Что у тебя, дѣльце, что ли?

— Точно, ваша милость, есть.

— Ну, что такое? Повздорили? Поскорѣе, дядя, рассказывай: пора ѣхать.

— Да что. отецъ родной, бѣда подѣ старость пришла. Вотъ въ самое-то Успеніе были мы въ пятинѣ, ну, и крупно поговорили съ сосѣдскимъ крестьяниномъ, — такой безобразный человѣкъ: нашъ лѣсъ крадетъ. Только онъ размахнулся, да меня кулакомъ въ грудь.

— Ты, молъ, въ чужой деревнѣ не дерись, — говорю я ему, да хотѣлъ примѣръ сдѣлать — тычка ему дать, да спья-

ну что ли, или нечистая сила, — прямо ему въ глазъ: ву, в попортилъ глазъ, а онъ сейчасъ къ станковому, — хочу, дескать, судъ по формѣ...

Во время разсказа судья становится все серьезнѣе, глаза этакіе сдѣласть страшные и ни слова. Мужикъ видитъ и блѣднѣетъ, ставитъ шляпу у ногъ и вынимаетъ полотенце, чтобъ обтереть потъ. Судья все молчитъ и въ книжкѣ листочки перевортываетъ.

— Такъ вотъ я, батюшка, къ тебѣ и пришелъ, — говорить мужикъ не своимъ голосомъ.

— Чего жъ я могу сдѣлать тутъ? Экая причина! И зачѣмъ же это прямо въ глазъ?

— Точно, батюшка, зачѣмъ? Врагъ попуталъ.

— Жаль, очень жаль! Изъ чего домъ долженъ погибнуть. Ну, что семья безъ тебя останется? Все молодежь; а внучата мелкота, да и старушку-то твою жаль.

У мужика начинаютъ ноги дрожать. — «Да что же, отецъ родной, къ чему же это я себя угодилъ?»

— Вотъ видишь о «членовредителяхъ» статья:

«Наказавши плетми, сослать въ Сибирь на поселеніе».

— Не дай разориться человѣку! Не погуби христианина. Развѣ нельзя какъ?

— Экой ты какой! Развѣ супротивъ закона можно идти? Конечно, все дѣло рукъ человѣческихъ. Ну вмѣсто тридцати ударовъ мы назначимъ этакъ пяточекъ.

— А въ Сибирь-то?

— Не въ нашей, братецъ ты мой, волѣ.

Тацитъ мужикъ изъ-за пазухи кошелекъ, вынимаетъ дватри золотыхъ и съ низкимъ поклономъ кладетъ ихъ на столъ.

— Это что, Ермолай Григорьевичъ?

— Спаси, батюшка!

— И полно, что ты это? Я, грѣшный человѣкъ, иной разъ беру благодарность. Жалованье у меня малое, — поневолѣ возьмешь; но было бы за что. Какъ я тебѣ помогу? Добро бы ребро или зубъ, а то прямо въ глазъ! Возьмите денежки ваши назадъ.

Мужичокъ уничтоженъ.

— Развѣ вотъ что: поговорить мнѣ съ товарищами да и въ губернію отнестъ? Неравно дѣло пойдетъ въ палату, тамъ у меня есть пріятели, — все сдѣлаютъ; ну, только это люди

другого сорта, тутъ тремя лобанчиками не отдѣлаешься.

Мужикъ начинаетъ приходить въ себя.

— Мнѣ, пожалуй, ничего не давай, мнѣ семья жаль; ну, а тамъ меньше двухъ сѣренскихъ (т.-е. 400 руб.) и предлагать нельзя.

— То-есть какъ передъ Богомъ, ума не приложу, гдѣ это достать такую палестину денегъ — четыреста рублей — времени же какое?

— Я такъ и самъ думаю, что оно трудновато. Вѣдь и въ Сибири люди живутъ. Тебѣ же не Богъ вѣсть, какъ далеко идти. Подумай, Григорьичъ, время терять, пообедаемъ до завтра, а мнѣ пора, — прибавляетъ судья и кладетъ въ карманъ лобанчики, отъ которыхъ было отказался, говоря: — это вовсе лишнее, — я беру только, чтобъ васъ не обидѣть...

На другое утро, глядя, старый еврей тацитъ разными крестовниками да старинными рублями рублей триста пятьдесятъ ассигнаціями судью. Судья обѣщаетъ пещься о дѣлѣ: мужика судить-судятъ, страцаютъ, а потомъ выпустить съ какимъ-нибудь легкимъ наказаніемъ или съ совѣтомъ впредь въ подобныхъ случаяхъ быть осторожнымъ, или съ отмѣткой: «оставить въ подозрѣніи», и мужикъ всю жизнь молить Бога за судьбу.

Такіе же порядки были и въ другихъ судахъ Николаевской поры.

2. Полиція.

Въ городахъ жалкія зданія полицейскихъ частей съ казанчанами были деревянныя, выкрашенныя дикой краской, а полиція, кромѣ полицмейстера, который назначался въ то время изъ заслуженныхъ штабъ-офицеровъ, была въ странномъ пренебреженіи. Частные пристава носили мундирные фраки съ краснымъ стоячимъ воротникомъ, при золотыхъ петлицахъ, съ пшажонкой на боку и съ треуголкой, надѣвавшейся поперекъ головы.

Попылить, бывало, къ такому приставу гучера или чакера съ просьбой въ запискѣ дать имъ полсотни розогъ, да и приложатъ за трудъ синенькую ассигнацію, что даже и не считалось въ то время взяткой, которая всюду безнаказанно существовала. А о квартальныхъ надзирателяхъ (помощники при-

става) и говорить нечего, они брали, гдѣ пошло, и довольствовались не только рублевыми, но и мелочью. Лучшая для нихъ нажива была во время рекрутскихъ наборовъ, когда раскутившихся рекрутовъ приходилось сажать въ часть, отъ чего они, конечно, откупались; но случалось, что отъ пьяныхъ рекрутовъ доставалось и квартальнымъ. Выхватить, бывало, они у кварташки треуголку изъ рукъ, да ею его и дуютъ; а онъ отъ пихъ въ своемъ мушкетерскомъ фракѣ улепетываетъ по улицѣ до самой части.

Полиція въ то время очень наживалась; пристава, по выходѣ въ отставку, дѣлались домовладѣльцами города, а нѣкоторые ихъ нухъ, дослужившись до дворянскаго чина, приобретали земли и крестьянъ.

Грабежи были повсемѣстны. Грабители безнаказанно дѣлали свое дѣло, откупаясь взятками отъ полиціи. Бывали случаи, когда награбленное находили въ домахъ у полицейскихъ.

Помимо внѣшней полиціи, Николай I завелъ еще тайную полицію, которая слѣдила за умами и настроеніями его подданныхъ: путемъ подслушыванія, перехвачиванія писемъ полиція освѣдомлялась о томъ, что говорятъ, думаютъ и шипутъ другъ другу родственники и пріятели. Часто человека почлю хватили съ постели жандармы и везли къ начальству, которое безъ суда и слѣдствія ссылало въ глухіе отдаленные края лучшихъ людей того времени за всякіе пустяки; другіе платились за это тюрьмою и отдачей въ солдаты, чаще всего въ кавказскую дѣйствующую армію. Особенно плохо приходилось писателямъ, которымъ не только не позволялось писать правду въ газетахъ, журналахъ и книгахъ, но которыхъ преслѣдовали судомъ и ссылкой за всякое неосторожное слово, написанное или сказанное въ собраніи друзей.

3. Въ министерствахъ.

Императоръ Николай I думалъ, что подданные его не смѣютъ вмѣшиваться въ управленіе, они не должны даже знать, какіе существуютъ планы и намѣренія у правительства по управленію странюю: это дѣло самодержавнаго императора и довѣренныхъ его чиновниковъ. Поэтому всѣ законы и распоряженія правительства обсуждались въ секретныхъ комитетахъ, дѣла рѣшались въ строжайшей тайнѣ: подданнымъ объ-

являлась воля правительства въ окончательной формѣ, и всѣ должны были безпрекословно подчиняться ей.

Императоръ Николай I настолько высоко ставилъ свою власть, что не допускалъ даже мысли, чтобы кто-нибудь могъ оказать ему сопротивленіе. И министрами своими онъ назначалъ по большей части такихъ людей, которые всегда готовы были безпрекословно исполнять его волю, быть покорными и услужливыми, безъ разсужденій. Оттого во главѣ управленія стояли часто люди невѣжественные, неумѣлые, которыхъ легко провалили подчиненные имъ чиновники. При строгой тайнѣ, въ которой велись дѣла въ канцеляріяхъ, нельзя было облегчить творившихся тамъ беззаконій, отъ которыхъ страдали подданные. Разъ императоръ получилъ доносъ, въ которомъ между прочимъ говорилось: «Ваше императорское величество позволите назначать частыя ревизіи въ губерніяхъ; между тѣмъ, зло, существующее подлѣ васъ, оставаясь многіе годы безнаказаннымъ, превосходитъ всякое вѣроятіе. Злоупотребленія и безпорядки водворились въ самомъ комитетѣ министровъ». Доносъ говорилъ правду. Ревизіей было обнаружено, что болѣе 5000 дѣлъ годами лежало безъ исполненія; въ числѣ ихъ много приказаній самого императора.

Реформы императора Александра II.

Крымская война.

При преемникѣ Александра I, императорѣ Николаѣ I, Россіи пришлось снова вести войну. Это было 60 лѣтъ тому назадъ.

Началась эта война съ турками. Къ туркамъ присоединились потомъ другія государства, и русскимъ пришлось воевать чуть не со всей Европой. Тамъ боялись, что Россія подчинитъ себя всю Турцію, и черезъ это станетъ сильнѣе другихъ народовъ. Поэтому Франція, Англія, Италия стали помогать Турціи въ этой войнѣ. Война велась въ Крыму и получила названіе Крымской войны.

Явившись со своими войсками въ Крымъ, враги осадили русскую крѣпость Севастополь. Русскія войска геройски защищали городъ, въ теченіе цѣлыхъ 11 мѣсяцевъ отбивая всѣ нападенія враговъ. Однихъ русскихъ погибло за это время больше 80 тысячъ. Но Севастополь все-таки пришлось покинуть, отдать врагамъ.

Въ это время умеръ царь Николай I, и царемъ дѣлался его сынъ, Александръ II. Онъ успѣшилъ кончить тяжелую войну и заключить съ врагами миръ; но такъ какъ война была неудачна для русскихъ, миръ былъ невыгоденъ для Россіи.

Произошло это, какъ многіе указывали, главнымъ образомъ оттого, что огромное русское войско, состоявшее болѣею частью изъ крѣпостныхъ, было плохо обучено и вооружено старыми негодными ружьями. Не было изъ странъ хорошихъ дорогъ; поэтому припасы, какъ съѣстные, такъ и боевые, получались не во-время. Много вредили злоупотребленія тогдашнихъ чиновниковъ, завѣдывавшихъ доставкой въ войска припасовъ. Солдаты кормили и одѣвали плохо; многіе изъ нихъ умирали не отъ пули неприятеля, но и отъ заразныхъ болѣзней. Русскіе не могли успѣшно бороться съ иностранными войсками, хорошо обученными и вооруженными.

Вообще тогда немало было въ Россіи неурядицъ.

Поэтому по окончаніи Крымской войны Императоръ Александръ II приступилъ къ улучшенію порядковъ въ государствѣ.

Освобожденіе крестьянъ.

Триста лѣтъ крестьяне были крѣпостными у дворянъ-помѣщиковъ.

Крестьяне жили бѣдно: барская служба и большіе оброки разоряли ихъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше бѣдѣли они.

Помѣщики были недовольны своими крѣпостными. Они жаловались, что крестьяне неохотно работаютъ на барщинѣ, а то и просто незвѣстно куда убѣгаютъ; земля остается плохо обработанной, имѣнія не даютъ такого дохода, что давали раньше.

Государство тоже страдало отъ крѣпостного права. Казна пустѣла, потому что крестьяне несправно платили подати, и за ними числилось много недоимокъ (неуплаченныхъ податей).

Въ Россіи было мало фабрикъ и заводовъ. Плохо шла торговля. Крестьяне не покупали товаровъ, потому что были бѣдны. Не покупали и помѣщики, такъ какъ все необходимое для нихъ дѣлали ихъ собственные крѣпостные, ремесленники и мастера, а все лучшее выписывалось изъ-за границы.

Давно уже лучшіе русскіе люди понимали, какъ вредно крѣпостное право, и видѣли, какъ тяжело жилось крѣпостнымъ. Бывали случаи, когда помѣщики сами отпускали крестьянъ на свободу. Русскіе писатели въ своихъ сочиненіяхъ изображали тяжелое положеніе крестьянъ. Первыми изъ нихъ были Радищевъ и Новиковъ. Позднѣе жизнь крѣпостныхъ описывали въ своихъ произведеніяхъ Тургеневъ, Григоровичъ и Некрасовъ. Многимъ становилось ясно, что крестьянъ нужно освободить.

Императоръ Александръ II началъ преобразованіе государства освобожденіемъ крестьянъ. Помощниками Императора въ этомъ дѣлѣ были просвѣщенные люди того времени: Ростовцевъ, Милютинъ и др. 19 февраля 1861 года Александръ II подписалъ манифестъ объ освобожденіи крестьянъ. По этому манифесту много миллионъ крѣпостныхъ становилось свободными людьми. По своей волѣ они могли теперь оставаться въ деревнѣ и обрабатывать землю, могли уйти и въ городъ на заработки, могли учить дѣтей въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Вмѣстѣ съ волей крестьяне получили отъ помѣщиковъ и землю. За эту землю государство заплатило помѣщикамъ. Но каждый крестьянинъ долженъ былъ постепенно выплатить въ казну долгъ за полученный участокъ земли.

Старый судъ.

И суды были прежде устроены не такъ, какъ теперь.

Не для всѣхъ жителей Россіи былъ тогда одинаковый судъ. Царскіе судьи судили людей свободныхъ; крестьянъ судили чаще всего ихъ помѣщики. Помѣщики могли ихъ наказывать, какъ хотѣли, — розгами, палками, плетью, могли ссылать въ Сибирь, на поселеніе и на каторгу, сдавать не въ очередь въ солдаты. На приговоръ помѣщиковъ жаловаться было нельзя.

И для другихъ сословій не было общаго суда. Дворяне судились въ своемъ судѣ, купцы въ своемъ; нечего было и думать судить дворянина въ купеческомъ судѣ, или купца судить въ одномъ судѣ съ дворянами. И законы для нихъ были разные. Разныя были для нихъ и наказанія. Купцовъ, какъ и крестьянъ, нерѣдко наказывали розгами и плетью; дворянъ нельзя было наказывать тѣлесно.

Самый судъ былъ устроенъ плохо. Подсудимаго страшили и истязали, чтобы заставить признаться въ преступленіи, котораго онъ, можетъ быть, и не совершалъ. На судѣ прочитывали разныя бумаги, — жалобы обиженныхъ, письменныя показанія свидѣтелей, — и на основаніи этихъ бумагъ рѣшалъ дѣло. Въ судѣ не пускали при этомъ никого, — ни публики, ни свидѣтелей, а иногда даже и подсудимаго; обвиняли заочно, такъ что онъ не могъ и оправдаться; не было у него и защитника, который могъ бы замолвить за него слово. Дѣла часто рѣшались неправильно; случалось, что судья оправдывалъ виновнаго, только потому, что его показаніе было написано толковѣе, — или обвинялъ невиннаго, не умѣвшаго писать такъ толково; и помѣщать ошибокъ было некому, — судьи судили безъ постороннихъ.

Много времени уходило на писаніе бумагъ, по которымъ разсматривалось и рѣшалось дѣло. Дѣла затягивались; были дѣла, тинувшіяся по многу лѣтъ; и все это время подсудимые, — можетъ быть, невинные, — сидѣли въ тюрьмахъ. Жаловаться на приговоръ было трудно; дѣло затягивалось еще дольше и требовало новыхъ расходовъ.

Новый судъ.

Послѣ освобожденія крестьянъ, при томъ же государѣ Александрѣ II, были устроены и новые суды; эти суды дѣйствуютъ и донынѣ. Въ этихъ судахъ судятся и крестьяне, и купцы, и дворяне, безъ различія сословій; прежній крѣпостной судится въ одномъ судѣ съ прежнимъ своимъ господиномъ. Во времена крѣпостнаго права это совсѣмъ было бы невозможно.

Самый судъ ведется теперь иначе, не такъ, какъ прежде. Особый слѣдователь разслѣдуетъ все дѣло, собираетъ доказательства и улики; на судѣ, передъ судьями, все это проверяет-

ся, чтобы не было никакой ошибки. Послѣ этого говорятъ на судѣ рѣчи прокуроръ (обвинитель) и адвокатъ (защитникъ). Прокуроръ старается разобрать передъ судьями, виновенъ ли подсудимый, и приводитъ всѣ доказательства его вины; защитникъ, напротивъ, старается привести все, чѣмъ можно оправдать подсудимаго. На судѣ участвуютъ также присяжные засѣдатели, — люди изъ мѣстныхъ жителей, изъ купцовъ и мѣщанъ, изъ помѣщиковъ и изъ мужиковъ, — безъ различія сословій; всѣ они даютъ присягу, что будутъ судить по совѣсти. Они слушаютъ все дѣло, и затѣмъ рѣшаютъ, какъ, по ихъ мнѣнію, виновенъ или невиновенъ подсудимый? Судъ кончается приговоромъ; судьи объявляютъ, какого наказанія заслуживаетъ по закону осужденный, если же онъ оправданъ, велѣтъ отпустить его. На приговоръ суда можно жаловаться дальше, въ палату, а на палату въ сенатъ.

При всемъ этомъ на судѣ присутствуетъ самъ подсудимый, вызываются на судъ и свидѣтели, и могутъ присутствовать всѣ желающіе изъ публики. Дѣла рѣшаются явно, при всѣхъ.

Все это помогаетъ лучше разобрать все дѣло, вѣрнѣе и скорѣе рѣшить его; судьямъ легче избѣжать ошибокъ. Помѣнились и наказанія, къ какимъ можетъ приговаривать судъ; по закону, никого нельзя наказывать тѣлесно. «Милость и правда да царствуютъ въ судахъ», — говорилъ царь Александръ II; новый судъ долженъ быть скорый, милостивый и правый.

*Въ залѣ суда.

За длиннымъ столомъ, покрытымъ краснымъ сукномъ, сидятъ судьи. На возвышеніи за особымъ столомъ находится чиновникъ, котораго называютъ прокуроромъ. Сбоку помѣщаются присяжные, а за рѣшеткой, среди двухъ солдатъ съ обнаженными саблями, стоитъ женщина въ арестантскомъ халатѣ. Передъ рѣшеткой сидитъ адвокатъ, который долженъ защищать эту женщину. Въ концѣ залы помѣщается публика, которая слушаетъ, какъ разбирается дѣло.

Прокуроръ обвиняетъ женщину въ томъ, что она украла деньги, и предлагаетъ судьямъ наказывать ее за кражу по закону. Хотя она украла изъ нужды, но прощать преступленіе нельзя. Если оставить женщину безъ наказанія, то она можетъ

опять украсть, отговариваясь нуждой. Свидѣтели, которыхъ пригласила женщина, рассказываютъ, что женщину взять чужія деньги заставила нужда. Она вдова, имѣетъ ребенка и стариковъ-родителей. Своимъ трудомъ она содержитъ всю семью. Но вотъ она лишается заработка, и семья должна голодать. Она долго ищетъ работы, но ничего не находитъ; что было — заложено, а дальше жить нечѣмъ. Тяжелая нужда заставила украсть. Но кража не удается, и женщину сажаетъ въ тюрьму до суда. Защитникъ проситъ судей пожалѣть эту женщину и не наказывать ее за кражу, которую она совершила ради своей семьи.

Присяжные внимательно слушаютъ прокурора, свидѣтелей, защитника, обиженного и, наконецъ, женщину, которая тоже проситъ простить ее. Послѣ этого присяжные уходятъ въ отдѣльную комнату, гдѣ рѣшаютъ вопросъ, виновна женщина въ кражѣ или нѣтъ. Одни присяжные хотятъ обвинить ее, а другіе — оправдать. Подсчитываютъ, кого больше: желающихъ оправдать или обвинить. Большинство рѣшило оправдать женщину.

Присяжные выходятъ снова въ залу. Публика тревожно ждетъ, что рѣшили присяжные. Волнуется и женщина, ожидая рѣшенія своей участи. Сильно взволнованы старики-родители и съ безпокойствомъ ждутъ они приговора. Что будетъ съ ними, съ маленькимъ внукомъ, если посадятъ дочь въ тюрьму? Одинъ изъ присяжныхъ читаетъ приговоръ: «Не виновна». Тогда судьи, сидящіе за столомъ, приказываютъ освободить ее. Солдаты прячутъ свои сабли, отворяютъ рѣшетку и выпускаютъ женщину. Она оправдана и можетъ снять теперь арестантскій халатъ и идти домой. Плача отъ радости, идутъ навстрѣчу къ ней родители, но мать, прежде всего, бросается къ своему ребенку, беретъ его на руки и крѣпко цѣлуетъ.

Военная служба раньше и теперь.

Тяжела была въ прежнее время военная служба (рекрутчина). Въ солдаты брали больше всего крестьянъ. Каждый помещицкъ обязанъ былъ доставить въ войско нѣсколько рекрутовъ. Сдать крѣпостного въ рекруты можно было во всякое время. Солдатская служба продолжалась 25 лѣтъ. Въ вой-

скахъ были большія строгости. За провинности по службѣ солдатъ наказывали розгами и палками.

Каждый годъ осенью производился рекрутскій наборъ. На долгіе годы крестьяннѣ покидалъ свою семью. Убъжалъ онъ молодымъ, а возвращался больнымъ, старымъ челоукомъ, который былъ неспособенъ уже ни къ какому труду. Многіе крестьяне изъ боязни рекрутчины убѣгали въ лѣса. Чтобы помѣнать побѣгу, на крестьянъ, которыхъ сдавали на службу, надѣвали ручные и ножные кандалы и запирали до отбѣзда въ отдѣльную избу и ставили стражу. Въ оковахъ и подъ карауломъ везли ихъ на подводѣ въ городъ. Вся деревня выходила провожать рекрутовъ съ рыданіемъ и плачемъ. Рекрутъ кланялся въ землю родителямъ и родственникамъ, просилъ прощенія, какъ-будто шель на вѣрную смерть, а родные причитывали надъ нимъ, какъ надъ покойникомъ.

Проходили годы, и старый солдатъ возвращался на родину. Что же заставляло онъ дома? Во время долгаго отсутствія многіе изъ его родныхъ умерли, свое хозяйство находилъ онъ въ запустѣніи. Бывали случаи, когда въ деревнѣ никто не узнавалъ вернушагося солдата. Всѣмъ онъ сталъ чужимъ, всѣ отъ него отвыкли. И доживалъ онъ одиноко, больной и старый, никому ненужный, послѣдніе дни своей жизни.

Уже съ XVIII вѣка дворяне не служили въ солдатахъ, а если и шли офицерами на военную службу, то по своей волѣ. Купцы же чаще всего откупались.

При Александрѣ II все мужское населеніе Россіи, и богатые, и бѣдные, и купцы, и дворяне, и крестьяне стали нести военную службу. Но служили они уже не 25 лѣтъ, а всего только шесть лѣтъ на дѣйствительной службѣ, и послѣ этого въ теченіе 9 лѣтъ въ запасѣ. Въ случаѣ войны запаснаго могли потребовать въ армию. Вместе съ тѣмъ военная служба перестала быть такой тяжелой, какой была прежде. Получившій образованіе служилъ меньше другихъ и тѣмъ меньше, чѣмъ больше былъ образованъ.

Городъ и деревня.

Сильно измѣнилась Россія послѣ преобразованій императора Александра II. Между городами провели желѣзныя дороги, въ городахъ появились фабрики и торговля. Въ глав-

ные города и по желѣзнымъ дорогамъ и по рѣкамъ везуть разные продукты съ окраинъ государства: везуть шерсть, ленъ, шелкъ, кожу, желѣзо и многое другое.

На фабрикахъ и заводахъ тысячи рабочихъ машинами обрабатываютъ продукты, готовятъ шерстяныя и шелковыя матеріи, полотна и разные другіе товары. Эти товары развозятся по всей Россіи. Часть изъ нихъ остается въ городахъ. Мѣстные купцы скушаютъ ихъ и продаютъ въ своихъ магазинахъ.

Съ развитіемъ торговли города стали богатѣть и оживляться. Съ ранняго утра до поздней ночи несмолкаемый шумъ стоитъ въ большомъ городѣ. По его широкимъ мощенымъ улицамъ и площадямъ съ шумомъ ѣздятъ извозчики и автомобили, ходитъ трамвай и конки; по тротуарамъ мимо высокихъ многоэтажныхъ домовъ движется густая толпа. Кого только не увидишь въ ней: и богато одѣтую даму, и скромнаго рабочаго, и нищаго въ лохмотьяхъ.

Люди останавливаются около большихъ магазиновъ, гдѣ красиво разложены разные товары; иные входятъ за покупками, другіе проходятъ мимо. Здѣсь же спуютъ газетчики, разносчики и выкрикиваютъ свой товаръ.

Къ большому зданію каждое утро собираются дѣти. Это — городская народная школа. По лѣстницѣ поднимаются школьники въ высокіе свѣтлые классы, стѣны которыхъ увѣшаны картинами и картами. Здѣсь за ученьемъ дѣти проводятъ большую часть дня.

Проидемъ дальше по городу. Вотъ передъ нами нѣсколько большихъ зданій, окрашенныхъ въ одну краску и окруженныхъ большимъ дворомъ. Здѣсь помѣщается городская больница. Въ палатахъ лежатъ больные. Ихъ посѣщаетъ докторъ и ходятъ за ними сидѣлки. Сюда же каждый день приходятъ больные за совѣтомъ и лѣкарствами.

О постройкѣ школъ и больницъ, о мощеніи и освѣщеніи улицъ и о многомъ другомъ заботится городская дума.

Домовладѣльцы города избираютъ выборныхъ; собраніе этихъ выборныхъ называется городской думой. Во главѣ городской думы стоитъ городской голова; распоряженія думы исполняетъ городская управа. Деньги на благоустройство города дума собираетъ съ городскихъ жителей.

Измѣнилась жизнь не только въ городахъ. Въ деревняхъ

и селахъ проведены шоссеяныя дороги, появились школы, больницы, библіотека.

Какъ и въ городахъ, всѣмъ этимъ заведуютъ выборные люди. Ихъ выбираютъ жители губерній, какъ помѣщики такъ и крестьяне. Эти выборные рѣшаютъ всѣ дѣла на собраніяхъ, которыя называются земскими собраніями.

На расходы земское собраніе собираетъ деньги съ крестьянъ, помѣщиковъ, торговцевъ и другихъ жителей.

*Ограниченіе самодержавія въ Россіи.

Декабристы преслѣдовали двѣ задачи: освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и освобожденіе всего народа отъ неограниченнаго самодержавія.

Первая задача была рѣшена въ царствованіе Александра II; но отнявши у помѣщиковъ власть надъ крестьянами, Александръ II не пожелалъ ограничить своей власти. Онъ полагалъ, что народъ, только что сбросившій рабскія цѣпи, не подготовленъ къ свободѣ: ему нуженъ опекунъ въ лицѣ цари и его чиновниковъ.

Но не такъ думали лучшіе русскіе люди. Въ печати, на собраніяхъ они требовали ограниченія самодержавія.

Но Александръ II твердо держался за свою самодержавную неограниченную власть и сталъ преслѣдовать всѣхъ, кто такъ или иначе покушался на нее.

Вся вторая половина его царствованія прошла въ борьбѣ и преслѣдованіи противниковъ самодержавія. Закрывались Земскія собранія и Городскія Думы за вольнолюбивыя рѣчи; предавались суду, а то и безъ суда ссылались въ Сибирь и заключались въ тюрьму видные общественные дѣятели и журналисты; закрывались журналы и газеты.

Преслѣдованія раздражали общество. Запрещеніе свободы слова и собраній вызвало тайныя общества, члены которыхъ за направленные противъ нихъ преслѣдованія отвѣчали покушеніями на жизнь министровъ и губернаторовъ царя, а также и самого царя. 1-го марта 1881 года Александръ II былъ убитъ.

Слѣдствіе и судъ разгромили революціонеровъ.

Наслѣдникъ Александра II, Александръ III ревнивецъ отца охранялъ свою власть. При немъ усилились преслѣдованія противъ печати, земскихъ собраній и высшихъ учебныхъ

зависимый, противъ учителей земскихъ школъ и даже противъ новаго суда. Земства были лишены нѣкоторыхъ своихъ правъ, нѣкоторые мировые судьи въ деревняхъ назначались земскіе начальники; власть губернаторовъ и другихъ чиновниковъ была усилена. Царствованіе Александра III было возвратомъ ко временамъ Николая I-го.

Николай II, сынъ и наследникъ Александра III, продолжалъ дѣло своего отца.

Бюрократическій строй, т.-е. управленіе при посредствѣ чиновниковъ, при немъ развернулось полнымъ цвѣтомъ.

Чиновники допускали произволъ и злоупотребленія въ дѣлѣ управленія.

Россия, казавшаяся съ внѣшней стороны сильною и могущественною, на самомъ дѣлѣ была доведена ими до позора. Недостатки бюрократическаго строя вскрылись во время позорной войны съ Японіей. Несмотря на то, что Россия превосходила Японію своими силами и средствами, русская армія и флотъ терпѣли одно поражение за другимъ; боевые суда наши оказались никуда негодными; армія плохо снаряжалась; полководцы были неподготовленными къ веденію этой войны.

Пораженіе Россіи и позорный миръ вызвали открытыя возмущенія въ обществѣ и печати.

Начались забастовки и вооруженныя возстанія. Министръ графъ Витте убѣдилъ царя дать конституцію. 17 октября 1905 года царь торжественно обѣщалъ дать народу свободу совѣсти, слова, печати, собраній и т. д. Народъ былъ призванъ къ управленію страной черезъ своихъ выборныхъ—депутатовъ въ Законодательныхъ Учрежденіяхъ страны (въ Государственной Думѣ и отчасти въ Государственномъ Совѣтѣ). Впрочемъ, далеко не весь народъ могъ участвовать въ управленіи страной—такъ какъ выборы въ Государственную Думу не были всеобщими. Учрежденіемъ Государственной Думы было положено начало политическаго освобожденія Россіи отъ неограниченнаго самодержавія и произвола чиновниковъ.

***Открытіе первой Государственной Думы.**

Это былъ ясный и теплый, солнечный день. Весь Петербургъ залитъ лучами свѣта. День былъ не праздничный, не воскресный, — тѣмъ не менѣе на улицахъ столицы были толпы праздничнаго народа. Дома были убраны флагами, фона-

риками; къ вечеру готовилась иллюминація. По улицамъ неслись вереницы экипажей, — пролетокъ, колясокъ, каретъ: все они съѣхали къ Зимнему дворцу, куда царь пригласилъ въ этотъ день всю Думу и весь Совѣтъ.

Въ Зимнемъ дворцѣ, въ громадной залѣ, съ хорами, ложами и колоннами, собрался въ ожиданіи царя министры, сенаторы, генералы, епископы и митрополиты; тутъ же стояли, другъ противъ друга, справа и слѣва, члены Совѣта и члены Думы въ полномъ составѣ. Золотое шитье, ленты, ордена украшали царскихъ министровъ, сенаторовъ, генераловъ, многихъ членовъ Совѣта; духовенство было въ драгоценныхъ ризахъ, въ золотыхъ и серебряныхъ митрахъ. Члены Думы были одѣты проще, въ платье изъ чернаго сукна, безъ золотого шитья, безъ лентъ и орденовъ. Они стояли густой толпой. — ихъ было около 500 человекъ. Среди нихъ были помещики и купцы, крестьяне и въ небольшомъ числѣ фабричныя рабочіе; на-ряду съ русскими людьми были поляки, нѣмцы, татары, армяне, евреи.

Въ концѣ громадной залы, подъ балдахиномъ, стоялъ на возвышеніи богатый, золоченый тронъ. На немъ была положена царская порфира, обшитая дорогими горюстаями. На особомъ подставкѣ сбоку лежали держава и корона. Нѣсколько генераловъ стояли по сторонамъ и держали царскій скипетръ, государственный мечъ и государственное знамя. Около трона толпилось много придворныхъ, въ блестящихъ нарядахъ. Все ждало царя.

Когда настало время, въ залу вышелъ царь, со своей свитой. Духовенство отслужило молебенъ. Когда молебенъ кончился, царь сталъ у трона и обратился ко всемъ со своею рѣчью. Въ этой рѣчи царь приветствовалъ «лучшихъ людей», выбранныхъ ото всей Россіи, и призывалъ Божіе благословленіе на ихъ труды. Все выслушали въ молчаніи рѣчь царя и отвѣчали громкими кликами «ура».

Послѣ этого все разъѣхались. Депутаты отправились на другой конецъ Петербурга, въ отведенный для Думы Таврической дворецъ.

Собравшись въ Таврическомъ дворцѣ, въ большой Вѣлой залѣ, члены Думы устроили первое свое засѣданіе, и прежде всего выбрали себѣ предсѣдателя. Такъ была открыта первая Государственная Дума.